

ЖАПАРАЛИ ОСМОНКУЛОВ

**ДОБРЫЙ
ПАЛАЧ**

Повести и рассказы

Бишкек - 2013

ББК 83,8

О - 74

Осмонкулов Жапарали

О - 74

Добрый палач

Повести и рассказы

Бишкек – 2013, – 154 бет

ISBN 9967-13-057-1

В эту книгу писателя **Жапарали Осмонкулова** вошли повести и рассказы, которые были переведены самим автором. Произведения писателя разнообразны по содержанию, отличаются нравственной углублённостью и обобщённостью. Чистый мир детства, красота природы, жизнь горожан и сельчан – его основная тема.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

О 4803300100-13

ISBN 9967-13-057-1

УДК 82/821-93

ББК 83,8

© Осмонкулов Ж., 2013-ж

ДОБРЫЙ ПАЛАЧ

Однажды, в середине лета, я посетил одну из старинных городов России. Куда я был приглашен для принятия участия в Международном семинаре журналистов СНГ. Семь дней пролетели мгновенно. Хорошо, что заранее купил обратный билет на самолет. И поэтому, как только закончились пышные проводы, сразу помчался в аэропорт. Как и везде в многолюдном аэровокзале стоял привычный шум и гам. Суета сует, на меня давило, и я хотел быстрее вырваться из этой непривычной и давящей на меня обстановки. Я с детства не люблю многолюдье, и поэтому прошел в самый малолюдный зал ожидания, чтобы побыть наедине с собой.

Как в народе говорится: нет худа без добра. Удобно расположившись в кресле, начал записывать, совершенно не считаясь со временем, незабываемые горячие и приятные впечатления, которые получил во время семинара. Меня захватил азарт, я торопливо и спешно писал. Вдруг объявили рейс. Услышав сообщение, я быстро и весело соскочил с места и наклонился к сумке, чтобы достать свои документы. К сожалению, моя большая кожаная дорожная сумка и закинутая на нее куртка исчезли. С растерянным видом стоял я, как истукан, в середине зала. Постояв немного времени, кинулся искать свою любимую сумку. Все необходимые документы, деньги, подарки детям находились там, в сумке. Что мне делать? Я схватился за голову, потом сунул руку в карман и оттуда вытащил только мелочь, на которую можно было купить разве что семечки. Потерялась сумка. Самолет мой улетел.

Я остался без документов и средств к существованию. Я стал метаться в панике то туда, то сюда, в конце концов, устав от бессмысленных поисков, обратился к дежурному по аэровокзалу. Дежурный оказался молодым милиционером, при виде меня он сердито спросил:

– Почему сразу не подошли? Теперь их днём с огнем не найдешь. След негодяев давным-давно исчез, – сказал и вышел из кабинета – то ли искать негодяев, то ли по привычке.

Судя по его взгляду, у него не было ни малейшего желания искать вместе со мной пропавшие вещи. Потому что он отнесся ко мне совершенно безразлично. От злобы я прикусил губу и пулей выскочил из кабинета. Сосредоточившись, глазами начал искать знакомую мне сумку. Казалось, что вот-вот обнаружится моя сумка, и я схвачу вора за руку. И поэтому на всё происходившее вокруг злился. В растерянности я расспрашивал каждого прохожего: «Не видели черную кожаную сумку с надписью «Кыргызстан»?» На мой вопрос одни отвечали «нет», а другие пожимали плечами. Каким-то образом я очутился на улице. Ноги мои без усталости несли меня, и на бегу, нечаянно задел боком рослого старика, который нес большой арбуз. Арбуз упал на асфальт и треснул, старик ошеломленно смотрел, не находя слов, то на меня, то на упавший арбуз. Мужчина был высок ростом, а его голова без единого волоса была похожа на арбуз. Он торопливо надел на голову соломенную шляпу, а я, волнуясь, попросил прощения:

– Извините, пожалуйста! Я нечаянно! Только что я потерял свою сумку, и поэтому ищу её, потеряв голову. То, что у меня осталось – вот, мелочь, возьмите, пожалуйста. Еще раз извините! – сказал я и протянул руку с мелочью.

– Ничего страшного, молодой человек. Тебе нечего бояться. На то и арбуз, чтобы разбиться на мелкие куски, – сказал старик весело и, посмотрев на моё побледневшее лицо, добавил. – Воров в аэровокзале предостаточно. Зря стараетесь, теперь вы свою сумку никогда не увидите.

– Что же мне делать? – спросил я в недоумении.

– Смириться, молодой человек, смириться. Куда лети? – спросил он, приглашая к разговору.

Доброе отношение старика мне сразу понравилось, и я ответил:

– Я должен был лететь в Бишкек. Но мой самолет давно улетел. Документы мои, авиабилет, деньги, всё необходимое было в сумке, – сказал жалобным голосом.

– Вай-вай, – старик покачал головой и вдруг радостно засиял. – Конечно, жалко. Вы случайно не с Иссык-Куля? – вдруг спросил он с улыбкой.

– Нет, – ответил я. – Я из Оша.

Старик на секунду задумался и сказал:

– В Оше не был, но на озере был. Одно из чудес земного шара я увидел там, жемчужину Иссык-Куль. Люди такие хлебосольные – просто слов нет. Уважение за уважение, если так уж получилось, я приглашаю вас в свой дом. Будьте моим гостем. Я такой же человек, как вы. Обо мне не беспокойтесь. Сегодня отдохнете, а потом можете отправляться домой. Потому что поезд отсюда в Бишкек отправляется завтра, приблизительно в девять часов. Я вас сам провожу, – сказал старик от чистого сердца, мило улыбаясь.

«Ночью, без документов - куда я пойду? Если одолжить немного денег, завтра можно и на поезде уехать», – подумал я и молча пошел за стариком, как будто согласившись на его предложение. По дороге старик представился:

– Букреев Павел Степанович, бывший военный. Житель этого прекрасного старинного города. Сейчас на пенсии. Живу в своем загородном частном доме.

– Очень хорошо! Курманалиев Жанчар Адылович, из Киргизии, журналист. Приехал на Международный семинар «Журналисты против террора».

– Вот и хорошо, так быстро познакомились, – он радостно пожал мне руку.

Старик оказался разговорчивым. Несмотря на то, что давно перевалило несколько десятков птичьей жизни, он выглядел бодро. Когда он крепко пожал мою руку своей длинной рукой, я почувствовал, что старик еще был силен как бык. Таксист быстро довез нас до окраины города. Вошли в огромный дом, ворота и окна которого были украшены резными узорами. Павел Степанович, как только зашел в дом, первым делом поставил чайник на плиту. Потом ловко накрыл пышный стол. Сначала выпили по рюмке коньяку. Его старуха, оказывается, в тот день ушла в гости к детям.

– Каждый год, в это время, все мои дети приезжают из разных концов страны и гостят несколько дней в отцовском доме, – начал свой разговор бывший сотрудник НКВД. – Сегодня я всех провожал в разные стороны. У меня восемь детей. Восемь в восьми разных местах занимают хорошие посты. Мы со старухой только и молимся, чтобы их жизнь была долгой и благополучной. Что у нас есть, кроме детей? Ничего. И поэтому днём и ночью молимся и ждем своего часа, – сказал он.

Наступили сумерки. Плотнo поужинав, мы продолжали разговор. Старик принялся с жаром рассказывать о себе, о своих грехах и о своих успехах. Курил беспрерывно и исключительно только папиросы «Беломорканал». Слово за слово и беседа разгорелась, даже не заметили, как рассвело. Услышав о его жизни, я очень испугался: никогда не думал встретить такого страшного человека с такой невероятной работой. Павла Степановича, про себя, записал в ряды особенных людей мира.

– Про вас буду писать.

– Ради бога, пишите! Я не возражаю, – сказал старик, не спеша, упершись рукой в бок.

Вот здесь моя потерянная синяя тетрадь и пригодилась. Особо не раздумывая, я принялся строчить строку за строкой: вот она история жизни старика.

* * *

После обеда погода прояснилась. Город как будто слегка утомился от обильного дождя, который лился с неба три дня. И поэтому, как только появились первые лучи солнца, на улицах началось энергичное движение. Люди толпились в магазинах, из-под колес мимо мчавшихся машин брызгали фонтаны вод. От звука неустанно гудевших на крышах высотных домов голубей и от весёлого чириканья воробьёв болела голова. А в тюрьме, которая расположилась в восточной части города, поднялся людской переполох.

Как раз в этот день я был принят в группу сотрудников «Особой службы» НКВД, которая была подведомственна городской тюрьме. И поэтому мое настроение было довольно приподнятым. После ознакомления с положениями о вну-

тренней и внешней дисциплине в тюрьме я шел на обед. Перед столовой меня остановил посыльный и сказал:

– Тебя срочно требует к себе начальник тюрьмы, полковник Зимолин.

Я полетел пулей. В приёмной начальника тюрьмы никого не было, кроме бледной как полотно женщины. И та сидела с пасмурным и скучающим видом.

– Заходите, пожалуйста. Вас ждет начальник тюрьмы, – сказала она, слегка улыбнувшись.

– Спасибо, – сказал я в ответ и, выпрямив грудь, тихо постучал в дверь.

– Заходите! – послышалось из кабинета, и я аккуратно прошел в кабинет.

– Товарищ полковник, по Вашему приказанию прибыл боец «особой группы» Букреев! – отчеканил по-военному.

Но начальник даже не обратил внимания на мое старание. На первый взгляд, обстановка в кабинете, стол которого был накрыт красной материей, была приятной. За столом сидел лысый некрасивый полковник, и что-то писал, склонив голову. Я стоял в ожидании ничего не говоря, даже не шевелился. Как дисциплинированный боец, я ждал приказа или задания. Немного погодя полковник, не глядя, махнул рукой, дав знак подойти поближе. После этого знака я понял, что разговор между нами продлится недолго, но будет достаточно строгим. Боясь споткнуться на красивом ковре, осторожно подошел к нему и встал рядом. Наконец полковник, закончив писать, приподнял свою голову и спросил:

– Ну как, боец, получили место в общежитии?

– Получил, товарищ полковник, – ответил я.

– Вы, наверное, уже познакомились со своей новой работой? У нас дисциплина очень строгая. То что вы видите или слушаете здесь, ни в коем случае не должно проникать наружу. Военную тайну не разглашать, и всегда будьте начеку. Это приказ. Если каким-то образом нарушите приказ, то не только вы, но и ваши родственники могут сильно пострадать. Вы этого понимаете, товарищ боец!?

– Понимаю, товарищ полковник. Я же не маленький ребенок.

– Если понимаете, это хорошо. Как вы себя чувствуете?

– Пока нормально, – ответил я и пожал плечами, ничего не понимая.

– Как надо понимать ваши слова «пока нормально», товарищ Букреев?

– Нормально - значит, нормально, товарищ полковник.

Не мог подобрать более подходящих слов, так как чуть не лишился дара речи.

– Товарищ Букреев, вы теперь сотрудник НКВД! На вопросы надо отвечать четко и ясно! Учитесь у других. Бросьте заводские замашки!

– Есть, товарищ полковник! – От неудобства по телу пробежали мурашки.

– Вы готовы исполнять особо важные поручения!? – В голосе его слышались нотки металла.

– Готов, товарищ полковник! – Выпрямился, и в спешке не помню, как отдал честь.

В душе почувствовал, что с сегодняшнего дня мой табельный маузер незамедлительно приступает к своим обязанностям. От своего ответа «Готов!» я так растерялся, что заметно начали дрожать колени. Лицо, наверное, сильно побледнело. Этого не мог не заметить опытный полковник.

– Ну, хватит уже! – закричал полковник угрюмо.

Скрипнув креслом, он встал и подошел ко мне. Своей огромной ладонью по-отечески похлопал по плечу. Я сразу обмяк, как перепелка, увидевшая перед собой сероглазого сокола. Полковник Зимолин увидев мое жалкое, дрожащее состояние отреагировал с ненавистью.

– А почему так жметесь, будто наступили на хвост змеи? Что у вас, нервы расстроены? Не мучайте себя и других. Дышите ровно, в конце концов, держите себя в руках! – Угрюмо раскомандовался полковник. – Конечно, вначале всегда возникают трудности, но постепенно вы к этому привыкнете. Пока не привыкнете, будет так тяжело, – процедил он сквозь зубы.

Слушая его, я чуть не разрыдался, как трусливый боец, умолял про себя: «Мне ничего не надо. Прошу уволить меня со службы, я не справлюсь!» Словно услышав мои мысли, полковник вдруг разозлился, и, казалось, от злости готов был живьем меня проглотить.

– Ради бога, возьмите себя в руки, молодой человек! Вы сюда пришли не для того, чтобы сопли вытирать, а для того чтобы исполнять особое поручение Коммунистической партии! Вы, в первую очередь, член партии и сотрудник НКВД. Вы пришли исполнять приговоры высшей меры наказания – расстрел изменников партии и Отечества. Понимаете ли вы, какую ответственность возлагают на вас Правительство и партия? Очень большую ответственность! Правду говоря, вы должны гордиться своей особой службой! – властно кричал начальник тюрьмы, полковник Зимолин.

Я ничего не мог сделать, даже пошевелить губами. Поэтому не мог сказать, стоя напротив начальника тюрьмы, красного, как рак, от ярости с непрерывно бегающими глазами, «понимаю» или «не понимаю». У меня язык отнялся, а от него сильно пахло перегаром спирта и луком. Это вызывало у меня тошноту, и я, вытирая вспотевший лоб, согласно кивал головой. Видя моё замешательство, полковник достал из портсигара папироску. Чиркнул спичкой и прикурил. Прислонился к стене, на которой висел портрет всенародного вождя Сталина, и посмотрел на меня с недоверием.

– Товарищ Букреев, вы знаете, что враги народа в нашей стране появляются как ночные волки. С каждым днем увеличивается их число и растёт угроза от их действий. Чтобы ловить в силки этих нечистых душой ночных хищников и расстреливать их, партия призывает подобных тебе молодых представителей от рабочих и крестьян и стойких коммунистов. А ты шмыгаешь носом, как младенец, дрожишь, как последний мерзавец!

Полковник по-настоящему разозлился и огромным кулаком стукнул по столу, от чего мне стало страшно. Когда сказал, что я из рабочих, я ещё больше задрожал по той причине, что на самом деле был сыном крупного капиталиста, хозяина завода. Если бы раскрылась моя ложь, то тотчас мне надели бы на руки и ноги кандалы и сказали бы: «Оказывается, он из капиталистических элементов, волк, который прикидывался овцой. Вот такие негодяи распшатывают, разрушают государственный строй!» – и не поленились бы расстрелять... Чтобы выглядеть храбрым бойцом перед полковником, я успокоил дрожавшее тело и бодро сказал:

– Товарищ полковник, вы правильно говорите, что враги народа не сидят сложа руки, и число их с каждым годом растёт. Уничтожить их в корне – это обязанность молодых коммунистов. Пока их не сровняем с землей, делу государства никак не сдвинуться с места. Их, не жалея, надо бить и бить.

Полковник, сердито нахмурившись, отметил перемену в моём настроении и сел за свой стол. Удобно расположившись, улыбнулся в усы.

– Вот, теперь служба будет ладиться. Первое задание может быть трудным, это ничего. Со временем привыкнешь, потому что жизнь всему учит.

Вытянув, из горстки разноцветных карандашей красный, полковник внизу листа бумаги размашисто написал: «Товарищ Букреев готов исполнять приговор» – и поставил свою печать. А бедный исполнитель никак не мог успокоить свое отяжелевшее, как камень, тело; на спине проступил холодный пот, все тело охватила дрожь.

– Товарищ боец, Вашим рабочим местом будет 37 камера. Ваша обязанность – исполнять приговор, чётко и в срок. Поняли?! – полковник, пригрозив пальцем, приказал женщине в приемной вызвать какого-то майора Лободу.

Через некоторое время, словно ожидавший вызова, в приемной появился худощавого телосложения, но длинного роста майор Лобода и зашел в кабинет начальника тюрьмы. Начальник поспешно представил нас друг другу и приказал повышенным тоном отвести меня на моё рабочее место. Майор оперативно отдал честь и сказал:

– Есть, товарищ полковник!

Потом обратился ко мне:

– Боец, идите за мной!

Я беспрекословно подчинился приказу майора и пошел за ним. Он привел меня в сырой подвал, подвел к двери с цифрой «37» и сказал так:

– Товарищ Букреев, это Ваше рабочее место. Вы ровно в 13 часов дня будете исполнять государственный приговор. Вы инструкции помните!?

– Помню, товарищ майор, – ответил я дрожащим голосом.

– Ну, тогда все хорошо. Готовьтесь, для этого у нас есть все, – сказал он жестко.

* * *

Главный охранник тюрьмы, майор Лобода передал мне алюминиевую кружку, которая была привязана к бочке спирта, и по внутреннему телефону кому-то отдал свой привычный приказ. Поэтому без особого труда я догадался, что механизм приговора в тюрьме исполнялся в строгом порядке. Посмотрел на стенные часы: до 13 часов оставалось еще 20 минут. «Значит, у меня еще есть время. Теперь ясно, для чего предназначен спирт в коридоре. Оказывается, когда выпьешь немного спирта, расслабляется все тело, невольно становишься более храбрым. Потом напустишь на себя грозный вид – и можешь уничтожить одного за другим», – размышляя. Эту процедуру я теоретически знал, и поэтому прежде чем зачерпнуть спирт из бочки, зашел в умывальную. Подставил голову под кран, хотел освежиться холодной водой. Освежился. Несколько раз приседал, бил себя ладонями по щекам. После этого еле успокоил сжимающееся, как червь, дрожащее тело. Вдруг меня пронзила мысль: «Не опоздал ли!». Я пулей выскочил из умывальной комнаты в коридор. Немного освежившись от холода проточной воды, торопливо зачерпнул полкружки спирта из бочки и, не раздумывая, выпил. Спирт резко согрел мои внутренности, и с вытаращенными глазами, не убирая руки ото рта, пошатываясь пошел в 37 камеру. Таким образом, мой первый служебный день начался со спирта, который долгие годы меня поддерживал и бодрил.

Тридцать седьмая камера находилась в самом тёмном месте, в конце длинного коридора. Туда никогда не проникали солнечные лучи. И поэтому там всегда, днём и ночью горел свет. Слабое освещение придавало камере еще более страшный вид. Там пахло сыростью и кровью. Когда проходишь через узкий коридор и поворачиваешь направо, то попадаешь в сырую камеру. Там навечно впитавшаяся в серые стены человеческая кровь пугала души смертников. Камера была наглухо зарешечена железом без каких-либо щелей. Здесь хоть кричи, хоть из пулемёта стреляй – снаружи не было слышно. Последний путь людей, приговоренных к расстрелу, заканчивался здесь. В группе переговорщиков служили два фельдшера, в чьи обязанности входила подготовка к расстрелу приговоренных. Когда они брались за дело, то и змей заставили

бы заговорить. Список приговоренных составлял сам начальник тюрьмы по донесениям секретной службы, его отдавали в руки переговорщиков, которые по очереди тщательно обрабатывали смертников и в конце беседы говорили: «Гражданин такой-то, Вас справедливый Советский суд полностью оправдал. С вами теперь будет говорить сам Господь бог. Вам придётся отправиться в долгий путь. И поэтому счастливого Вам пути!» Бедный смертник не знал, чему верить, чему нет. Услышав добрые слова переговорщиков, он в панике начал теряться. В этот момент внезапно появился я, и, не дав бедному опомниться, приставлял свой грозный маузер к его затылку, спустя мгновение звучал глухой выстрел, расстрелянный падал, как подкошенный. Кровь разбрызгивалась повсюду. После этого доктор-эксперт профессионально констатировал факт и оформлял справку о смерти. Через какое-то время уже и подробной констатации не требовалось, просто составлялись общие списки. Замертво упавшего смертника группа могильщиков, несмотря на судорожно подёргивавшееся туловище, быстро перевязывала крест-накрест. Если так не сделать, то затруднительно было везти свернувшийся труп куда-либо. Это был весь секрет.

* * *

Итак, пришло моё время беспрекословно исполнять приговоры от имени Родины, во имя процветания Коммунистической партии. Я к этому делу долго шёл, готовился как мог. И партийные, и военные начальники неустанно учили, строго инструктировали нас и часто посещали нашу тюрьму.

Придя в 37 камеру, повторил еще раз про себя секретные инструкции. Оказывается, меня там давно ждали. Охранники молча, отворив тяжелую железную дверь, дали мне знак идти по узкому коридору. Вторую железную дверь пришлось открыть самому. Из мерцающей сырой камеры шёл неприятный запах. Меня сильно затошнило. Когда я вошёл в камеру размером четыре на полтора метра, передо мной стоял, заложив руки за спину, крепкого телосложения человек. Он был одет в белую рубашку с отложным воротником. Спирт, который согревал изнутри, заметно поднял мое настроение, я

даже почувствовал себя храбрым. У меня было такое ощущение, будто с давних пор затаившее злобу сердце билось учащенно.

По инструкции передо мной кто бы ни стоял: хоть дряхлые старухи со стариками, хоть дитя, у которого на губах не обсохло материнское молоко, или сам дьявол - я не имел права входить с ними в контакт. Спросить у человека, кто он такой, откуда он, как сюда попал, и думать о том, можно ли исполнять приговор или отказаться, правильно ли я поступаю, или нет, по инструкции запрещалось. Поэтому без колебаний, медленно вынув из кобуры табельный маузер, я прицелился прямо в затылок человека, который стоял предо мной. Все делал по инструкции. Я не мог сказать «промахнулся» - с близкого расстояния промахнуться просто невысказуемо, если только неожиданно не произойдет землетрясение. Однажды я почувствовал, как у смертника при виде меня отяжелело дыхание, глаза его выпучились, яремные вены сильно вздулись. Душа моя встревожилась, почувяла, что убить человека непросто. Само собой в мою голову пришла мысль: «Кто бы там ни был, рискну, как бы ни было тяжело, выполню свою обязанность». После моего раздумья глаза мои крепко закрылись, и, по инструкции, взяв на мушку его голову, наконец, решился спустить курок маузера. А смертник, не оглянувшись, похоже даже не успел подумать: «Кто-то пожаловал с допросами». После выстрела он в недоумении грохнулся лицом вниз. Я, приложив руку к сердцу, машинально бормотал: «Врагов народа на одного человека меньше стало». Из любопытства склонил голову в сторону первой жертвы и одновременно прислушался к откуда-то доносящемуся голосу. Вдруг увидел на правой руке лежащего лицом вниз человека такую надпись: «Саша Дуров». У меня закружилась голова, пришлось прислониться к стенке. Наверное, это оттого, что я убил человека по имени Саша Дуров. В это время в камеру вошёл Саша Мухин с папироской во рту. Он числился в группе могильщиков. Он делал вид, будто ничего не произошло. Отхаркивался, ударом ноги открывая железную дверь, которая ведёт во двор. Его ловкие руки приподняли труп, быстро перевязали его крест-накрест кожаной верёвкой. После этой процедуры команда могильщиков потащила труп по узкому

коридору в сторону двора.

Мой рассказчик, скрестив руки, глубоко задумался. Слушая рассказ старика, я чувствовал горечь его воспоминаний, поэтому тяжело и громко вздохнул, но успел сделать несколько заметок. Не обращая на меня внимания, старик продолжал свой жуткий рассказ.

– Через некоторое время верёвками уже никто не пользовался, потому что площадь, на которой исполнялась высшая мера наказания, еще на четыре камеры увеличилась. За день расстреливали по сорок с лишним смертников, и группа могильщиков, беря их за руки и ноги, загружала трупы в машину. Из-за сложного расположения камеры всякий мог заблудиться, не находя ни выхода, ни входа, и попросту мог бы сойти с ума. Потому что у самих кружилась голова. Но, по несколько раз в день переходя из здания в здание, вынуждены были привыкнуть. Так, неожиданно надев форму НКВД, я получил штатный паёк. В короткое время превратился в профессионального палача-исполнителя, который старался свою обязанность выполнять на «отлично».

* * *

Старик-палач тяжело вздыхал. Мною овладели ужасные мысли, и от страха я не заметил, как вскочил с места. От стыда покраснели мои щёки, поэтому пришлось ходить по комнате то туда, то сюда, думая: «На какие грабли наступил?!». Старик стряхнул пепел с давно погасшей папиросы, заново чиркнул спичкой. Он высказал всё, что у него накопилось в душе, и поэтому с любопытством, глядя на меня, выпускал дым изо рта. Мне стало легче, я стал дышать ровно. Но больше всего меня пугал его взгляд.

– А Вы знаете, кем я хотел стать в детстве? – спросил вдруг Павел Степанович, спасая меня от безвыходной тишины.

Я невольно прищурил глаза, окинул его взглядом через курящийся дым и, ничего не подозревая, ответил вопросом на вопрос:

– Кем Вы хотели стать в детстве?

Старик усмехнулся себе в ус. Этот знак дал мне понять,

что о детстве он вспоминает с радостью.

– Больше всего хотел стать путешественником, – ответил он.

– Путешественником? Павел Степанович, это же замечательно! – сказал я, поддерживая беседу. – Если не получилось, что ж это Ваша судьба. Поэтому Вы можете рассказывать о себе и о том, какие увлекательные истории произошли с Вами.

– Эх, ты, мой пишущий друг! Раз решил открыться, то надо довести дело до конца. Буду рассказывать обо всём, раз уж ты просишь. Это моя судьба, что я встретил тебя. Значит, ты имеешь полное право выслушать мои правдивые рассказы. Оказывается, то, что видел глазами, забудется, а что сердцем пережил – не забывается. Закурите?! – спросив, подвинул пачку «Беломорканала» в мою сторону.

– Спасибо, я не курю, – ответил я и покачал головой.

– Это хорошее качество, – задумчиво поддержал он.

И мой собеседник, не заставляя себя упрашивать, выкурив папироску, продолжал свой рассказ. Я, заново отогнав от себя видимый и невидимый страх, удобно расположился в мягком кресле.

* * *

– Я в детстве мир по-другому представлял. Сидя на ветке яблони, всегда мечтал об увлекательных историях, а мыслями плавал в небесах. В жизни ни разу не бывал в горах, даже не посчастливилось увидеть их с близкого расстояния. Но гору я видел во сне. Однажды приснились мне высокие горы, которые покрыты зелеными травами, разноцветными красивыми цветами и большими деревьями. Вот тогда я, словно орёл молодой, расправив крылья, перелетал с горы на гору, без конца любовался красотой природы. К сожалению, в какой-то момент мои крылья начали тяжелеть, и я стремительно стал терять высоту. Жизнь моя висела на волоске. Еще секунда – ударился бы об землю. На этом интересном месте я вдруг проснулся и тихо-тихо под одеялом начал плакать навзрыд. Бормотал про себя: «Больше не летаю, как жаль!» Моя бедная мама, целуя меня в лоб, все время успокаивала: «Милый

мой, поверь мне, когда ты вырастешь, безусловно, станешь добрым человеком. Я это чую своим сердцем. Теперь спи, мой милый! Спи богатырским сном! Это всего лишь сон, он обязательно вернётся к тебе». После маминых слов я крепко зажмурил глаза, постарался быстрее заснуть и вернуть сладкий сон. Умоляюще бормотал: «О, господи, верни мой сон, только верни!» – и в ожидании засыпал богатырским сном.

Однажды мне приснилась красивая стройная черноглазая девушка с нежными губками и двумя длинными косами. Её красная плюшевая жилетка очень красиво смотрелась на белом платье. Незнакомая девушка жила в аиле, который находился на берегу большого озера, в окружении красивых холмов и высоких гор. Она весело собирала на берегу озера белые ракушки. Волны, вздымающиеся подобно горбу верблюда, одна за другой ударялись о скалы. Змеиный язык волны беспрерывно преследовал босую девушку, даже неоднократно добирался до её колен и успевал нежно облизать их. Это смешило девушку, и она беспрерывно вспархивала над языками волн, как белая чайка. Мне хотелось присоединиться к ее играм, но я никак не мог до нее добраться. Поэтому мне пришлось лишь издали наблюдать за ней. Такое удовольствие вызывали у меня неожиданные слёзы, слёзы радости и мучений. Наверное, это оттого, что я с детства так сильно поверил в свой сон. Если не увижу в очередном сне высокие горы, стройную красивую девушку на берегу озера, при каждом легком дуновении ветра плавно колыхающуюся, подобно алому цветку, я начинал сильно тосковать по ней. Такое счастье продолжалось долго, потому что из года в год повторялся этот сон, такой сладкий и любимый. Как приятно иметь собственный сон, сон детства!

Вот тогда, чтобы больше узнать о горах и об озере, я с энтузиазмом стал собирать информацию. В отцовской библиотеке не осталось ни одной непрочитанной мной книги. К сожалению, ни там, ни в других местах не нашлось той информации, которую искал я. В доме царил уют и покой. Родители с пониманием отнеслись ко мне: они участвовали в тайственных поисках, прекрасно понимая, что это просто бесполезная трата времени. Потому что о горах и об озере, которое мне снилось, не было информации. Но я не поддавался, неодоли-

мо шел к своей цели. «Все равно когда-нибудь обязательно найду девушку, которая живёт на берегу озера. Для этого мне придется вырасти и путешествовать по земному шару», – подумывал я и тщательно готовился к путешествию. Осенью в стране произошла Великая Октябрьская революция, началась гражданская война. И она длилась долгие годы, принося горечь и мучения многим людям.

Где-то кому-то было хорошо, а у кого-то отобрали все, что было нажито, и раздали другим. Я как раз был в рядах раскулаченных, потому что мой отец был зажиточным, «грозным, злым» капиталистом.

Мы жили в двухэтажном доме с большим двором. Нас было четверо: отец, мать, сестра и я. По привычке по выходным дням мы прогуливались в городском парке. Мама любила нас, всегда сама выбирала нам наряды, и поэтому мы с сестрой одевались пышно и красиво. Потом началась гражданская война, перевернув все вверх дном.

От прямого попадания пушечного снаряда чердак нашего дома разнесло вдребезги, и он загорелся. Отец мой, взяв всё, что можно было унести на руках, отвез нас ночью к своей сестре Оле, которая жила за городом. Сам исчез бесследно, уйдя в неизвестном направлении. Дом тёти Оли был большим, с широким двором и пристройками, в колодце постоянно было много воды. Поэтому пешие путники и всадники часто останавливались здесь отдыхать. Моё сердце чувствовало, что пришло новое время. В деревню приезжали то белые, то красные – трудно было разобраться, на чьей стороне справедливость.

* * *

Весной 1918 года в нашем дворе остановился отряд красных всадников. Комиссар отряда оказался умным, ловким человеком. Он одним прыжком садился на своего коня. Когда он вошел в наш дом, я понял, что он не из бедных рабочих или крестьян.

По нему было видно: он воспитывался и рос в культурной семье. Он не кричал «Расстреляю!» или «Отдам под трибунал!». Это качество отличало его от командира отряда. С тех

пор как пришел отряд комиссара Серова, мы с мамой стали ухаживать за ранеными, старались помочь, как могли. И с первых дней комиссар начал ухаживать за моей мамой.

Утром солнце поднималось высоко. Когда я нес воду раненому бойцу, комиссар меня остановил. Не поднимая головы, я опасно сжался.

– Как тебя зовут, молодой человек? – спросил он нежно.

– Меня зовут Паша, скоро стукнет десять, – ответил я, слабо улыбаясь.

– Это очень хорошо, ты уже стал взрослым. А твой отец чем занимается?

– Мой отец столярничал. В начале месяца, когда белогвардейцы вошли в деревню, отца моего повесили. Здесь в доме у тёти Оли живём с мамой и сестренкой, – ответил и заплакал.

– Что ты, перестань! Разве взрослые парни плачут? Не плачь, стыдно же, – сказал комиссар и вытер мои слёзы потрескавшимися руками.

Неожиданное появление мамы спасло меня от лишних бед.

– Ой, ты что? Не стоит плакать из-за пустяков! Иди домой, – тихо сказала мама, не давая повода для подозрения.

– Не позорь меня перед людьми, вытирай слёзы.

Мама поглаживала мою голову и хотела увести за собой. В это время комиссар неожиданно поздоровался с мамой. Откашлялся и, поправив свою гимнастёрку, сказал:

– Здравствуйте, Мария Михайловна! Вы не беспокойтесь, мы сюда не зря приехали. Мы приехали сюда затем, чтобы выметать с лица земли тех, кто выступает против Советской власти.

Когда он произнес последнее слово, мамин голос заметно задрожал.

– Спасибо, спасибо! Мы очень довольны Советской властью.

Глаза у мамы забегали, как у испуганного зверя, она слегка махнула рукой и повела меня за собой, не обращая внимания на то, что комиссар очень хотел поговорить с ней. Хотя я был еще маленьким, я понимал, что иначе нам не поздоровилось бы.

Моя мама была миловидной, красивой женщиной. Ради того чтобы полюбоваться красотой и стройностью мамы, комиссар Серов заходил в наш дом чуть ли не каждый день. Рассказывал всякие истории, старался рассмешить маму. Бедная мама над его шутками не смеялась, когда он хмурился, не отвлекала его и начинала меня стесняться. Я постоянно выходил из комнаты, чтобы не смущать её. Как-то я ушел и вернулся домой довольно поздно. Но комиссар еще сидел, не отлучался.

– Я в Вас влюблён. Без Вас мне жизни нет. Любовь моя, золотце мое!– признавался он, возбуждая любовную страсть, целовал маму.

Я даже не думал, что дело дойдёт до такой степени, и очень обозлился. Все-таки я потомок аристократов. Без раздумий побежал и схватился за кобуру маузера.

– Отпустите мою маму! Отпустите, а то Вас расстреляю! – повторил я.

– Ой, Паша, ты уже здесь?! Вы меня извините. Вот сейчас уйду, уйду. Комиссар крепко смял свою фуражку, попятившись, прислонился к стене. Дойдя до порога, приставил ладонь ко лбу, и сказал:

– Мария Михайловна, подумайте о моем предложении. Жду ответа с нетерпением.

И вышел из комнаты. Дверь вслед за ним так крепко хлопнулась, что мама, рыдая, свалилась в кровать.

После того события я случайно в городе встретил легкомысленную девушку по имени Катя. Как я и предполагал, вечером она специально приехала в нашу деревню. Она появилась в деревне не в тот час, не в то время. Я ее хорошо знал, так как неоднократно встречал ее в городе до революции с разными мужчинами. Она бывала в близких отношениях с чиновниками на отцовском заводе. Вечером, обнявшись то с одним, то с другим чиновником, уходила в неизвестном направлении.

И эта ветреная городская женщина, красуясь и подмигивая, звала комиссара, который стоял возле пулемётной тачанки. Я вскочил с места, как будто меня кто-то проткнул иглой. Сердцем чувствовал, что разговор будет о нас, и пробежал мелкими шажками между красноармейцами. Спрятался за

тачанкой, чтобы подслушать их разговор. Мама в это время вышла во двор с тазиком в руках, вылила воду и зашла в дом. Катя не тянула с разговором, начала неожиданно быстро.

– Товарищ комиссар, вам известно, кто такая вон та дама в белом платье? Конечно, нет. Она любимая жена самого богатого капиталиста нашего города, который многие годы высасывал кровь из бедных рабочих. А дети, которые бегают во дворе, её мальчик и девочка. Поняли меня? – сказала, не моргнув глазом.

Папираса, которая торчала у комиссара изо рта, выпала от неожиданного сообщения. Если бы в тот момент у меня в руках было оружие, я бы, не моргнув глазом, выстрелил ей прямо в рот. Услышав этот разговор, я задрожал от страха, а развратница, похоже, еще хотела о многом рассказать. Не давая времени на раздумья, она плотно прижалась к комиссару, считая, что таким способом сможет понравиться, стать любимой женщиной крепкого комиссара.

– А вы, товарищ комиссар, отвергая молодую красивую девушку, жаждете влюбиться в старуху с двумя детьми. Поэтому заранее предупреждаю: её муж Панасов очень вспыльчивый мужик. В настоящее время где он, с кем воюет – один чёрт знает. Если он случайно узнает о том, что вы ухаживаете за его любимой женой, вы отправитесь прямо в ад. Поэтому будьте крайне осмотрительны. Он вас жалеть не будет. Захотите спрятаться в небе – за ноги схватит, захотите провалиться под землю – за волосы вытянет. Везде и всюду достанет. Отомстит за свой род.

Катя, ласкаясь к комиссару, прильнула головой к его груди.

– Эгей, девушка! Бросьте, оставьте свои неуместные ласки! – закричал комиссар, оттолкнул развратницу от себя и отряхнулся. – Вот что, девушка, за ценную информацию, конечно, спасибо. Примем соответствующие меры, – комиссар взял Катю под локоть и крикнул:

– Рядовой Донченко!

– Я, товарищ комиссар! – откликнулся красноармеец и тут же подбежал.

– Вот, Донченко, девушку проводите до города, чтобы она добралась туда в целости и сохранности. Поняли?! – поручил

и как-то странно подмигнул красноармейцу.

– Разрешите выполнять!

– Идите.

Донченко с большим удовольствием согласился проводить девушку. Несмотря на то, что Катя закатывала глаза, хотела прислониться к комиссару.

– Иди, иди, девушка! А то получишь от меня, – вскрикнул комиссар.

Красноармеец Донченко крепко схватил красавицу своими цепкими руками. Девушка кричала, била его то по голове, то по лицу. Донченко, не обращая на это внимания, увёл её в сторону сарая. Комиссар с опаской посмотрел по сторонам и сплюнул сквозь зубы.

В тот день мы были напуганы до смерти. Собирая нужные вещи в узелки и связочки, готовы были при первом удобном случае сбежать. Как говорится в пословице, кто боится, у того в глазах двоится – мы от каждого шороха, от каждого звука вздрагивали. Будто вмиг изменились приветливые красноармейцы, которые каждый день встречались и здоровались с нами. Казалось, что если вдруг убежим, за нами погонятся и застрелят. Ждали до глубокой ночи расправы со стороны красноармейцев. Мама уложила сестрёнку и хотела выйти во двор. Но тётя Оля стояла горой, не пускала её. В конце концов, и тётя Оля устала, ушла спать в свою комнату. В гостиной остался я с мамой.

Вдруг за дверью кто-то, негромко покашливая, постучал. Мы переполошились, думали, пришли палачи, чтобы отнять нашу жизнь. Волосы у нас встали дыбом, душа в пятки ушла. Несмотря на это, мы не решились открыть дверь. Незнакомец начал стучать сильнее, мама меня затолкала в мою маленькую комнату. Она заметно засуетилась, крючки с двери открыла с грохотом. За дверью появился силуэт комиссара.

– Извините, доброй ночи, Мария Михайловна! Не мешаю? Дети уже спят? – спрашивал шёпотом знакомый мне голос.

– А, это вы, проходите, проходите...

Мама, вежливо обращаясь, показала жестом куда сесть. Она скрывала то ли разочарование, то ли радость, отвлекалась, пытаясь схватиться руками то за одно, то за другое.

– Прошу, присаживайтесь, – обратилась она к молчали-

вому комиссару.

– Не надо церемониться. Я просто так...

Комиссар скромно повесил фуражку, удобно расположился, но как-то подозрительно не убрал руку с кобуры маузера. Я знал, что у него была привычка по всякому поводу хвататься за кобуру маузера, но на этот раз не верилось, что этот жест был просто силой привычки. Мне пришло в голову, что нас могут без суда и следствия расстрелять, хотя я твёрдо знал, что в его мыслях ничего дурного не было. Он убрал руку от кобуры и почесал затылок. Мама это предвидела, и вдруг опустила на колени и попросила прощения.

– Сан Саныч, ради бога нас извините! Кто будет защищать моих детей? Правду сказать, я не знаю, где мой муж, чем он занимается. О, боже, какая беда на нашу голову пришла! Сегодня нам не везёт. Извините нас, – сказала мама глухим от волнения голосом.

К такому повороту событий комиссар не был готов. Он торопливо взял маму за руки, поднял с пола. Он относился к маме по-прежнему, будто ничего не произошло.

– Перестаньте, Мария Михайловна, что вы говорите? Такие вещи здесь не должны озвучиваться. Что-нибудь придумаем. Дети проснутся... сказал же, – я просто к вам пришёл.

Комиссар нежно вытер мамины слёзы, пристально и тепло смотрел на неё, не отводя глаз. Потом они разговаривали. По страстному отношению комиссара я понял, что он сильно влюблён в мою маму. Когда стрелки часов показали ровно три, комиссар снял свою портупею и аккуратно положил на стол. Крепко обнимая маму, поцеловал в губы. Светлые мамины глаза тихо закрылись, и они на некоторое время замолкли.

Потом начал целовать в шею. Тихо говоря, умоляюще признавался в любви. Какие прекрасные слова были сказаны в адрес моей мамы! Несмотря на это, бедная моя мама молча высвободившись из объятий комиссара, направилась в сторону моей комнаты. Я тотчас прекратил свое наблюдение, которое вёл через маленькую щель из двери. Так торопился, что в одежде прыгнул в постель. Мама, тяжело вздыхая, поцеловав меня и сестренку в лоб, вышла. Вот тогда погас свет по всему дому. Я тихо и горько плакал, как телёнок, который отбил

от своей матери. Потому что в то время я был слабым малым.

Рассвело. Мы с мамой друг друга не стеснялись - наоборот, делали вид, будто, ночью ничего особенного не произошло. С того дня комиссар начал приходить по ночам после нашего отбоя и уходить рано утром. Не прошло и недели, мама заметно похудела. Как-то наша семья решила тайком убежать из деревни. К сожалению, в тот день красноармейцы переполошились, решили сменить расположение. Дверь с треском отворилась, и в комнату вошёл комиссар Серов.

– Приказ пришёл. Вот-вот отряд отправляется в новое расположение. Дочку тётё Оле, Пашу надо отправить в город. Если так не сделаем - времена тяжёлые... – говорил комиссар решительно, приказным тоном.

А мама сидела, как немая, и вопросительно смотрела, моргая глазами.

– Вы поедете со мной. Будете помогать раненым бойцам, – ответил он.

Мы растерялись и стояли неподвижно. Через некоторое время мама засуетилась со своими узелками. Почему тогда маме не помешал, дал уйти от нас, до сих пор не понимаю. Если пронзительно закричал бы, тогда мог бы не отпустить. Но не мог закричать и воспрепятствовать. И сама мама не отказалась – наоборот, заспешила и нас поочередно поцеловала.

– Ради вас еду. Еду ради вас, чтобы вы остались живы в этом страшном народном бедствии и стали хорошими людьми. Постараюсь чаще навещать вас. Пашенька, ты уже взрослый, будь осторожным и добрым по отношению к своей родной сестренке. Я вам оставляю золотые монеты, которые остались от вашего отца. Простите меня, милые мои! – рыдала мама. Половину золотых монет она оставила тётё Оле, половину мне.

Сама ничего не взяла. Потом зашёл комиссар, поторопил маму. Когда вышли из дома, он ловко и легко приподнял маму и посадил в телегу, которая помчалась вдаль. Мы горько плакали - опешили так, что ничего не понимали. Телега тем временем удалялась, а пыль, поднимаясь в небо, играла между нами.

* * *

У старика потекли слёзы. Он встал и приготовил кофе. Я чувствовал себя неловко перед стариком. Помолчали каждый о своём, выпили по чашке кофе.

– Наверное, тогда вам было нелегко, – сказал я, проявляя сочувствие.

– Да, было трудно, – сказал он, печально вздыхая.

Мне стало его жалко. Бедный старик, вытирая слёзы, продолжил свой удивительный рассказ.

* * *

В конце лета я вернулся в город. От нашего двухэтажного дома остались только руины. Город встретил меня грустно. Там хозяйничала Советская власть, царствовала сила оружия. Из-за беспорядочной беготни красноармейцев в городе стояла страшная суматоха, но никому не было дела. Мне пришлось жить в подвалах разрушенных домов. Помню, у тётки Оли прекрасно жилось. Но однажды любопытный красноармеец, узнав о моих предках, чуть не зарубил меня шашкой. Я кое-как спасся и тотчас сбежал в город. Но там меня никто не ждал. Многое пережил: из-за голода просил милостыню, воровал. Бродя по трактирам, утолял свой голод объедками сытых посетителей.

Однажды, чтобы утолить голод, крадучись, хотел пробраться внутрь трактира. Со стороны его доносился запах жаркого. Запах пищи ударил мне в нос и вызвал непреодолимое желание поесть. Наконец, после долгого ожидания, когда швейцар как-то отвлекся вниманием к прекрасной даме, я проскользнул мимо них. Глазами жадно искал пустые столы. Один из посетителей собирался уходить, оставив жирные объедки. Глаза мои загорелись от радости. Пулей добрался до стола и начал, не разбирая, жадно обглаживать кости цыплёнка табака. Спустя некоторое время чья-то сильная рука потянула меня за ухо, сильно ударив ногой сзади.

– Ну, буржуйский щенок! Кто тебя звал сюда? Знаешь, где был гнев твоего отца? – кричал незнакомец, широко раскрыв глаза. – Вот здесь, – показал свой крепко сжатый кулак. – Пока ты цел и невредим, убирайся с моих глаз. А то

тебе не видать от меня добра, – сказал и толкнул.

Вот тогда я узнал его. Он был управляющим моего отца. Звали его Гоша. Когда он меня толкнул, я, пятясь, попал прямо в руки сердитого швейцара. Кстати, он когда-то работал сапожником у отца. И этот сапожник, не задумываясь, схватил меня за шиворот.

– Ах, чёртов сын! В конце концов, проскользнул! Гнев твоего отца находился в кулаке. И мой гнев тоже находится тут же. Ну-ка, изведай, ха-ха! – и махнул рукой.

От удара из моих глаз посыпались искры в разные стороны. Встать не мог, так как потерял сознание. Когда очнулся, возле меня сидел мой близкий приятель Саша Мухин. Он был сыном богатого купца, друга моего отца. Саша всю ночь ухаживал за мной, своевременно менял повязки, поил чаем. Оказывается, он тоже, почуввав аппетитный запах пищи, собирался как-нибудь проскользнуть внутрь трактира. Так и другие ждали своего часа. Но он не попал в трактир. Потому что я в это время пулей вылетел оттуда и удачно попал в его руки. Если бы не он, мне было бы еще хуже.

После того события мы еще ближе подружились. Вдвоем все-таки веселее было. С появлением Саши у меня появились новые надежды на жизнь. И я стал быстрее поправляться. Если признаться, мы оба были потомками зажиточных богатых людей. Мы с пеленок знали, что такое роскошная жизнь, не знали ни голода, ни холода. И поэтому в новой жизни нам жилось очень плохо. Каждый день в чём-то нуждались. От нужды нам пришлось воровать, просить милостыню, бродяжничать и рыться в мусоре. Особенно в тот год в суровую зиму чуть богу души не отдали. У нас была своя поговорка: кто способ найдёт, тот от смерти спасётся. Нашим спасением был городской базар. Житейские хлопоты проходили именно там, в его свалках. Именно там, мы познали, что жизнь каждому дорога. Короче, что находим, все было в общем котле: делили, укрывались, обувались. Так проходило наше жалкое существование. Прошли месяцы, годы. И нам прибавилось годов. В трудные минуты мы вспоминали своих родителей, родственников и долго горевали.

* * *

В 1932 году мы, уже выросшие, чувствовали себя взрослыми. В тот год я узнал, что отца давно не стало. Он умер от пневмонии, когда оставил нас у тётки Оли. А судьба мамы с комиссаром окончилась еще печальнее. Отряд, в котором находились моя мама с комиссаром, столкнулся с грозным противником того времени. Белые обманным путём заманили красноармейцев в лес. Окружили со всех сторон и жестоко перебили, не оставив никого в живых. В гражданской войне тётка Оля с сестрой заживо сгорели. Так я остался один из нашей семьи.

Как ни экономил, золотым монетам пришёл конец. В молодые годы всегда хотелось досыта поесть, но, к сожалению, не было на это средств. С Сашей день и ночь работали на вокзале, разгружая уголь, или в цирке убирали клетки животных. Зарабатывали выступлениями по поднятию тяжелых гирь. И все равно испытывали острую нужду. Где бы ни работали, всегда нам доставалась только чёрная работа. Однажды Саша неожиданно для меня предложил:

– Паша, друг, где бы мы ни работали, никогда не наедемся. Словом, никакого прогресса. Наоборот, с каждым днём хуже и хуже становится. Дальше так продолжаться не может. Нам нужна стабильная работа. Давай пойдём работать на завод! Там месячное жалование, общежитие дадут. Мы с тобой на многое способны и умеем все делать. И грамоту знаем. В конце концов, кто-то в нас нуждается.

В его мыслях ничего дурного не было. Мне даже не приходило в голову, что можно работать на заводе. И поэтому я задумался.

– Саша, скажи конкретно, где мы будем работать, – глупо спросил я.

– Где, где, где-нибудь на предприятиях, на заводе. Ради куска хлеба мы все равно чёрную работу выполняли. Кто нас отблагодарил? Никто. Скоро грабить начнём. Я не хочу быть бандитом. Давай правильно работать! Человек славится работой в одном месте. Правильно?

– Правильно-то правильно, но откуда у нас документы? Без документов кто нас примет?

– Что, все с документами? Мы тоже люди, что-нибудь

придумаем. Мы не хуже других. Самое главное - у нас должно быть желание устроиться на работу. Если оно есть, работа в лес не убежит. Работу найдём. Идём лучше искать, – и потащил меня за собой.

С того дня мы начали искать работу. Заходили в разные конторы. Наконец устроились разнорабочими на тракторном заводе. Дни пошли быстро. После четырёх месяцев по решению рабоче-крестьянского комитета нас закрепили в ученики. Дали место в общежитии. Работали мы в разные смены. Зато вместе выпускали стенгазету, занимались в разных кружках. Короче говоря, целиком отдались работе. Новая жизнь казалась веселой, интересной. Шли годы. Мы равнялись на передовых рабочих. Стали передовыми комсомольцами. Потом, как лучших рабочих завода, нас рекомендовали к вступлению в ряды партии. В то время как раз в стране проходила кампания по чистке рядов коммунистов. Мы пополнили ряды выбывших коммунистов. Ответственность перед великой страной выросла в два раза. Теперь мы не только для завода работали, работали для партии, стараясь претворять её решения в жизнь.

Весной 1937 года мне исполнилось двадцать лет. Саша Мухин три месяца назад был принят в НКВД в «группу особых служб». По его наставлению, я пригласил на вечер своих сослуживцев. Вечером Саша принёс в трёхлитровой банке чистый спирт. Посидели весело. Разговаривали на разные темы. Горячо спорили. Слово за слово, вдруг кто-то вспомнил о директоре и о главном инженере завода. Они несколько месяцев назад без вести пропали. Второй подлил масло в огонь.

– Знаете, они, оказывается, были врагами народа. Разлагали молодое государство изнутри, нанесли невосполнимый вред, – сказал фрезеровщик Рома, не стесняясь.

– У них был камень за пазухой, они хотели свергнуть Советскую власть. И убить вождя мирового пролетариата товарища Сталина, – влился в разговор Игорь.

– Если всё так, то куда мы катимся? – сказал я печально.

– Куда, куда, впрямь в ад катишься! – Мухин злобно стукнул по столу. – Никому никакого дела нет. Знайте, в наших рядах живут чужеродные элементы. Вам бы только выпивать и наслаждаться жизнью. Вы не чувствуете, как враги

народа душат молодое государство. Вы чудаки, которые потеряли бдительность. После этого можно вас называть коммунистами? Нет, конечно. Вы с жиру взбесившиеся и глупые.

Саша суровым взглядом всматривался поочерёдно в каждого из нас. Мы невольно отрезвели.

– Смотри-ка, какой он умный, – нахмурившись, зло ответил Миша из соседнего цеха. – Мы чужие элементы что ли? Еще он нас назвал глупыми. Зачем я сюда пришёл?..

Миша неожиданно встал и пошёл к выходу. Вот тогда Саша признал свою ошибку, что лишнего болтнул. Но обнял его сзади и посадил на место.

– Мишка, куда ты торопишься? Присаживайся. Пошутить нельзя, что ли? Давайте лучше споём «Интернационал», – сказал Саша.

И так выпрямился, что вслед за ним нам тоже пришлось встать. И вместе с Мухиным мы стали петь.

* * *

В мае меня неожиданно вызвали в районный комитет партии. Как только получил известие, я пулей полетел на вызов. Меня тепло встретила секретарь райкома, женщина среднего роста, с голубыми глазами.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – мило улыбалась она. – Курите, вот, – любезно предлагая коробку папирос, чиркнула спичкой.

– Спасибо, я не курю, – смущённо ответил я.

– Это похвально. Вы, который год работаете на заводе?

– В этом году исполнится четыре года.

– Где живут ваши родители?

– У меня нет родителей, – тихо пробормотал я. – Отца белогвардейцы повесили. Мама тоже встретила такую же судьбу. Царство им небесное, – слёзы заполнили мои глаза.

– Извините, я не знала. Как живётся? – извиняясь, продолжила свой вопрос.

– Спасибо, живу хорошо.

– Слушаете радио, читаете газеты, журналы?

– Конечно, слушаю радио и читаю газеты. Знакомиться с повседневными новостями – это обязанность молодых рабочих.

– Как вы относитесь к чистке рядов партии? К политическим высказываниям вождя мирового пролетариата товарища Сталина о врагах народа и партии?

– Я одобряю политику партии и товарища Сталина. Тем, кто препятствует делу партии и ставит подножки нашей жизни, одно наказание – смерть. Как молодой член партии планы свои всегда выполняю и перевыполняю. К этому вдохновляют меня партийные решения, – ответил торопливо.

– Несмотря на молодость, вы, оказывается, опытный большевик с горячим сердцем. На вас можно положиться. Послать вас на требующую особой ответственности работу?

– Посылайте хоть в ад, я всегда готов, за правое дело товарища Сталина.

Как раз в этот момент выступление Саши Мухина накануне послужило мне большим уроком. Поэтому, не мешкая, чётко ответил. Похоже, через испытание секретаря прошёл без помехи. Секретарь райкома улыбнулась, расписалась на бумаге. Наставнически сказала следующее:

– Тогда вы счастливчик – получаете специальное направление в органы НКВД. Завод тоже одобряет вашу кандидатуру. Поздравляю, – и протянула руку.

Я с большой радостью согласился, не зная, на какую работу меня направляют. Работать с Мухиным, с близким мне человеком – одно удовольствие. Нежную ручку секретаря райкома крепко пожала мозолистая рука рабочего.

– Вы себя проявите, когда страна остро нуждается в молодых коммунистах. Служите, не покладая рук, чтобы оправдать доверие товарища Сталина и партии, членом которой вы сами являетесь. Завтра же приступайте к службе. По этому направлению Вас немедленно примут. Где находится НКВД, знаете? Тогда в добрый путь!

Снова пожали друг другу руку.

Итак, с того дня, не щадя сил, я начал служить в рядах НКВД. На следующий день, узнав, что моя обязанность в «группе особой службы» состоит в немедленном исполнении расстрельных приговоров, очень испугался. К сожалению, задание партии заключалось именно в этом. Другого выхода не было. Так я подчинился предназначению судьбы.

* * *

Я был человеком хмурым и упрямым. Ни с кем не ссорился, начатое дело доводил до конца. Но здесь с первого раза почувствовал себя так, как будто где-то потерял самое ценное и не находил себе места. Женщинами я раньше особо не интересовался. Не курил, не увлекался спиртным. Когда оказался в «группе особой службы», научился курить, пить. Женщины, как бабочки, порхали в наших объятиях. Ежедневно нам давали паёк: консервы, сливочное масло, сахар, хлеб, рис и рыбу. Нам этого хватало вдоволь. А насчёт спирта разговора не было. В коридоре стояла бочка, наполненная до краев. Можно сказать, мы спиртом мыли руки и ноги. В начале в «группе особой службы» нас было пятеро, потом это число дошло до двадцати пяти, а могильщиков - с двадцати до семидесяти. Через четыре месяца группа доросла до команды. Каждый день расстреливали приговоренных заключенных к смерти. Перед богом не хочу провиниться, но я не считал расстрелянных смертников. Но на следующее утро после расстрелов руки мои немели. Служба требовала железных нервов, крепкого здоровья. Было время, когда с трудом управлял маузером. В такие моменты к нам на помощь рвался главный врач тюрьмы господин Никита. Он делал нам массаж рук, шеи. По-всякому старался поднимать плохое настроение, шутил и веселил нас как мог. Всё это входило в его обязанности.

Почему его называли господином? Очень просто. Выше среднего роста, Никита с детских лет был упрямым малым. Поэтому из уважения его называли господином. Твёрдый на слово Никита был всегда чисто выбритым, аккуратным человеком. Эпоху Николая одобрял от души. На его шутки мы не обижались. Наоборот, тайком хотели с ним поболтать.

– Пашенька, – сказал однажды он мне, заботясь о моём здоровье, – во что бы то ни стало, постарайся чаще бывать на свежем воздухе. Занимайся бегом. Это полезно для твоего организма. А то быстро испортишь своё драгоценное молодое здоровье. Ты выглядишь здоровым и крепким мужиком. На самом деле ты не такой. Почему у тебя немеют руки? Потому что у тебя руки по локоть в крови. Не хвались, что ты в Союзе первый человек и красный палач. Прежде чем идти расстреливать, выполнять свою обязанность, в твоих устах должен

быть бог. Перед богом повиниться – значит, половину вины искупить. А ты, негодник, по-моему, даже не знаешь, как креститься, – сказал и громко захохотал.

– Перестаньте, господин Никита, о чём вы говорите. Если человеческая кровь давит на меня, то людей, установивших Советскую власть, давно раздавила бы. Потому что в борьбе за власть погибли тысячи невинных людей. Советскую власть придумали красные коммунисты, или это ложь?

Господин Никита осмотрелся с опаской и заговорил с шёпотом.

– Говори - не говори, это прошло как сон. Какие прекрасные люди покидали нас! Многие из них разбрелись во все стороны света белого, некоторые мучаются за рубежом, вдали от Родины. Вот они являлись истинными хозяевами великой России. Перед богом мы все виноваты. Расплата будет, когда будет - никто не знает. Вот тогда страна Советов расколется до последнего кирпича. При этом к новой жизни привыкать будем очень долго.

– Эх, господин Никита, толкуете, как будто святой человек. В конце концов, Ваш острый язык Вас же доведет до виселицы.

– Мне недолго осталось жить. Я не боюсь. Рано или поздно все равно умру. Если моё тело вынесут из вашей 37 камеры, то не пожалею. Хорошие люди там умирают. Я человек чести.

Господин Никита таинственно улыбался и, не опасаясь, пристально смотрел на меня. Я растерялся. Не понимал, кто он такой. Тайный красный агент или мечтатель о прошлой жизни?

– Какая жалость, еще что придумали. Вас понять трудно, – ответил я, поспешив выйти из комнаты.

По разговору господина Никиты, если бы не было революции, то он обязательно стал бы одним из влиятельных чиновников города. Как-то я слышал, что господин Никита, когда был первым доктором города, умерших от разных болезней и нищих людей не отдавал закапывать в землю. А наоборот, велел бросать тела своим откормленным свиньям. Свиньи долго не возились. Человеческие трупы, подталкивая носом то туда, то сюда, жадно съедали. В одночасье обглаживали до костей.

Не только он, но и сотрудники «группы особой службы», следователи и люди, придумавшие мощную машину, которая называлась Гулагом, были из богатых аристократов. Я всегда думал, что они отроду бедных не считали людьми. Потому что в тюрьму попадали люди, стремившиеся к улучшению жизни трудящихся и имевшие прогрессивные идеи. Тогда как палачи, вырядившиеся в овечью шкуру, якобы опираясь на указы партии, унижали и расстреливали, грабили до последней нитки. Были и такие жестокие палачи, которые, не задумываясь, готовы были сделать из человеческого мяса котлеты. Еще не остыла злоба, и в сердцах оставался неприятный осадок. Несмотря на это, одни зная, другие не зная, беспрекословно выполняли приказы чиновников верхних эшелонов.

Сколько людей нашли свою смерть в моих руках? После расстрела Саши Дурова каждый день из камеры №37 увозили много человеческих трупов. Как говорил полковник Зимолин, я привык к работе за одну неделю. Не прошло и месяца, как стал своим. К осени превратился в беспощадного союзного палача номер один, который легко лишал людей жизни. Не забывал, что я тоже человек, иногда куда-то отправлялся, или меня ожидали друзья на улице. Бог свидетель, иногда торопились, чтобы начальник тюрьмы Зимолин оперативно расписался. Признаться, и такие дни прошли. Увидев подписанную бумагу с приговором в руках главного охранника Лободы, радовались. В тот час, выпитый спирт, подбадривая, вел в сторону 37 камеры. В руке палача смертоносное оружие быстро сваливало жертву. Этим заканчивалась работа. Отяжелевшие ноги сами по себе тянулись на улицу. Там нас ждали красивые девушки. Это и было то сладкое и горькое, плохое и хорошее, радости и горести, о которых говорил нам Саша. Он, привычно улыбаясь, приходил ко мне часто сообщить хорошее известие, или же когда хотел уединиться с женщинами. В тот день он тоже зашел, улыбаясь.

– Паша, послушай, пожалуйста. У каждого времени свои песни. Правда? Правда. Сам прекрасно знаешь, что наша служба особая и тяжелая. Значит, чтобы дальше нести службу бодро, надо успокаивать распатавшиеся нервы? Надо. Когда-нибудь надо по-человечески отдыхать, правильно это? Правильно. В таком случае, видишь вон ту прекрасную даму

в белом платье? Вот она около двух месяцев крутится вокруг тюрьмы, никак не может отойти. Иди, скажи ей что-нибудь. Сам знаешь, я человек женатый, а ты холостой...

– Кто она такая? – спокойно задал я вопрос.

– Кто, кто? Как и все, имеющая два глаза, два уха прекрасная дама. Разве ты не видишь, что она молодая женщина? Интересно, я хочу, чтобы ты развлекался с ней, а ты прикидываешься младенцем, – обиженно сказал Саша.

– Саша, я действительно не знаю, к кому она пришла, – ответил я, стараясь не показать свою растерянность.

– К кому она может прийти? К отцу, конечно. Говорят, что она дочь профессора Виноградова. Муж, оказывается, из военных.

– Какой профессор? Какой Виноградов? Я знаю его? – растерянно спросил я.

– Эх, ты хочешь показаться невинным. Тебя повесить мало, – Мухин покраснел. – Раньше сам же рассказывал, что расстрелял старого длинноволосого профессора. Забыл... или действительно прикидываешься дураком?

– Тьфу, действительно забыл!

Я вспомнил голову суетливого старика, сильно испугался, и руки до кончиков ногтей возбужденно задрожали. Я вдруг смутился от слов Саши и сильно покраснел.

– Смотри-ка, совсем забыл. Саша, по-моему, тело профессора давно сгнило. Что скажем ей, когда встретимся?

– Ну, Паша, и дурак же ты! Поэтому говорю: терять нам нечего. Если скажем правду, то нам крышка, это разглашение тайны. Лучше не скажем. Порадуем, немного поднимем ей настроение. От этого в этом мире ничего не изменится. Не так ли?

Издав тайком начал присматриваться. Ветер, обвивая её лицо, теребил волосы. Жадно смотря на красивую женщину, я не мог вымолвить ни слова. По моему телу прошло такое приятное чувство, как будто я жадно хватал ртом её белую шею и целовал с обеих сторон. Сильно возбуждившись, встряхнул головой, не зная, чем это закончится.

– Вот это другое дело! Пашенька, не думай о женщине. Не морочь голову, женскую часть оставь мне. С давних пор пристаёт, шагу не даёт ступить. Поэтому я сам налажу твое

дело. Завтра воскресенье, поухаживай за ней. Если скажем, что поможешь её отцу, она не откажется.

– Саша, а если она не согласится? – сказал я еле слышно.
– Ты сам знаешь, я как-то не связывался с женщинами. Я себя неуверенно чувствую.

– Паша, ты же мужик. Заставь согласиться! Говоришь, никогда не был с женщинами? Только не говори, что ты невинный мальчик. Не морочь голову – признавайся, так или не так? – высмеивал он мою застенчивость.

Я покраснел еще больше, начал крутиться вокруг стола. А он не сводил с меня испытующих глаз.

– Милый друг, не проси меня держать свечи. Ха-ха-ха...

Я обиделся. Процедив что-то сквозь зубы, отвернулся и пошел к выходу. Саша не дал мне уйти. Крепко держал за руку.

– Ну-ка остановись, что с тобой? Не понимаю, тебе труднее быть с женщинами, чем расстреливать людей!? Плохо невинность отдать красивой милой даме? Подумай! Такое наслаждение не каждый встречный предлагает.

– Иди ты... – отдернув руку, я хотел отвернуться, но Саша крепко схватил меня за обе лопатки.

– Немного грубо вышло, извини. Но раз начали дело, то его надо довести до конца. Знаю, что такое отношение не подходит твоему характеру. Не беспокойся, сам позабочусь, считай, женщина в твоих руках. Сделаю так, что она не заметит, как согласилась. Лучше готовься, вечером в семь часов встретимся перед театром. Не отказывайся, – сказал он, направляясь к выходу.

* * *

– Эх, Саша, Саша! Он был настоящим другом. Жизнь так прекрасна – просто слов нет. Вот этот шрам над бровью – напоминание о его преданности. Вместе закалялись в житейских невзгодах, вместе горевали, делили гроши. Если откажусь от вечернего свидания с женщиной, он может обидеться на всю жизнь. Поэтому сказал себе: поеду. Согласен был поехать, но очень стеснялся незнакомой женщины. Потом подумал, что рано или поздно кто-то должен быть причиной всему. Саша

своим разговором возбудил мои чувства так сильно, что я не мог устоять перед искушением и рванулся в бой. Как только закончилась служба, помчался в сторону театра. Когда приехал, перед театром никого не было. Оказывается, на полчаса раньше приехал. Пришлось ждать. Тайком от чужих глаз сопровождал проходящих мимо женщин, ища знакомый силуэт. «Смогу ли я удовлетворить её желание?» Такие мысли не покидали меня. Мысли мои, чем дальше шли, тем больше запутывались, поэтому время ожидания прошло незаметно. На встречу Саша приехал вовремя. На заднем сидении «Москвича» находилось прекраснейшее создание, мысли о которой весь день терзали меня. Приятель мой нас познакомил, и я сел рядом с ней.

«Москвич» помчался по широкой улице города в сторону дачи. Так я первый раз в жизни находился рядом с женщиной, которая оказалась еще красивее, чем я предполагал. Губы её нежно шевелились, как спелая малина, глаза блестели, как звезды в темноте. От неё пахло духами. Очарование этой женщины опьяняло меня. Её нежный взгляд, её женский дух меня сразили наповал. Не устоял перед ней, волновался, тревожился.

Наконец приехали на дачу. Мы с Сашей сильно смущались рядом с ней. Несмотря на стеснение, Саша обслуживал нас. Пили чай, потом принялись за торт. На столе было всё: конфеты, колбаса, булочки, красное и белое вина, салаты. Пели, много говорили, короче, весело сидели. От выпитых спиртных напитков поднялось настроение, сидели в состоянии истомы. Женщина часто смотрела в мою сторону, будто хотела что-то спросить. Но она тоже стеснялась. Это можно было видеть невооруженным взглядом. Каждое её движение меня возбуждало. Потому что к лицу её слегка прилила кровь, и она немного покраснела. В конце концов, она плотно прижалась ко мне. В это время меня пронзила нежность к ней, и дрожь прошла по всему телу. Я тоже прижался к её телу и обомлел. В какой-то момент её ресницы опустились, нежные малиновые губы зашевелились.

– Вы видели моего отца? Разговаривали с ним? – спросила она, наконец.

Я молча кивнул головой. Саша отвлекся по-своему, играя на гитаре.

– Павел Степанович, скажите: в тюрьме холодно? Говорят, старые люди быстро простужаются. Отец мой не болеет, как он себя чувствует? – мило спросила она.

Вино, смешанное со спиртом, раззадорило нас. «Окажут ли они милосердие моему отцу?» – думала она, а её умоляющий вид говорил о том, что она на всё согласна. С каждой минутой увеличивался мой шанс. Её теплое отношение сильно возбуждало. Как мужчина воспитанный, я сказал ей несколько нежных слов. Ради этой красивой женщины готов был даже оживить её давно расстрелянного отца. Чтобы снискать её расположение, усиленно ухаживал. С другой стороны, и Саша не давал мне успокоиться.

– Катенька, отец Ваш здоров. Я однажды сказал ему: «Ради бога, наденьте шапку, а то уши замерзнут». А он мне шутливо ответил: «Не беспокойтесь, молодой человек, мои длинные волосы покрывают уши, оттого они и не мерзнут».

– Правда, он так сказал!? О, боже мой, оказывается, есть бог! Еще что говорил?– Катерина неожиданно провела по моему лицу своими нежными ручками. – Скажите, Пашенька, о чём ещё говорили? Соскучилась я по отцу. Когда его арестовали, я ему говорила: «Отец, теперь сбреют ваши длинные волосы». Он спокойным тоном отшутился: «Катенька, мои длинные волосы даже министры царя Николая не сбрили. Не дам и красным сбрить. Никому не дам разрешения. Волосы со мной в могилу пойдут».

Катенька глубоко вздохнула. Откуда я знал, что дочке профессора так дороги длинные волосы отца? Но мои шутки попали прямо в сердце. Саша, одобрительно подмигнув глазом, показал свой большой палец. Я был доволен собой: наконец, нашли общий язык.

– Отцу можно что-нибудь передать? Это возможно?– вдруг спросила Катя.

– Можно передать. Например, теплую одежду, продукты, письмо. Эту работу только Паша может выполнить, – вмешался в разговор Саша.

– Да, да, поэтому я и рискнула приехать сюда. Боялась, что никогда не узнаю об отце. Нет, бог услышал меня, вас встретила. Спасибо вам за это. Я сейчас...

Пока Катя говорила, Саша притащил в комнату большой

чемодан. Катя поблагодарила его и, достав оттуда теплые носки, свитер, полотенце, мыло, копченую колбасу, аккуратно разложила их на столе. Глаза Саши заблестели, он улыбнулся в усы.

– Катенька, Вы что же, нас считаете жестокими людьми? Глубоко ошибаетесь, мы гуманные люди. Хотите, завтра же Павел Степанович эту передачу отнесёт господину профессору? Я правильно выразился, Павел Степанович?

– Конечно, мне стыдно будет, если не выполню просьбу Катеньки, – ответил я, глядя на вещи, выложенные Сашей.

– Друзья, я пойду. Дела ждут. А вы не торопитесь, отдохайте на всю катушку. Катенька, вот сами видите – дело пошло вверх, а Вы беспокоились. Пока всё хорошо. Теперь Вы можете возвращаться домой со спокойной душой. Потому что отец Ваш в руках надежного человека. Завтра увидимся, поэтому не прощаюсь. Счастливо оставаться, – сказал для успокоения сердца.

Пожали руки. Саша уехал, а я остался один на один с женщиной. Катенька совершенно безмолвно сидела, грустная, опираясь на спинку стула. И я немного задумался, глядя куда-то вдаль. Духу не хватало, чтобы отвлечь её. Сколько времени прошло – не знаю, но решил, наконец нарушить безмолвный покой, и перешел к решительным действиям. Не решил бы – Катя могла уйти, создав мне проблему.

– Катенька, не горюйте. Поверьте мне: всё, что попросите для Вашего отца, я сделаю, – сказал, пригладив волосы на висках.

– Дай бог, чтобы было так. За отца я готова пойти в ад, для него на все согласна. Павел Степанович, Вы сделаете так, как я хочу, да?

– Да, милая, – покорно смотрел я на нее.

– Я в Ваших руках, – слабым голосом ответила она и опустила глаза.

«Эх, душа моя, мне только этих слов не хватало, чтобы пущенная мною стрела попала в цель», – подумал я. И я жизнерадостно целовал пахнущую цветами женщину то в губы, то в шею, то прикасался губами к нежным ручкам, отчего всё больше возбуждался. Как голодная медоносная пчела, прилипал к её губам и продолжал с азартом целовать. Она за-

трепетала в моих объятиях, повторяя: «Сделайте доброе дело, помогите! Боже, прости женщину грешную». После этих слов я вдвойне возбудился. Когда снял гимнастёрку, португеею с маузером и бросил их на стол, мне вспомнилось событие, которое когда-то происходило с моей мамой. Вот тогда я понял, что мама ради своих детей, а Катенька - ради отца пошла на эту жертву. Тело моё похолодело, как будто на голову вылили холодной воды. Чего только не сделаешь ради близких людей! Тело моё сжалось, потом слегка расслабилось. Сердце женщины часто забилося, не могло успокоиться. Не дав мне опомниться, она начала меня целовать. Погас свет. Тусклый свет свечи слабо освещал нагую женщину, которую я продолжал целовать, не оставляя живого места...

* * *

Утром, воспрянув от близкого общения с женщиной, я посадил Катю на электричку. Сам шёл по перрону, тихо напевая. Вдруг мимо меня прошел высокий человек. Его лицо показалось мне знакомым. И вдруг вспомнив, удивлённо остановился, открыв рот. Это был отец Саши Мухина. Я не мог ничего сделать, а он бросил на меня быстрый взгляд и удалился. Пока я приходил в себя, пока собирался за ним идти, мой знакомый растворился в толпе. Я не решился преследовать его, так как возвращался на службу. Как только перешагнул черту тюрьмы, первым делом было найти Сашу. Нашел. Поздоровались.

– Саша, на железнодорожном вокзале сегодня нечаянно встретил твоего отца, – сказал я тихо.

Он молчал, как рыба. Тяжело вздохнул. После долгого молчания умоляюще проговорил:

– Паша, пусть это останется между нами. Бедный отец, пусть ходит по земле, радуется. Никому нет от него вреда, пусть живёт по-своему, тихо и мирно.

Я согласился с его доводами. Противиться не мог, мы давно были в одной упряжке.

– Добро, пусть будет по-твоему, – ответил про себя.

Мне казалось, что Сашу я знаю, как свои пять пальцев. Нет, ошибся. Это тоже загадка человеческой судьбы. Саша

- молодец, что скрывал своего отца от красноармейцев, от расстрела. Тайком встречался, когда понадобится, радовался спасению отца. Вспомнив своих родителей, я невольно расстроился. Очень хотелось поехать в деревню, в которой последний раз видел свою мать, сестричку и тётю Олю.

- Саша, давай съездим в нашу деревню?— предложил я вдруг.

Он не мог отказать в просьбе. Отпросились на три часа и тут же отправились на «Москвиче». Когда приехали, увидели жуткую картину. Деревня пустовала, хотя до революции в ней было много народу. То там, то здесь изредка встречались старые люди. Окна и двери всех домов были крест-накрест забиты досками.

- Где народ, или все в поле?— спросили у одного старика с гноящимися глазами.

- Мужиков и женщин забрала чёрная крытая машина, подобная вашей. Но куда, для чего забрали, толком не знаем, - ответил он дрожащим голосом.

Вместо дома тёти Оли построили детский сад. Мы приближались к детсадовским воротам с большим любопытством. К сожалению, дверь, забитую гвоздями, давно затянуло паутиной. Мне всё стало понятно. Никогда в голову не пришла бы мысль, что всех жителей деревни уничтожили как врагов народа. Вздывая пыль по пустынной деревне, мы уехали отсюда, глубоко разочаровавшись.

Самое главное началось, когда вернулись в тюрьму. Охранники все переполошились, по тревоге был поднят весь личный состав. У сослуживца Бойко, который был в моей команде, поседел волосы, он безмерно буйствовал, потом на удивление, тайком от людей повесился. Арестанты галдели на все лады. Чтобы успокоить их, срочно потребовалось приговоренных пустить в расход. Как я и предполагал, тотчас получил указание начальника тюрьмы. Сначала в камеру затолкали троих. Они кричали во весь голос, топали ногами. Если признаться, меня взяло удивление, что с первых дней службы не видел подобного события, или просто не придавал значения. Поэтому сильно обозлился, не меньше их.

- Оставьте одного, остальных выводите!— крикнул я.

Охранники одного оставили, остальных насильно вытол-

кали из камеры. Приговоренный, который остался один, вытаращил на меня глаза.

– Вы что, обалдели? Схватите его! – крикнул, держась за кобуру маузера.

Двое сотрудников из команды могильщиков, наверное, ждали только моего указания, арестанту с выпученными глазами оперативно скрутили руки и загнали в угол.

– Да здравствует Сталин! – кричал он громко.

В этот момент я направил маузер на его затылок. Когда выстрелил, могильщики не дали арестанту свалиться – тотчас поволокли на улицу. Потом поволокли второго... третьего... десятого... До полуночи заставил замолчать многих заключённых, которые с энтузиазмом кричали: «Да здравствует Сталин!». В конце смены я чувствовал себя смертельно уставшим, еле волочил ноги в сторону общежития. После того дня, на ноябрьский праздник, в нашу тюрьму приехала большая группа начальников во главе с генералом. Многим за добросовестную службу объявили благодарность и повысили их в должности. Генерал лично меня назначил начальником команды «особой службы». Закрепил за мной чёрного цвета «Москвич», который назывался «Марусей».

* * *

Я был очень удивлен поступком старика, который много часов рассказывал, не зная усталости. Он не стеснялся, не боялся меня. Даже если нечаянно наступишь на маленького безвинного жука, сердце сжимается. А это разумное существо спокойно курило, пило кофе, смеялось, при этом каждый день хладнокровно расстреливало десятки людей. Конечно, это удивительное явление. Может быть, красной власти понадобилась такая служба, такой человек, который скоро осваивает плохое и хорошее, стремительно привыкает к жестокости и доброте. Он же увлекательно рассказывал, значит, привык ко всему. Я задумался. Собеседник мой заметил, что я погрузился в раздумье, и продолжил рассказ:

– Да, были и такие моменты. Никто не решился бы не выполнять требования времени. Не выполнишь – тебя заставляли, и ты становился жертвой своей глупости. Это за-

кономерное явление жизни. Разве народ не любил Сталина? Любил. Любил так, как любят родители своих детей. В противном случае, они не кричали бы перед смертью: «Да здравствует Сталин!». Народ верил Сталину, верил в его политику. Возникает естественный вопрос: знал ли Сталин о расстреле без вины виноватых людей? Нет, трижды нет. Эту провокацию организовывали неграмотные бездарные политики. Такую всесоюзную жестокость один человек организовать не мог. Народ знал, чувствовал, поэтому в тяжелое время верил в Сталина, сделал себе опорой. Он перед народом чётко выполнял святую обязанность. Если бы не он, кто знает, под какую дудку плясали бы. Вот сами подумайте, якобы репрессии придумал Сталин, а когда народ попал в тяжелую ситуацию, кто сплотил многонациональный союз в одну дружную страну? Он остался в стороне? Нет!

– Вы очень верили в Сталина?

– Да, очень верил, больше чем жизни. И сейчас верю. Не только я, многие верят. Вера в Сталина позволила ослабленному войной и разрухой государству дорасти до такой мощной страны.

– Конечно, я не могу отвергать вашу веру в Сталина. Не имею на это права. Несомненно, Сталин – великая личность. Его уважали, и впредь будут уважать. Вопрос, который я хотел задать вам, совсем иной.

Старик обратил на меня внимание. Ждал моего вопроса. Я задал другой вопрос.

– Вы правильно сказали, все мы люди как люди. Если мы люди, то тогда одни пахут землю, другие делают запчасти к автомобилям – словом, находят свой хлеб насущный. А Ваша служба...

– Хлеб насущный находит каждый по-своему, что велит бог, то получает. Знаете, это старый обычай, который испокон веков идет по закономерному пути. Сколько лет живёт на земле человек, столько времени никто не отвергал эту службу. Эта служба начиналась, чуть ли не с появления племенного общества. Она будет жить, пока живет человек, пока человечество не исчезнет с лица земли. Иначе нельзя. Как говорится, после драки кулаками не машут. Все прошло, все ушло, не обижусь, – выговорил он, перебивая меня.

– Павел Степанович, простите, если грубо сказал. Не мог объяснить по-другому, – бормотал я, боясь его гнева.

Он был умным, опытным человеком, поэтому понял меня с полуслова.

– В народе говорится: о прошедшем – не горюй. Не стоит извиняться. Всё, что я вам рассказал, правда, – сказал старик и достал из пачки папиросу.

Я боялся, что на самом интересном месте он всё бросит и выйдет из комнаты. Поэтому задал второй вопрос.

– Павел Степанович, вы, наверное, много раз вспоминали, как первый раз вышли на службу, как выполняли первый приказ. Расскажите, пожалуйста, об этих впечатлениях, – попросил я суетливо.

– Правильно заметили, уважаемый молодой журналист. В то время я был простодушным молодым человеком. Да, вспоминал много раз, как в первый раз приступил к службе, но это каким-то образом переплеталось с последним событием. Лучше расскажу об этом событии, – сказал он решительно.

Я не скрывал своей радости. Ловко встал со своего места, чиркнул спичкой и зажег папиросу старика. Он несколько раз затянулся, а потом выпустил изо рта клуб дыма.

* * *

– Последнее время Саша Дуров мне неоднократно снился, отчего я много раз мучился. О сне рассказывал господину Никите. Он закричал на меня: «Ты один что ли? Подобных случаев предостаточно. Говорил же тебе жениться. Если имел бы детей, может быть, отвлекался бы». После этого разговора я серьёзно задумался о женитьбе. Но на ком? У меня не было девушки, чтобы привести домой, по совету господина Никиты. Если с раннего утра торопился на службу, а возвращался поздно ночью, откуда может появиться у меня невеста? Правду говоря, кругом было много разных девушек, но они служили только для удовлетворения мужских желаний. А легкомысленная девушка никогда не станет кому-то хорошей женой. Вот в чём вопрос. Мысль о женитьбе ночью спать не давала, днем лишала покоя: как только закрою глаза, в мою голову приходили разные мысли. Ведь за расстрелян-

ных заключенных мы были в ответе. Кто будет в ответе перед теми, кто лишился своих близких родственников? Каждого третьего человека подозревали, десятого без суда и следствия сажали в тюрьму. После этого кто останется в этом отвратительном обществе? В поисках виновных бродили из одной стороны в другую. При этом не оставили ни одной деревни, ни одного города. Всех, кто попал под подозрение, проглотила мощная машина по имени Гулаг. Это вредно или не вредно для будущего общества? Конечно, вредно. Многие посетители тюрьмы днём и ночью с надеждой заглядывали за железные ворота Гулага, чтобы хоть один раз переговорить с близкими родственниками. Но мы над ними издевались, не давали разрешения видетсья, не передавали передачи. Родственники арестованных просили: «Ради бога, отдайте эту передачу». И давали свои подарки. Кто откажется от них? Никто. Вот так поневоле получали от них дары-подарки, которые не попадали по назначению. Все хорошее делили между собой. Родственники подследственных не знали, что тот, кто попадет в тюрьму, задержится в ней всего сорок - шестьдесят дней, а потом отправится на тот свет. Об этом факте они, конечно, не знали. К красивым женщинам был особый подход. Мы к ним приставали, как голодные клещи, и заманивали в свои сети, обещая следующее: «Дорогая, буду помогать, дары-подарки обещаю передать лично в руки». После этого тащили в постель. Чувствовали ли они, что враги народа, попав в сети Гулага, не возвратятся в родной очаг? Не подозревали, не чувствовали, не ведали?

Гулаг – это страшный невидимый дракон, который не разбирал, кто стоит перед ним. Он умел только уничтожать, целиком проглатывать всех без разбору; ему было неважно, кто перед ним стоял - мужчины или женщины, старики или дети. Действовал только так. Мне показалось, такая беда давно охватила всю страну, а тюрьмы были переполнены до отказа. Многие делали вид, что ничего не знают. К человеческой судьбе относились безразлично, смотрели равнодушно. Такое отношение и доводило до несчастья. За несчастье кто ответит, кого винить? Колесо Гулага не знало усталости, крутясь днём и ночью, истребляло всех, кто попадался на его пути. Теперь подумайте, ведь я превратился в один из винтиков крутящей-

ся машины. Откуда я чувствовал, откуда я знал, что мы в одной доле, были связаны одной нитью? Но я жил и делал своё дело ради своей жизни, отчего сейчас мучаюсь. К сожалению, моя жизнь еще не закончилась.

* * *

По привычке вечером я возвращался в общежитие, там меня ждал Саша. Он обрадовался, увидев меня.

– Паша, где ты пропадал? Давно ищущ тебя. Слушай, у меня есть хорошая новость. Решил тебя познакомить с одной очаровательной девушкой. Характерами подходите, станете одной семьей. Короче говоря, девушка мне очень понравилась. И тебе должна понравиться. Ты, оказывается, мыслью о женитьбе тайно поделился с доктором Никитой, а не со мной. Я обиделся и прибежал, как только узнал. Я считал тебя настоящим другом. А перед ним так покраснел, будто я виноват в твоём несчастье.

Откровенно говоря, мне не приходила мысль советовать с Сашей. Мне стало неловко, и я виновато опустил голову.

– Извини, друг мой. Все равно ты узнал, что я хотел. Ругай, сколько хочешь.

– Ругать не буду, но вину твою прощаю, если ты пойдешь, куда я скажу. Потому что нас ждет одна красивая девушка. Ну, поехали!

– Поехали, – поддержал я его идею, не дожидаясь повторного приглашения.

По дороге Саша мне рассказал о девушке всё, что знал.

– Зачем тебе городская девушка, она в первый же день сядет на твою шею. Деревенские девушки другие, они наивные. Молодую девушку быстро сможешь вести за собой. Она добрая, – хвалил он и подбадривал меня.

Девушка, с которой Саша хотел меня познакомить, была близкой родственницей его жены. В город приехала неожиданно. Выше среднего роста, это была милая деревенская девушка Надя, с которой меня познакомила жена Саши. Она говорила, что Надя неграмотная, но красивая, не разговорчивая и скромная. Скромность она проявила сразу, потому что каждое наше слово стесняло её. А мне она понравилась

с первого взгляда, как только познакомили. Позже, я её два раза приглашал в кино, мы были на даче у Саши. Вот так я познакомился со своей женой. Потом женился, и неразговорчивость, безграмотность моей жены пришлись по душе полковнику Зимолину. Он лично мне помог устроиться в частном доме, от которого, если идти пешком, пятнадцать минут ходьбы до тюрьмы.

Таким образом, из сырого общежития тюрьмы я переехал в просторный дом с большим двором. Родителей Нади мы вызвали из деревни помочь по хозяйству. Потом они остались навсегда. Тесть, теща и их дочка были скромными деревенскими людьми. Они даже не поинтересовались, где я работаю, как зарабатываю свой хлеб. Наверное, сам не подавал повода. Наоборот, мои новые родственники радовались, что Надя нашла заботливого, доброго мужа, который зарплату исправно приносил домой. Заботы о семье сильно изменили меня. На бледном лице у меня появился румянец. Настроение стало улучшаться, я стал более веселым и общительным.

* * *

В народе говорится: поживёшь подольше – увидишь побольше. Так и случилось. Снова наступила весна. Дом побелили и покрасили. С Надей жил душа в душу, как будто в прошлой жизни были вместе. Она носила под сердцем моего ребенка. Бедная моя, с утра до вечера была чем-то занята, на одном месте не сидела, но никогда не жаловалась. Я её жалел, но она неоднократно говорила, что лучше работать, чем отдыхать. Так противилась она, не хотела отдыхать. Сердце радовало, что она держала дом в чистоте, вкусно готовила. Моя одежда всегда была опрятной, отутюженной, обед подавался вовремя. Если у меня было плохое настроение, уж не знала, как угодить, куда посадить. Короче говоря, она готова была сделать для семьи всё и только самое хорошее. И я влюбился в свою жену. Даже не верится. Хотел жениться, потому что девушка понравилась, но не ошибся. А любовь приходила постепенно. Любовь, оказывается, святое чувство. Я полюбил свою жену крепко и на всю жизнь. Правда, вот тебе крест. После службы домой возвращался усталым, но

при виде жены в моих жилах появлялась мужская сила, море любви – словом, я преображался. Был безмерно счастлив, что мне попалась добрая любящая жена, это моя судьба. Тесть и тёща меня очень любили и уважали. Тесть радовался, когда я ему приносил спирт. Когда пьяный, он тише воды, ниже травы, с разрешения тёщи пропускал еще пару стаканов и шел спать. Был хозяйственным мужиком, работал от души, за двоих. Курятник и свинарню построил, двор огораживал, за огородом присматривал. Купили трёх поросят. Служба шла своим чередом, то хорошо, то плохо. Свои обязанности я выполнял беспрекословно. Наш сосед по дому работал инженером на радиозаводе. Иногда я с ним играл в шахматы. Мы оба рано уходили на работу и поздно возвращались. Недавно его повысили, теперь он стал главным инженером завода. Пригласил к себе домой. Я пошел.

– Люблю свою работу, горжусь своей профессией, – поделился он за игрой.

– Кто не любит свою работу, кто не гордится своей профессией? Все любят, все гордятся, – ответил я немного резким тоном.

Он слегка испугался. Оказывается, он раньше побаивался меня, когда «Москвич» отвозил меня то домой, то на работу. Я его успокоил, поздравил с повышением и вернулся домой. Дома Надя складывала маленькую одежду еще не родившегося ребенку. Поцеловал её в щёку и забыл о разговоре с соседом.

... Не поверите мне, много лет вместе прожили с женой и ни разу не поссорились. Всегда относились друг к другу с большим уважением.

– Да, Вам повезло с женой, – согласился я.

– Наверное, повезло, не скрываю. Не только с женой повезло. Кто за большим погонится, тот и малого лишится. Я просил у бога всего лишь работу, чтобы не остаться голодным, – смеялся старик, выкуривая папироску и выдувая дым.

– Павел Степанович, почему задумались, устали?

– Я человек уставший. Вы сами не устали, не надоел мой рассказ? Завтра не проспите, не отстанете от поезда? – сидя на месте, кивнул он на тёмную ночь, проступавшую через окна.

– Нет, нет, не устал, – поторопился я с ответом.

– В таком случае продолжу рассказ. Говорил же, что я человек уставший. Больше половины сотрудников из команды «особой службы» НКВД отправились на тот свет, но я остался живым, невредимым. Никто не скажет, это хорошо или плохо. Поэтому я должен рассказать кому-то о прошедшей жизни. Если сам не расскажу, то кто расскажет? – загадочно улыбнулся старик. – Да, я не отрицаю своей «особой службы». Пролил кровь многих приговорённых людей. Я здесь выполнял всего лишь исполнительскую миссию. Это не оправдание, если бы меня не было, нашли бы другого человека на мое место, правильно? Если не женился бы, не имел своего двора, повесился бы, как другие, или сгнил бы где-нибудь в психушке. Поэтому не проходил мимо бродяг, раздавал, сколько мог, подаваний. Бедным помогал, ни для кого не жалел своих благодеяний. В последние годы слишком добрым стал. Стать добрым – это не отказаться от выполнения приговора, и не дать возможность приговоренным к смерти избежать тюрьмы, не поднять их на мятеж против существующей политики. Просто я свободно чувствовал себя вне тюрьмы, к жизни относился трезво. В тюрьме был главным палачом. Если бы на службу не заступил с отличной подготовкой, давно попрощался бы со своей жизнью. Я не прощался, не плыл против течения времени и общества, просто честно служил в волшебной машине по имени Гулаг. Оказывается, от предначертания судьбы не убежишь. Сказали арестовывать – арестовывали, дали команду расстреливать – расстреливали. Короче, много спорных вопросов. Лучше расскажу о событии, которое изменило в корне мою судьбу, взгляды на жизнь, – сказал, зажигая погасшую папиросу.

Я, соглашаясь, кивал головой и внимательно слушал.

* * *

– Иногда по инструкции службы мы патрулировали город. В один из таких дней я ехал по улице Широкой. Вдруг обнаружил среди развалин и старых строений игравшего на песке маленького худого мальчика. Вчера я его не заметил. Он был один, вокруг него никого не было. Остановил машину,

и медленным шагом направился к ребёнку. Когда подошёл совсем близко, увидел, что в длинных грязных волосах мальчика копошились вши. Лицо у него было какое-то желтоватое и испитое.

– Привет, дитя, – поздоровался я, наклоняясь к нему.

– Привет, – ответил мальчик еле слышно.

– Что ты делаешь здесь? Чей ты будешь? – задал я вопрос, улыбаясь.

– Я Саша Дуров, – пробормотал он.

Я внезапно растерялся, не зная, что делать и куда деваться. После небольшого перерыва снова задал вопрос.

– Где твоя мама? – спросил, осматриваясь вокруг.

– Мамы нет. Она недавно умерла, – ответил мальчик нехотя.

– А папа? – Снова его загнал в угол, чтобы убедиться, что он здесь один.

– Папу увозили на такой же машине, – показал он хуленькой ручкой на мою машину. – Больше он домой не вернется.

– Кто сказал?

– Взрослые сказали.

Как только я услышал последние слова, под ногами затряслась земля. В это время еще больше возненавидел себя. По привычке пощупал карманы. Нашёл несколько конфет.

– Ты сейчас с кем живёшь? – спросил я, предлагая конфеты.

– Один живу, – он протянул руку.

Ответ маленького мальчика неожиданно и крепко ударил по моей макушке. Значит, этот малыш – сын Саши Дурова, которого я в прошлом году собственноручно расстрелял по приговору суда. Задыхаясь поднял мальчика, крепко обнял. Инстинктивно взял его в охапку и решил немедленно уйти отсюда. Завёл машину, нажал на газ, погнал на большой скорости, как будто за мной кто-то гонится. Приехали мы быстро. Когда затормозил возле калитки, пыль поднялась на весь двор.

– Надя, Надя? – кричал громко.

Бедная моя женушка с большим животом выскочила из курятника. Увидев меня, бросила курицу, поспешила к нам.

– Наденька, золотце моё, накорми, пожалуйста, мальчика. Смотри-ка, какой он слабый, еле стоит на ногах. Пожалуйста, поскорее!

– Я сейчас, идите в дом.

Жена вошла в дом. Пришла тёща, за ней – тесть. Тёща оказалась опытнее всех, погладила лохматые волосы мальчика.

– Ему сначала надо дать теплого молочка. Кормить нужно по чуточке. А то он может подавиться, – посоветовала она знающе.

Надя смазала булочку сливочным маслом, принесла молочка в стаканчике. Она велела откусывать булочку мелкими кусочками, молоко пить малыми глотками. Мальчик оказался молодцом, выпил молочко, съел булочку. Через некоторое время ему дали горячий чай с малиновым вареньем. Потом я его помыл в бане, сбрил волосы. Тёща как-то смастерила рубашку и штаны. Накормленный, посвежевший мальчик начал дремать. Я его уложил в чистую постель. В полусне он обнял меня за шею, назвал папой и уснул тихим сном.

– Пашенька, где ты нашел его? Чуть опоздать – ему пришлось бы туго, – говорила Надя, с двух сторон подсовывая под него одеяло.

– Я его нашел на улице, на песке играл. Он мне показался очень слабым. Родителей нет, можно сказать, круглый сирота. Поэтому и привёл сюда, – ответил, не отрывая глаз от сладко спящего мальчика.

– Правильно ты поступил, – Надя встала и на меня поглядела. – Все-таки это чей ребёнок?

– Это наш ребёнок, – ответил я решительно за всех, обнимая жену. – Будет нашим старшим сыном, хорошо ухаживай, Надюша!

Все дружно согласились: и тесть, и тёща, и жена. Вот это понимание, вот это дружная семья! Я ошалел от радости. И усвоил урок, что ребёнок принадлежит тому, кто его хорошо опекает. Не прошло и месяца, Саша заметно поправился, изменился в лучшую сторону. По вечерам я с ним долго разговаривал. Воспитание тестя и тёщи очень на него повлияло. Саша их называл дедушкой и бабушкой, нас папой и мамой. Никто его не учил, не просил называть так. Он сам научился и быстро привык ко всем. Мне так поверил, что я его родной

отец. Однажды перед сном он меня не отпускал, крепко обнял.

– Папа, – сказал в моё ухо. – Почему ты не искал меня? Ведь мы с тобой играли в прятки. Я прятался в шкафу, очень устал. Ты не приходил, а я плакал весь день.

– Пришёл же, – ответил я растерянно.

– Нет, ты не приходил. Ты пришёл тогда, когда я устал тебя ждать.

– Все-таки я тебя нашел, сынок. Это наша победа, – сказал я в сильном волнении.

– Я тебя долго ждал. Почему ты не приходил? – Он измучил меня своими расспросами.

– Мой маленький, моя опора, меня тогда случайно вызвали на работу, и я находился далеко-далеко. Теперь я без твоего ведома никуда не поеду. Договорились, сынок?

– Договорились, папенька. Я вас очень, очень прошу, дайте не играть в прятки. А то мне приходится долго ждать. Ты согласен со мной?

– Да, я согласен. Теперь дай мне руку, пожму. С этого дня мы не играем в прятки. Спи, сынок, богатырским сном, – сказал и поцеловал маленькие ручки. – Спи, сын...

Через три месяца у меня родилась дочь. В честь мамы назвали её Марией. Саша обрадовался, что у него появилась сестричка. Приходили поздравлять со службы и семья Мухиных. Служба шла своим чередом, преподнося каждодневные изменения. Незаметно прошли дни, прошли месяцы, за ними годы. Со временем поредели наши ряды. Мы все опасались, задумывались: кто следующий? Потому что некоторые наши коллеги, по неизвестной причине, сходили с ума, некоторые вешались или стреляли себе в голову. Это не было новостью. Собачья смерть рано или поздно постучалась бы в дверь к каждому из нас. Такая смерть унесла из наших рядов полковника Зимоллина. Начальник тюрьмы в своем кабинете застрелился из табельного оружия. Никто толком не разобрался в причине его загадочной смерти. Распространялись разного рода сплетни. Одни говорили, что сверху вынуждали, другие говорили, что не смог вытерпеть трудностей и в этом беспорядке, хаосе сам себя убил. Многие умерли. Но не умирать же вслед за покойниками! После его ухода мы переполошились. В тюрьме

ввели чрезвычайное положение. Снова нас загнали в общежитие тюрьмы. Начальником тюрьмы назначили Тоташвили, грузина в чине подполковника. Он выглядел, как худой вол, нос торчал на лице, как серп без изгиба. Этот грузин с первых дней назначения не давал нам ни минуты покоя, просто выдёргивал нашу душу. Полугодовую норму выполняли за десять дней. Потому что тюрьма была наполнена заключёнными по статье №58. И это казалось малым, будто все стали врагами народа. Из разных точек страны привозили людей и заполняли ими тюрьмы. Камеры одна за другой переполнялись так, что просто негде было упасть яблоку. Увеличилось число больных, вспыхнула эпидемия. Вот тогда началась всесоюзная «кампания» по расстрелу приговоренных людей.

С каждым днём росло число расстрелянных арестованных. Следователи работали в две смены. Буйных заключённых били, сколько угодно пытали, чтобы получить признательные показания. В этой кампании особо отличался майор Медведев. Он являлся самым свирепым следователем и подлым человеком. Как следователь, он никого не жалел. Арестованных за людей не считал. Его жестокость вызывала отвращение даже у сослуживцев. Его даже мы боялись. Увидев его идущим по коридору, уступали ему дорогу. Красноречивого господина Никиту он легко сломил, принимал его в штыки. Вслед за Никитой ушли десятки наших людей. И такие же люди висели вверх ногами в его камере. Многие не выдерживали пыток следователя Медведева и шли на отчаянный шаг, к самоубийству. Майор Медведев превратился в личного палача начальника тюрьмы Тоташвили. У них были на каждом шагу кровь, в каждой камере человеческий плач. Не зря старались. За проявленную в борьбе с врагами народа бдительность и за предотвращение тяжелой обстановки особо отличившийся подполковник Тоташвили досрочно получил звание полковника, майор Медведев - подполковника. Нам давали один день отдыха. Команда могильщиков не успевала вовремя хоронить горы трупов. Поэтому ей приходил на помощь бульдозер. Начальник могильщиков Саша Мухин, в куче трупов обнаружив своего отца, чуть с ума не сошел. Его одолело горе. Три дня подряд плакал, пил. Когда высохли слёзы, повесился на одиноком дереве, которое росло возле

ямы, где был похоронен его отец. Таким неблагоприятным поступком закончились мучения командира группы могильщиков. Администрация тюрьмы взяла на себя ответственность за церемонию похорон. На похоронах присутствовал весь личный состав, были сказаны тёплые слова. Он был хорошим другом, мы друг для друга жизни не жалели. Я ему желаю только покоя, пусть будет земля ему пухом.

После похорон Мухина душа моя разрывалась на части, я вдруг почувствовал себя одиноким. Как сивогривый волк, ходил по комнате кругами. Когда дышать стало трудно, вышел во двор тюрьмы. Там остановилась чёрная машина. Двери с грохотом открылись, и оттуда вытолкали испуганную женщину. Она пронзительно вскрикнула, была только в нижней рубашке, изодранной в клочья. Крепкая грудь привлекала всех. Женщина поправляла изодранную рубашку, умоляла каждого встречного.

– Миленькие, дома дочка осталась. Дайте мне время, дочку кому-то поручу. Ради бога, отпустите меня! Дома маленькая дочка осталась одна.

– Заткнись, не хрюкай, как свинья! О дочке раньше надо было думать, прежде чем пускать поезд под откос. Иди, мать твою!..

Подполковник Медведев своим большим кулаком стукнул её по затылку. Женщина без звука упала перед его ногами. После этого два охранника, взяв женщину под руки, заволокли её в здание. Я спросил у шофёра, который спокойно ковырял спичкой в жёлтых зубах, адрес женщины. Он посмотрел на меня бирюком и, нахмурившись, ответил.

– Улица Октябрьская, 335.

Получив ответ, я немедленно сел в машину. Не раздумывая, помчался искать дом женщины. Улицу нашёл без труда, через окошко машины считал номера домов: 277, 309, 333, 335. Вышел из машины. Отворил ворота деревянного дома с высокой оградой. Зашел в дом. В комнатах всё было разбросано, на полу валялись черепки разбитой посуды, разорванные фотографии. Прошел в большой зал. На диване спала, свернувшись, двухлетняя девочка. Чтобы не разбудить девочку, я осторожно поднял её и направился к выходу. Сел в машину, завёл её и потихоньку тронулся с места. Девочка проснулась

тогда, когда приехали домой. При виде чужих людей она заплакала.

– Где мама? Я пойду к маме, – зарыдала она.

Мы ей предложили конфеты, пряники, куклу. Так её еле успокоили. Имя девочки было Оксана. Мы и её приняли в семью. Заботы прибавилось. Но дети оказались такими удивительными созданиями, что при виде их я забывал о трудностях на службе. Заботясь о них, играл, смеялся, бегал, словно сам становился ребёнком. Делил мир с ними. Вот так прошли дни. Каждый день на рассвете целовал в лобик всех троих, потом отправлялся на работу. Как-то наша семья купила корову. Теперь у нас было своё молоко. Мама Оксаны в мучениях умерла, не выходя из камеры следователя Медведева.

Дни переходили в месяцы, месяцы в годы. Из тех сотрудников, которые со мной вместе поступили на службу, никого не осталось. Вместо них пришли молодые - коммунисты и комсомольцы с горячими сердцами. Я оказался крепким орешком, не стал ни сумасшедшим, ни самоубийцей. В 1947 году по состоянию здоровья меня перевели в отдел охраны.

Вот так меня сам бог оберег от всяких бед. Сами видите, я жив, невредим, беседую с Вами. Надя родила двух девочек и двух мальчиков. Двух девочек удочерили, двоих мальчиков усыновили. Старшая дочка Мария сейчас работает директором школы-интерната. Оксана - главный редактор областной газеты. Вчера проводил Сашу в Сибирь. Он служит лётчиком в Сибирском военном округе. Хорошо было бы его самого увидеть, стал таким серьёзным военнослужащим. Он обрадовал меня, что скоро я стану дедушкой. С того дня, когда встретились мы с Сашей, я часто заходил в церковь. Поставил немало свечей за людей, обречённых на смерть. Люди, которые были в церкви вместе со мной, всегда удивлённо на это смотрели. Саша, который был всегда рядом, испуганно бормотал:

– Папа, кому понадобилось зажигать столько свечей?

– Надо, сынок, перед богом мы все одинаково грешны. Поэтому люди стремятся совершать добрые дела во имя бога. Людям нужно всегда помнить о дурном и о хорошем. Всегда в твоих устах должен быть бог, мой дорогой, – сказал я ему, не выдавая своей тайны.

Когда мы выходили на улицу, люди провожали нас любопытными взглядами.

* * *

От услышанного рассказа палача я вздохнул глубоко. Верить или не верить его рассказу – это вопрос времени.

– А вы знаете, как зовут мою вторую дочку? – неожиданно заинтересовался мой собеседник.

– Откуда мне знать, Павел Степанович? Вы находились с той стороны земли, а я – с другой.

– Зовут её Айша. Она главный врач детской городской поликлиники. Кандидат медицинских наук. Мать любимого внука.

Я невольно раскрыл рот.

– Товарищ журналист, жизнь – удивительная штука. Хотите услышать рассказ про Айшу?

– Павел Степанович, давно надо было начать с этого рассказа! – проговорил я, то ли печально, то ли радуясь.

– Я эту тайну хранил как зеницу ока, хотел рассказать в конце беседы, – добродушно усмехнулся он.

* * *

– Наверное, помнишь, вначале я рассказывал, что мне постоянно снились горы, озеро и незнакомая красивая девушка. Сердцем чувал, что сбудется желание. Суждено мне было судьбой, чтобы в детстве увиденную во сне девушку встретил здесь. Это было так.

Выпив сто граммов спирта, я вышел покурить на улицу. Охранники тюрьмы с интересом шушукались и показывали пальцами на кого-то из толпы. Любопытство взяло верх. Бросил взгляд в их сторону. Не ошибся. Подальше от других, под высоким тополем, стояла девушка азиатской национальности. На ней была шапка с выдровой опушкой, белое платье и красная жилетка. Увидев необыкновенно красивую девушку, я остолбенел. Красавица стояла, глубоко задумавшись, не обращая ни на кого внимания. Откуда она появилась, или с неба свалилась? Похожую девушку я много раз видел во сне.

Она это или другая, для меня было загадкой. Смотри хоть так, хоть эдак, но показалось мне, будто в прошлой жизни мы были близко знакомы. Бедное моё сердце стучало так, будто почувствовало какие-то теплые прошлые отношения с ней. Что-то меня пронзило до кончиков ногтей, по телу пробежали мурашки. Теплое чувство, которое напоминало о моём детстве, потянуло меня в сторону толпы. Я не хотел упустить столь волнующего момента. Рискуя, смешался с людьми. С приближением к незнакомой девушке волновался всё больше, сердце билось учащенно. Голос дрожал, стал хриплым. Она тоже волновалась, видя, как я приближаюсь. Когда поздоровался с ней, мы оба вдруг покраснели. На мое обращение девушка ответила по-русски. Это меня ещё больше удивило.

– Извините, вы, оказывается, хорошо говорите по-русски. Издалека приехали?

– Издалека... – пронзительным взглядом посмотрела она и продолжила: – Я приехала из края высоких гор, которые называются Ала-Тоо, с жемчужного озера, которое называется Иссык-Куль. По национальности я киргизка, – ответила она, не смущаясь.

В голосе никакого страха, стройна, как лебедь, чиста, как горный источник, как святая святых, неприкосновенна. «Это, безусловно, та девушка», – думал я. В этот момент меня охватила радость.

– Вы не бойтесь меня, – добродушно сказал я. – Я здесь служу. Меня зовут Павел Букреев.

– Очень хорошо, – ответила она, не отрывая глаз от тюрьмы.

– Здесь у вас родственник? К кому вы приехали? – спросил я с любопытством.

– Приехала к отцу, – сказала она, прослезившись.

– Простите меня, милая девушка, если грубо обратился, – произнёс я, справившись с волнением.

Девушка достала из кожаной сумки белый платок и вытерла им слёзы.

– Будем знакомы, скажите своё имя, – умоляюще спросил я, думая, что не скажет.

– Меня зовут Айша, – неожиданно назвала она своё имя.

– Очень приятно, Айша, где вы остановились? Если в

моих силах, помогу. Не стесняйтесь, говорите. Слушаю вас, – сказал я, боясь, что она откажется и уйдёт.

К сожалению, девушка стояла неподвижно, не моргнув глазом. Мне показалось, она разобралась во всем происходящем. Вздохнула и откликнулась прямо. По рассказу Айши, отца арестовали, когда он был председателем сельского совета. Отец по дороге отправил письмо, что его везут сюда. Как только получила его письмо, Айша отправилась туда, откуда звал отец.

– Хочу узнать, в чём его вина, какое преступление он совершил? Наоборот, он был человеческим коммунистом, грамотным руководителем. Пользовался большим авторитетом среди населения. Сама вчера приехала и ночевала на железнодорожном вокзале. Отец мой находится в этой тюрьме, – объяснила Айша печально.

Я пожалел Айшу, которая, обливаясь слезами, задрожала без единого звука. В тот момент я готов был выполнить любое пожелание девушки.

– Айша, вы немного подождите меня. Я узнаю и быстро вернусь. Может, его привезли, а может, и нет. Надо бы уточнить, это никогда не помешает, – сказал, будто сейчас приведу её отца за руки. Айша схватилась за мои руки.

– Спросите Сыдыкова, Сыдыков его фамилия, – крикнула, глазами провожая меня в толпе.

Айша своим пронзительным взглядом вдохновляла меня. Я воодушевленно в чрезвычайном волнении стал искать её отца, спрашивал о нём у каждого встречного сотрудника тюрьмы. Крупные капли пота падали со лба, я вытирал их платком, продолжал стучаться во все двери, поднялся на все этажи. Спрашивал у знакомых охранников, следователей, но мое старание положительных результатов не приносило. Сообщить было нечего любимой девушке моего детства. Я знал, что неосведомленность была равносильна смерти. Но у меня еще оставалась надежда. Спросить у самого изуверского руководителя следователей подполковника Медведева. С такой мыслью я торопливо поднялся на третий этаж. Отдышавшись, ритмично постучал в дверь.

– Заходите, открыто, – послышался из кабинета хриплый голос Медведева.

Он сидел за столом и писал. В углу был подвешен человек. Но его плохо было видно, и в полутьме я не мог различить, азиат он или европеец. Я поздоровался.

– Здравия желаю, товарищ подполковник. Я не помешал?

– А, это вы, Павел Степанович? Не мешаете, проходите. Присаживайтесь, – сказал он, указывая на табуретку. – Павел Степанович, вы никогда ко мне не заглядывали. Какая сила занесла вас сюда? Какие вопросы ко мне?

– Никаких, Геннадий Ушурович. Просто так зашел. Искал вашего помощника Чуркина. Не угостите папиросой, товарищ подполковник? – еле произнес, не глядя ему в глаза.

– Папиросы? Ради бога, курите, – протянул он свой портсигар. – А Чуркин еще утром отправился на железнодорожный вокзал принимать арестантов, этапированных с Кавказа.

– Не знал, спасибо за известие. Как ваши дела, Геннадий Ушурович?

– О, мой друг, не спрашивайте о нашем деле. Вам же известно, что у нас всегда жарко, как в аду. Такую службу, какая у вас, кто нам окажет? Вы одним нажатием курка сразу избавляете от головной боли. Иногда втайне горжусь вами. Вы когда-нибудь занимались и мучились заполнением кучи бумаг с человека ростом? Нет? А у меня покоя нет, немного отлучился от службы – тотчас начинают искать, как будто без моего участия остановится служба в нашей тюрьме.

– Геннадий Ушурович, вы своим энергичным трудом продвигаете всю нашу службу. Страна гордится своими патриотами, похожими на вас, – осклабившись, я вынужденно засмеялся.

Мое угодничество хорошо повлияло на него. Я не мог противиться ему, мне никто не давал на это права. «Если дали бы право, то, не задумываясь, живьем выдернул бы острогубцами торчащие желтые зубы. Не отступился бы», – рассуждал я мысленно.

– Вы так считаете? Благодарю за комплимент. – Медведев нахмурился, и его лицо помрачнело. Грозно выпучил глаза на человека, руки и ноги которого были растянуты в разные стороны. Одним щелчком спустил пепел папиросы.

– Павел Степанович, мы столько трудимся, иногда незаметно проходят месяцы. Посмотрите на этого человека. Он

висит, клянётся, мол, ничего не сделал. Не признается в содеянном преступлении, как упрямый осёл. Кроме этих зловонных человечков, что хорошего мы видели на службе? Ничего. Эх, друг мой, служба службой, но в какое-то время мы тоже покинем этот мир. Вот тогда нам будет жалко.

Его красные глаза бойко двигались, бледное лицо выглядело страшно, как у ангела смерти, который ищет удобного случая досыта напиться кровью живых существ.

– Вы настолько ответственны, Геннадий Ушурович. Патриоты подобные вам, почему-то своевременно не заметили, что страна набита врагами народа.

– Не говорите. Ну, об этом довольно, а вот азиатам, диким чабанам, чего не хватает? Почему этих мертвецов сюда привезли, будто в других местах земли мало.

– Вы сказали азиаты!? – запинаясь, спросил я.

– Да, обыкновенные дикие азиаты. Прошу познакомиться...

Медведев достал стопку папок и бросил их на стол. Я осторожно поднял одну папку, будто горячий камень угля. Руки дрожали. Чтобы прийти в себя, папку я бросил на стол и обратно взял. В папке лежал длинный список фамилий. Я торопливо и пристально стал всматриваться в него.

– А вы читайте вслух, читайте. Пусть слушает и этот сибирский медведь, что общественные паразиты распространялись по всей стране, – сказал подполковник, грозя подвешенному человеку пальцем.

Я начал читать. «Серкебаев, Хасанов, Келдибеков, Осмонов... Кубанычбек Сыдыков... Киргизская ССР, Иссык-Кульский кантон... 518 камера». Я готов был закричать: «О боже, наконец, нашел того человека, которого искал!». Чтение само по себе остановилось. Я задыхался, из рук ускользали бумаги...

– Вот видите, где только не ходят паразиты. Их с корнем вырезать надо. Другого пути нет.

– Интересно, почему азиатов сюда отправили, не могу понять?

– Их именно здесь надо уничтожать. Лично сам буду заниматься расследованием, скоро их посажу на кол. Вы будете расстреливать. Время пришло, пора охотиться на них. Не так ли, Павел Степанович? – сказал он, обращаясь ко мне.

– Вам виднее, товарищ подполковник, – пробормотал я.

Я как-то неловко попрощался. Когда направился к выходу, следователь Медведев сидел на месте, стиснув зубы. Я пулей выбежал на улицу. Айша ждала там, где осталась. Она посмотрела тревожно, когда я подошел близко. Безгранично был рад сообщить ей, что нашел её отца. Но перед ней чувствовал себя виноватым, глубоко печалюсь о происходящем.

– Айша, – сказал, наконец, – я нашел Вашего отца. Его звали Кубанычбеком?

Как только я произнес имя её отца, она молча закрыла своё лицо. Всхлипывая, заплакала. Я не вмешивался, наоборот, жалел её, и думал, пусть разгонит свою тоску. Когда на сердце стало легче, печаль прошла, она сквозь слёзы спросила:

– Что мне теперь делать? Буквально ничего, если суждено так, что поделаешь?

– Найдется выход, – сказал я решительно. – Можно передать письмо, вещи первой необходимости. Не теряйте надежду. Если его вины нет, то его немедленно оправдают.

Вот так её успокоил. Всегда готов был от души помогать ей, её отцу. Мои старания даром не прошли. Потому что она восприняла мое утешение с радостью.

– Значит, можно передать письмо, да? – В её глазах появились искорки радости.

– Не только можно, а нужно, – сказал я уверенно. – Если сильно стараться – можно всего добиться.

– Тогда передайте письмо. Я немедленно напишу ему.

– Айша, у Вас ещё есть время. Сегодня уже поздно. Можете написать и завтра.

Айша застыла на некоторое время.

– Да, вы правы. Лучше завтра, – сказала задумчиво. – Пока солнце не село, я должна добраться до железнодорожного вокзала. Можно завтра встретиться с Вами? – умоляюще спросила она.

– Можно, почему нет? Айша, зачем усложнять дело? Я приглашаю Вас к себе домой, гостем будете. Наверно, устали от дороги. Познакомлю со своей семьёй. Отдохнёте, а утром придём вместе. Я очень прошу, идёте со мной. Не откажитесь...

– Не беспокойтесь, я лучше пойду туда, – сказала она решительно.

– Айша, я от души, не верите? Дома у меня тесть и тёща, жена Надя с тремя детьми. Ждём четвертого ребёнка, – радостно сообщил я.

– Вам большое спасибо за приглашение. Но я не могу.

Все равно она не соглашалась. Сколько ни умолял, получил отказ. Но она мне позволила находиться с ней на вокзале. В ту ночь я не сомкнул глаз – бодрствовал, находился возле Айши. Зато у нас получилась интересная беседа. Я ей рассказывал о своем сне, о детской мечте... Мы разговаривали до рассвета. Утром позавтракали на вокзале и отправились в тюрьму. В тот день письмо Айши я передал её отцу. Ответа пришлось долго ждать. Всё это время отец Айши мучился в камере следователя Медведева. Конечно, о пытке она ничего не знала. Через неделю расследование подполковника закончилось. Кубанычбек Сыдыков после тяжелой пытки долго не мог прийти в себя. Только на следующий день дал ответ. По рассказу Айши, письмо было примерно такого содержания.

«Милая моя доченька! Я до конца своих дней буду безмерно доволен, что ты нашла меня. Дочка, как только получишь письмо, при первой возможности уезжай отсюда. Помоги маме, бабушке Бурул, присматривай за маленькими. Не переживайте за меня, я жив и здоров. Милая Айша, я перед народом и перед богом чист. Никакого преступления, порочащего нашу страну, я не совершал. Это какое-то недоразумение. Запомни это на всю жизнь. Всем родственникам передай привет. До скорого свидания, люблю и целую тебя. Твой отец 193...год, 8 августа».

* * *

Получив ответ, Айша взвесила всё происходящее и дала нам понять, что собирается уехать. За короткое время, в которое она была нашей гостьей, мы её полюбили. Сразу видно, она воспитывалась и росла в замечательной семье, была добродушной, милой и человечной. Она пользовалась общим уважением, поэтому моя семья вначале не отпускала её, все просили остаться еще на несколько дней. Сколько ни угова-

ривали, она торопилась домой, и мы дали ей добро. Айша с первых минут общения ласково отнеслась к моим детям, Наде, тестю и теще. Настал час расставания. Она тепло со всеми просталась. Обещали обмениваться письмами. Я проводил её до железнодорожного вокзала, посадил в купе. Когда тронулся поезд, у меня было такое ощущение, будто моя детская мечта, первая любовь, любимые горы и озеро покидают меня и вместе с ней уезжают на восток. С таким ощущением я остался на родном вокзале один со своей печалью.

После проводов Айши прошло больше половины недели. Проклятая служба сделала свое дело. Полковник Тоташвили, следователь Медведев, прокурор города принимали решения о ликвидации врагов народа. И между собой договорились: чтобы проучить азиатов, исполнение приговора поручают мне, красному палачу Союза номер один, капитану Букрееву. Вроде обыкновенный приказ, таких приказов в моей жизни было много. Но этот приказ, по неизвестным соображениям, я никак не мог переварить. Конечно, когда услышал о приказе, я побледнел, как полотно. Заболел. В связи с болезнью отказался. Передал записку начальнику тюрьмы: «Болею, поручите другим». А он мне категорически отказал и отправил посыльного с запиской: «Ничего, это на час работы, немедленно приступить к исполнению приговора». Мне пришлось подчиниться, и решение тройки было исполнено на высшем уровне. Привычную работу довел до конца – привычными, отточенными движениями руки красного палача. Это исполнение стоило всех других исполнений. В тот день, опечаленный, вернулся домой. Жена, как обычно, встретила меня с радостью.

– Пашенька, а Пашенька, если у нас родится дочка, давай назовём её Айшой? Как ты на это смотришь? Ты согласен?

Конечно, к предложению жены я отнёсся положительно, и моё нехорошее настроение постепенно развеялось.

– Умница ты моя! Что бы я без тебя делал? Давно меня не было бы в живых, лежал бы в земле. С твоим предложением я согласен, от души поддерживаю. Хочешь называть, назови Айшой, хоть Айшатам. В любом случае, я с тобой согласен.

Горячие слёзы катились из моих глаз. Хотел приласкать Надю, погладить её волосы. К великому сожалению, про-

клятые мои руки не поднялись, свело судорогой. Конечно, нетрудно было понять, что я сделал мерзость. Оттого и расстроился. Едва сдерживая обиду, чуть не заплакал в голос. Вовремя остановился. Милая моя женушка меня поняла и прибежала из кухни со стаканом воды. К моему удивлению, я не смог взять воду у Нади, как-то склонился и свалился на диван.

* * *

Собеседник мой замолчал. В комнате царила мёртвая тишина. Не убрав папиросу изо рта, он глубоко задумался. Я не осмеливался сказать ему, что он виноват на сто пудов. Раньше не слышал, не видел подобного человека среди людей на земле. Теперь он сидел передо мной, лицом к лицу. Безмолвная тишина давила на меня. По моему мнению, он молодчина, высказал все, что было на душе. Освободился от тяжести, которая на протяжении многих лет тревожила его сердце. Нетрудно понять, он немного успокоился, и настроение приподнялось. Но в глубине души всё же остался какой-то осадок. Наконец, он снова зажжёт свою папиросу.

– Потом переписывались? – спросил я, протирая красные глаза.

– А как же, – ответил он, продолжая разговор. – Спустя немного времени, Айше написал письмо, о том, что её отца перевели в другую тюрьму. Ответ пришел быстро. Потом отправил второе письмо, когда родилась дочка. Написал, что ей дали имя Айша. Она была безмерно рада и довольна. Нас пригласила в гости. Надя с маленьким ребёнком не могла поехать. Я за свой счёт взял отпуск и летом поехал на Иссык-Куль. Прекрасно отдыхал, каждый день любовался красотой природы. Вот тогда убедился: если на земле есть рай, то прекрасное озеро Иссык-Куль – это ворота в рай.

На следующий год всей семьёй собрались отдыхать на Иссык-Куле. Но, к нашему сожалению, внезапно вспыхнула Великая Отечественная война. Наша поездка сама по себе откладывалась на неопределенное время.

* * *

После победы, осенью 1946 года, я написал Айше письмо по старому адресу. Не поверите, письмо нашло своего адресата. Мы так обрадовались, просто нет слов. Наши отношения продолжались долгие годы. В позапрошлом году Надя с дочкой Айшой ездила на Иссык-Куль. Потом с гордостью говорила: «Я видела белые горные вершины, которые в детстве тебе снились, видела в объятиях великих гор чудодейственное озеро Иссык-Куль, видела дочек Айши, которые похожи на девушку из снов твоего детства».

Айша, оказывается, в своё время окончила педагогический институт. Вышла замуж по любви. Муж был лесником, она сама работала директором сельской школы. Когда искала отца и приехала за ним в наш город, милой девушке было всего семнадцать лет. Теперь она была любящей матерью пятерых детей, имела большой авторитет у односельчан. Посоветовавшись с Надей, мы семейством намеревались приобрести дом на берегу озера. Об этом предложении я напоминал каждый раз. Айша на наше предложение откликнулась. В позапрошлом году она сказала, что вблизи озера присмотрела подходящий дом. Поэтому через Надю я передал деньги. Они купили тот дом. Когда Надя сказала, что через окошко можно любоваться озером, я был безмерно рад.

– Значит, последние свои годы вы хотите провести на Иссык-Куле? Насколько это правда? Может быть, там останетесь навсегда? – сказал я, приревновав его к любимому озеру.

– Может быть. Однажды Саша Мухин сказал: «Пашенька, ты будешь жить дольше, чем мы. Потому что у тебя есть вещий сон, мечта детства, в котором любимые белые горы, чудесное озеро и красивая девушка. Богом тебе предназначено жить, пока не увидишь мечты детства. До того времени ты не покинешь этот свет». Действительно, высказывание Саши сбылось. Решил свои последние дни жизни провести в том месте, которое мне снилось с детства как вещий сон, – утвердил он.

– Да, мне тоже известно, что мечта детства всегда сбывается, – вступил я в разговор.

– Вот так сбылся вещий сон, слава богу.

– Вы довольны своей судьбой?

– Очень доволен. Мне было суждено видеть высокие горы, жемчужину Иссык-Куль, киргизскую красавицу Айшу, с разными людьми познакомиться. Они меня вдохновляли продолжать жить. Иначе выжить в команде «особой службы» было бы трудно. Имел отношения с гостеприимными добродушными горными людьми. Удостоился почёта и уважения со стороны Айши, и я не остался в стороне. Она послужила поводом моего спасения и мучения. Если бы не Айша, белые горы, жемчужина Иссык-Куль, дети, семья, я бы не сидел вот так перед вами. Петля, которая отняла жизнь Саши Мухина, и меня умертвила бы.

– Павел Степанович, вы бывали во всяких передрыгах, многое испытали, вам не в диковинку...

– Я вас понял, молодой человек. Да, я не отрицаю. На моих руках кровь многих заключенных. Однажды я тоже умру. Но я не боюсь смерти, а боюсь просто так умереть. Именно такая позиция судьбы меня научила многим вещам. Я беспрекословно исполнял свою обязанность и обязанность человека. Не избегал судьбы, которая была дана богом. Моя судьба сейчас в руках Айши. Потому что я её больше всех люблю, уважаю. Я не хочу, чтобы моя тайна, моя тоска по жизни, осталась при мне. Скажу, что было, как было. Как решит она, так и будет. Нет другого выхода.

– А может быть, не стоит признаваться?

– Не вынесет этого мое человеческое достоинство. Кроме смерти, все хорошо. Как поеду, так и раскрою свою тайну, как говорится: живи, пока живётся.

* * *

Итак, рассказу собеседника пришел конец. Он долгие годы скрывал свою страшную тайну от жены, от детей и общества. В этом брэнном мире он не имел права молчать. События, которые он переживал, для него стали навеки незабываемыми. Он испытывал постоянный страх, оглядываясь вокруг себя. Страшная, сокровенная тайна давила на его сердце, а когда оно переполнилось тоской, внутри вспыхнул пожар и вырвался наружу. Это предопределение судьбы. Кто и как его воспринимает, зависит от каждого человека.

* * *

Я встал с кресла и подошел к окну. Рассказ, который во-брал в себя целую жизнь, закончился перед рассветом. Правду говоря, внутри себя я ощущал обиду и зависть к высказываниям Павла Степановича о том, что он проведёт последние дни на Иссык-Куле. Он был повинен в смерти десятков сотен людей. Теперь, как ни в чем не бывало, хочет смыть с себя кровь на жемчужине земли – Иссык-Куле. Я думал, пока старик готовил завтрак. Мы молча завтракали. Павел-ага¹ вызвал такси и проводил меня до железнодорожного вокзала. Купил провизии на дорогу. Когда он сунул в мои руки деньги, я наотрез отказался. Но он твердо говорил: «В дороге пригодится». Я вынужден был согласиться с ним.

– Павел Степанович, когда поедете на Иссык-Куль, загляните ко мне, гостем будете, – сказал я, небрежно вздыхая.

Старик, кивнув головой, опустил глаза. Я крепко пожал его руку. Расстались. Когда поезд тронулся с места, я стоял на подножке вагона. Павел-ага помахал рукой и остался позади. Я был бессилён поднять руку, просто молча смотрел в его сторону. Думал о том, что, когда приедет, будет время погостить у меня и уважить друг друга. Он был палачом. Но в моем воображении он был самым добрым палачом и совестливым человеком. Я уехал из старинного города, чтобы вернуться и заново встретиться со стариком.

Локомотив тащил за собой прицепленные вагоны и при выходе из города злобно гудел.

Сары-Камыш - Бишкек, 1992-1994гг.

¹ Ага – обращение к старшим, брат.

СНЕЖНАЯ ЖЕНЩИНА КОМИССАРА

Каждый год мы проводили лето на самом верхнем пастбище джайлоо² Мин-Жылкы. Травы здесь росли так высоко, что даже на коне сложно преодолевать поросшее ими пространство. Осторожная сорока извещает своим лёгким стрекотаньем парящих полетом куропадок и фазанов, шарахающихся от каждого шороха сусликов и зайцев, спешно прыгающих с ветки на ветку белок и бурундуков, лису, которая подстерегает прилетающих на лесной водопой птиц. А громко хрюкающие кабаны грызут как семечки плоды диких яблонь и орехи, и каждый вечер по привычке проходят по нашему загогу. Все это создавало неповторимое зрелище.

Когда мы в первый раз прикочевали на джайлоо, к нам прибился темно-серый телёнок, который на самом деле оказался диким кабаном. Тогда из рук громко закричавшей мамы выпал зеленый прутик... Озорной ветер, перелетая от пастбища к пастбищу, словно, нарочно нащёпывал людям об этом случае. На днях из города приезжали двое русских и сказали: «Если подстрелите одного кабана, дадим вам семь тысяч рублей». «Хоть десять дадите – мы не согласны», – ответили им. Но сейчас разговор не о том, что в Мин-Жылкы обитает зловещий джез тумшук³ – снежный человек, а о леснике Шекене, который не только слышал о нем, но и видел его воочию.

Мы с младшим братом Сейдали спускались с джайлоо, чтобы помогать лесникам в урочище Сары-Бээ косить траву.

² Джайлоо – летнее пастбище.

³ Джез тумшук – снежный человек со стальными когтями.

И лесник Шекен как-то рассказывал об этом событии. Последний разговор с Шекеном показался нам таинственным и очень важным. Он стал основой рассказа, который потряс всех жителей района.

* * *

Подходила к концу гражданская война, но в высоких горах скрывались ещё какие-то басмачи. В это время как раз начальник НКВД Джалал-Абадского уезда получил задание:

1. Любыми способами найти и обезвредить скрывающегося в неприступных горах корбаша, предводителя отряда басмачей Айтмерека, который время от времени учинял чабанам⁴ разгромы.

2. Попутно исследовать все золотые прииски на истоках бурной реки Кара-Кульджа.

Дело в том, что в долине Кара-Кульджа, текут, соединившись, две реки – Тар и Кара-Кульджа, которые потом и образуют большую реку Кара-Дарья. Всем кажется, что вода Кара-Кульджи более вкусная и питательная, чем вода реки Тар. Поэтому с давних пор идет слух о том, что в районе истока Кара-Кульджи есть золото.

Словом, к увлекательной экспедиции готовились три человека. Командиром группы был назначен известный борец с басмачами – комиссар Таштан. Вторым в список попал золотоискатель, геолог Саша; третьим стал ловкий и крепкий парень Шекен. Тогда ему было пятнадцать лет, работал он в чайхане разносчиком...

Заготовив провизию на полмесяца, трое мужчин отправились в захватывающее путешествие. Путь казался дальним и тяжелым. Днём было жарко, а ночью без привычки к горному климату они дрожали от холода. Поэтому, как только темнело, разжигали костер. Огонь горел до утра. Девственные горы и дикие скалы стояли, обратив высокие вершины к звёздам. Цветистые зелёные травы в поросших ревенем ложбинах радовали глаз. Люди по десять раз на день переходили вброд горную реку. Горный воздух был удивительно чист, а высоко-

⁴ Чабан – пастух.

рослый ковыль-волосатик стал хорошим кормом для лошадей. Невиданная удача! На протяжении всего пути комиссар Таштан показывал спутникам свои неординарные способности. Сидя на коне, он на лету стрелял из маузера в испуганно взлетающих вверх фазанов и полосатых куропаток: «бах-бах». Подобно беркуту, на скаку схватывал суетливых визжащих сусликов. Это было представление ловкого наездника.

По дороге на каждом холме торчало по 10-15 сусликов, их любопытство пересиливало чувство скрыться от страха в норе, потому что они ещё ничего не знали о людях. Чутьё у комиссара Таштана было как у осторожной дикой козы, глаза – как у зоркого сокола. Поэтому в еловом лесу он без труда находил поющего соловья. Шли они не сберегая сил. С погружением в глубину горных ущелий на южных и северных склонах чаще стали встречать мирно пасущихся диких кайберенов⁵. Бедный Саша ничего подобного не видевший в своей жизни всё время шёл, наслаждаясь красотой природы, иногда от восхищения прищёлкивая языком.

На третий день, перевалив за множество холмов Беш-Мойнок, путники вышли на горный хребет Апак. Не теряя ни минуты, они стали продвигаться дальше и дальше. Их цель была до вечера дойти до пастбища Суук-Тор, которое было богато минеральными источниками.

Дальше рассказ пойдёт от лица лесника Шекена.

– Утром и вечером еду готовил комиссар Таштан. Мы к его сноровке быстро привыкли. Он оказался добросердечным человеком и искусным поваром. Наконец дошли до намеченных минеральных источников. Ощипав подбитых по пути куропаток и фазанов, сажали их тушки на колышки, жарили на углях. Поставили на костёр походный котёл. Забота о лошадях входила в мои обязанности. Привязав наших лошадей там, где много травы, я вернулся к очагу. Когда подошёл, комиссар сидел у огня, обеспокоенный тем, что ушедший около получаса назад на речку за водой Саша бесследно пропал. Пришлось его долго ждать. В конце концов, я не выдержал: «Таштан ага⁶, можно, я пойду и позову Сашу?» Видимо, Таштан ага тоже ждал этого момента, поэтому, не ответив на мою

⁵ Кайберен – общее название диких коз и баранов.

⁶ Ага – вежливое обращение к старшим, брату.

просьбу, пошёл вместе со мной. В узкую горную долину уже спустилась полутьма. Хотя стояли летние дни, с наступлением темноты мы ощущали леденящий холод. Причину задержки геолога узнали, когда дошли до берега реки. Бедный Саша лежал, свесившись на полынь, недалеко от воды. Рядом с кустами полыни обнаружили пополам переломленную винтовку. В спешке, приподняв его голову, сбрызнули лицо водой. Спустя несколько секунд, он пришёл в себя.

Комиссар с ловкостью ощупал его тело: нет ли сломанных и вывихнутых мест. К счастью, с Сашей все было в порядке. По пути к костру, придя в чувство, геолог начал что-то бормотать. Из его рассказа мы поняли, что ничего не подозревавший Саша лоб в лоб встретился с огромным бурым медведем, который ударил его наотмашь лапой, отнял грозную винтовку, и разбил предмет угрозы о камень. Слушая рассказ бедняги, мы не знали, смеяться или печалиться. И вдруг увидели на перистом склоне бурого медведя, который неспешно рвал сочный ремень и аппетитно жевал.

После этого события комиссар нас никуда не отправлял по одному.

– На обратном пути обязательно заберём, а пока, чтобы избавиться от лишнего груза, сломанную винтовку спрячем в небольшое отверстие между камнями, – сказал он и, положив винтовку в укромное место, оставил рядом метки.

Мы тоже постарались запомнить место. В ту ночь до утра в полусонном состоянии все сидели у костра с тревожными мыслями: «Вдруг медведь вернётся?..».

Чем дальше углублялись мы в горы, тем реже охотились на дичь. Комиссар осторожничал, чтоб своим выстрелом не вспугнуть палача корбаши. На привале мы с комиссаром ловили рыбу. Геолог занимался своим делом: копал землю, собирал камни разных пород, постукивал по ним молотком. Вносил записи в свою красную тетрадку. Комиссар, закидывая удочку, в бинокль просматривал каждое отверстие камней и скал, каждый обрыв леса и склоны холмов. Короче говоря, все сомнительные места вмиг проверялись зорким взглядом опытного командира.

Днём шли вдоль реки. На берегах встречали множество крест-накрест валяющихся елей, кости и рога горных арха-

ров⁷ и кииков⁸. Мы уже привыкли, что с наступлением сумерек начинается холод. Поэтому одевались в тёплые шубы. Комиссар и геолог, выставив свои жидкие бородавки, особо осторожничали.

В горах сумерки наступали быстро. Сегодня было как обычно. Впереди нас внезапно появился пылающий огонь в виде шара. Мы испугались, а Таштан ага виду не подал. «Вы тоже видели!? Не бойтесь, это блуждающие огни чёрта – шайтана⁹. Они не страшны и не вредны», – сказал он, махнув рукой. Услышав слово шайтан, я слегка задрожал, как будто меня что-то передёрнуло. Саша чутко подал знак, с опаской посмотрел по сторонам. Невидимый образ шайтана казался страшнее, чем палач корбаши. Медленно приближались мы к огненному шару. Напуганные лошади, настороженно подняв уши, захрапели и стали бить копытом о землю.

В этот момент даже жужжание комаров, грохот реки, доносившееся из дальней темноты пение соловья и козодоя не отвлекали нас. Всё внимание словно собралось в одну точку, к пылающему огню. О чём думал, что испытывал комиссар Таштан, трудно было догадаться. Внезапно он дважды выстрелил из-за наострившихся ушей своего коня. От этого грохота наши лошади в испуге дёрнулись в сторону, мы чуть не вывалились из сёдел. Вслед за выстрелами одно за другим раздалось эхо в ущелье, впереди и сзади нас рухнули камни.

Вдруг перед моими глазами выросло какое-то страшное, лохматое, в два раза выше человеческого роста существо и издало пронзительный звук. Заметили ли страшного зверя другие, слышали ли его голос - не знаю, но у меня от испуга волосы встали дыбом.

– Не бойтесь, лошадям дадим отдых и заодно сами устроимся на привале. Ищите подходящее место для ночлега! – скомандовал наш комиссар, как ни в чём не бывало.

Быстро передав свою винтовку геологу, он исчез из виду. «Значит, опасность близко», – подумал я, и от этой мысли ещё больше задрожал. Бросаясь то в одну, то в другую сторону, еле нашли удобное для ночлега место.

Я пустил пастись лошадей на траву. После этого присту-

⁷ Архар, кульджа – дикий горный баран.

⁸ Киик – дикая горная коза.

⁹ Шайтан – сатана, чёрт.

пили к сбору хвороста. Расположились возле большого камня. Хворост собрали в кучу и разожгли костёр. Сухие дрова пылали, искры от них были подобны звёздам в небе. В глубокой темноте появилось ощущение, будто на земле зажглась еще одна яркая звезда. Хотя в животе бурчало, у меня пропало желание ужинать. Несколько рыб, которых поймали днём в речке, мы испекли на горячем камне и съели. Ужин этим и ограничился. Комиссар нас развлекал, старался смешить, поправлял огонь, роздал подстилки. Мы готовились спать, подложив под голову каждый своё седло. Но, сколько бы ни готовились, не могли сомкнуть глаз. Наоборот, поджав ноги, не шевельнувшись, сидели тихо. В первые дни похода во время корма лошадей я спутывал им ноги или привязывал верёвкой к колышку. Последние два дня просто отпускал на свободу. Насытившись сочной травой, они устраивались возле нас. Казалось, что их тоже что-то беспокоило, пугало. Всё-таки они тоже живые существа.

Пришла очередь отдыха. Каждый думал о своём прошлом. Я вспомнил сказку, которую в своё время рассказывала бабушка, и примерещилась мне волосатая баба с длинной грудью. От испуга встряхнул головой, начал молиться - на миг пропали призраки опасности, чтобы заново появиться. «Если усну, меня чёрт попутает, то есть соблазнит. Поэтому я должен бодрствовать», - думал так и старался не спать. Всё-таки природа взяла своё, и я заснул. Сколько времени прошло - не знаю, но меня разбудило ржание лошадей. Весь измотанный, в полусне, поспешно бросил в костёр сухие ветки. Костёр воспламенился. Саша, который хотел вместе со мной бодрствовать, давно заснул, укутавшись в шубу с головой. Я испуганно оглянулся по сторонам. До меня доносились голоса: комиссар Таштан ага с кем-то боролся, ругался.

– Ах ты, уйди, уйди, говорю!

Я не выдержал, крикнул:

– Таштан ага, кто он?! С кем вы разговариваете?

Комиссар Таштан не ответил. Вместо ответа старался спугнуть кого-то выстрелом из маузера. Но маузер два раза дал осечку. За это время раздражённые голоса постепенно удалились. К удивлению, именно тогда маузер исправно выстрелил в направлении отдалявшихся зверей. За пулей раз-

дался злобный визг, метнулись прочь лошади. Кто-то, приподняв меня за шиворот, отбросил в сторону.

Немного времени спустя комиссар вернулся из темноты, откуда доносились страшные голоса. Он делал вид, будто с ним ничего не произошло. Из верхней челюсти капала кровь - видимо, какое-то острое лезвие разрезало её. Комиссар держал в руках какие-то клочья, похожие на длинные человеческие волосы. На моих глазах аккуратно сложив эти клочья, он положил их в свой рюкзак. Вытер платком мускулистые скулы и, похлопывая меня по плечу, спросил:

– Ну, что случилось, парень? Почему кричал?

Боясь шевельнуться от радости или от боязни, я чуть не заплакал. Наконец-то моя опора находится рядом со мной! Я перестал бояться, будто в жилах появились крепкие силы.

Утром с трудом нашли напуганных лошадей и незамедлительно продолжили свой путь.

Откровенно говоря, мы не боялись басмача, якобы нападающего из засады. Даже не думали о нём. Боялись мы неизвестного опасного зверя и шайтана-искусителя, сворачивающего нас с пути. Я постеснялся спросить о вчерашнем событии; мои спутники тоже ехали молча, затаив страх от неизвестности.

Мало или много мы проехали - в полдень, перевалив за горный хребет, остановились. Разнуздав лошадей и освободив подруги, я пустил их на пышную траву поляны. В небе ни облака. С восхищением смотрел я на бескрайнюю долину белеющих гор, на извилистую, поблёскивающую под солнцем реку. За неделю кожа на моём лице заметно потрескалась от ветра и от солнечных лучей, но ощущал я себя превосходно. Увидев ярко красный цветок на обрыве склона, восхитивший меня, я наклонился сорвать его, как вдруг мне в глаза бросилось волосатое человекоподобное существо. Оно стояло, словно истукан, в тридцати шагах от меня, греясь на камне. Длинные когти рук и ног были четко различимы. Они выглядели, как остриё копья. Его рост вдвое превосходил рост комиссара Таштана. Мне показалось, что маленькие сверкающие глаза крупного волосатого человекообразного существа не вяжутся с телом. Оно стояло, повернувшись спиной ко мне, глядя вдаль. О господи, возможно ли такое!? Я

своими глазами вижу джез-тумшук – снежного человека. Вот оно, страшное дикое существо! Конечно, я испугался, ноги мои отяжелели, как твёрдый камень. Очень хотелось быстрее убежать подальше, но ноги не слушались. На шее выступил каплями холодный пот.

Не знаю, заметил меня джез-тумшук или нет, но вскоре от его грозного пристального взгляда я страшно перепугался и во весь голос закричал. Наверное, с пеленок так не кричал. Услышав резкий звук, он испугался и, громко вскрикнув, убежал в лес. В мою сторону прибежал Таштан-ага. Успокаивая меня, он огорчённо причитал:

– Ах, сын мой! Зачем я тебя с собой взял? Почему дома не оставил?

Затем, обращаясь к невидимому грозному существу, закричал:

– Эй, ты, слышишь меня? Больше не показывайся мне на глаза! Пуля моего маузера всегда для тебя готова! Будь ты самым господом - не пожалею. Не загораживай мне путь, уйди с глаз долой!

Саша в недоумении глядел то на меня, то на комиссара. Вдруг с другого склона к тому крупному существу присоединились еще два. Одно было маленьким, похожим на ребёнка. Поэтому одно из больших посадило его на своё плечо. Вслед за ними, то спотыкаясь, то прыгая, шло другое лохматое чудовище. Теперь без труда можно было догадаться, для кого была предназначена ночная пуля маузера. Комиссар, постояв немного, тихо пробормотал: «Эти существа и есть снежные люди. По-киргизски их называют «джез-тумшук» – дикий человек со стальными когтями».

В это время Саша с весёлым азартом стал прицеливаться, но комиссар дал знак оставить их в покое. Тогда Саша, не понимая, почему нельзя стрелять, опустил ствол винтовки вниз и повесил её за плечо. А те трое, поспешно шагая за горный хребет, вмиг исчезли из нашего поля зрения.

Следующие два дня прошли спокойно. На всём протяжении пути я часто думал: «Какое отношение имеет к снежному человеку – жез-тумшуку комиссар Таштан? Какая таинственная и неразрывная связь существует между ними?». Думал, думал, но всё равно ничего не понял. С такими тревожными

мыслями я решил отслеживать каждое движение комиссара. К сожалению, он ничем не выдавал себя – наоборот, был жизнерадостным, ночью особенно осторожным. Один раз я заметил, как поздней ночью он незаметно ушёл и на рассвете вернулся. Саша, тоже поняв, что с комиссаром происходит что-то непонятное, начал тайно следить за ним. Однако как раз перед его уходом всегда засыпал крепким сном.

Мы стали пугаться дикого каждодневного крика джез-тумшука. Он и ночью спать не давал, и днём покоя лишал. Хотя и днём, и ночью мы понемногу спали, всё же просыпались не выспавшимися.

На восьмой день пути я, проснувшись, не обнаружил комиссара на месте. Обычно он, вскипятив чай, утром будил нас. На этот раз его не было у огня. Я вскочил со своего места, буквально забыв о Саше. Вблизи не было лошадей. Хотел крикнуть, но побоялся. В страхе как курица, метался то туда, то сюда. Наконец нашёл бесстрашного комиссара. Он спал в сорока метрах от нас, под кустарником, прислонившись к своей винтовке. От радости я чуть не заплакал навзрыд. Подошёл ближе, хотел разбудить, но потом передумал: пришли в голову тёмные мысли – наверное, оттого, что не мог разгадать тайные помыслы комиссара.

Следующим утром потерял Сашу. Тогда догадался об их тайне. Оказывается, они по очереди караулили наш ночлег от жез-тумшука. Этот ангел смерти в любое время суток мог на нас напасть и перегрызть нам горло.

На десятый день мы опять встретили семейство джез-тумшук. Существо чуть ниже ростом того великана оказалось самкой. Она заметно хромала. Нетрудно было догадаться, что ей в ногу попала пуля, которую комиссар по ошибке выпустил из маузера. На самом деле пуля предназначалась для самца. А мохнатый мальш, который был похож на обезьяну, казался крепким и ловким. Он держался, как голодный клещ, за спину бегущего отца, который часто делал отмашку руками и ногами. Хотя мы считали их дикими, неразумными существами, время от времени великан-самец, повернувшись к самке, помогал ей перелезть через валяющиеся брёвна. Это нас очень удивило. Вот таким образом они постепенно удалялись и, наконец, скрылись в вечерней мгле.

Саша, ничего не понимая в поведении диких тварей этого удивительного мира, подозрительно смотрел на Таштана. Я тоже почувствовал это презрительное, холодное отношение к комиссару, который игнорировал нас, видя наше недоумение, не хотел делиться тайной. Почему он с нежным чувством, почти приятельски относился к диким существам? Саше не нравилось такое отношение, и он чувствовал себя подавленным, поэтому, куда бы ни шёл, при себе держал рюкзак, который раньше то и дело забывал где-то. И винтовку держал всегда наготове. Изменился его открытый, весёлый нрав. Парень стал замкнутым. По его подозрительному отношению можно было понять, что всё-таки у истоков реки Кара-Кульджа есть золото. Эту тайну он тщательно скрывал от нас. Геолог с каждым днём становился всё более осторожным, оглядывался, как будто ждал внезапного нападения со стороны.

О причине внезапного изменения в поведении геолога комиссар догадывался, но делал вид, что ни о чем не догадывается. И поэтому относился к нему как прежде. «О золоте ни одна душа не должна знать», – таков был приказ сверху. В существовании этого приказа даже я не сомневался, хотя со мной обращались, как с ребёнком. А уж опытный, привыкший ко всякого рода делам чекист Таштан ага, наверное, давно знал.

Словом, мы с каждым днём вели себя всё осторожнее. Подозревали друг друга, но об этом стеснялись говорить. Я думал о том, что плохо подозревать других в чём-либо и не доверять друг другу. Во всяком случае, не отделялся от Таштан аги. Это можно объяснить ещё тем, что он был хорошим приятелем моего брата. А вот с Сашей было по-другому. Както в чайхане говорили: «Русские делают всё, что им вздумается». Вдруг в голову пришла мысль, что геолог Саша может быть оборотнем джез-тумшуком, и холодный пот покатился по моей спине. Я начал его бояться, при встрече слегка дрожал, но не подавал виду, что боюсь его. Хотя я был молодым, меня считали ловким, крепким, в том числе и Саша.

Наконец достигли перевала Алмамбет, и у геолога появилось много хлопот, пришлось задержаться на один день. Геолог остался у берега реки и работал один с утра до вечера. Мы хотели помочь, но он наотрез отказался, сказав нам, что

каждый должен заниматься своим делом.

Мы с комиссаром стали ставить палатку. Я пустил пастись лошадей на поляну. Собрали дрова для костра. После обеда в предвечерней прохладе на солнечной стороне горы паслись киики. Мы стали считать их, но часто ошибались, когда досчитывали до двухсот голов. Таштан ага, с детского возраста пристрастившийся к охоте, при виде диких коз не смог спокойно стоять, разыгрался его охотничий азарт, и он решил добыть мяса.

Через три часа он приехал к нам за помощью, и мы отправились на двух лошадях. Оказывается, он застрелил большого самца киика. Пока мы разделявали киика, Саша тоже закончил свою работу. Комиссар хотел сварить шурпу и положил мясо в котёл. Засоленную мякоть и печень пустили на шашлык. Как только шашлык изжарился, мы стали с аппетитом есть, как вдруг с близкого расстояния раздался крик жез-тумшука. От внезапного страшного крика мы сильно испугались, чуть не подавились мясом. Крик прогнал аппетит. Пока мы пришли в себя и попытались что-нибудь предпринять, лошади в страхе метнулись в разные стороны. Саша успел выстрелить в воздух два раза. Всё же понемногу успокоились, но аппетитный и сочный кусок мяса в горло не лез. Поспешно разожгли большой костёр. Всю ночь сидели у огня. Бодрствовали, не смыкая глаз, и зорко сторожили друг друга. Утром узнали, что жез тумшук унёс жирную тушу киика, которая висела на берегу реки, у старой арчи.

На рассвете, немного утолив голод, пошли искать лошадей. Комиссар и геолог молчали, словно обиделись друг на друга. Мне хотелось поскорее найти пропавших лошадей и покинуть проклятое место, пока целы руки и ноги, и я твердил про себя: «Ноги моей здесь больше не будет». Вещи спрятали за большие камни. Лошадей разыскивали по следам то по склонам, то в ущельях. Куда ни глянь - всюду белели горные хребты Ала-Тоо.

С грохотом летящая с горы быстротечная река Кара-Кульджа, ближе к вершине сужалась в маленькую речку и на самом истоке уходила в ледники, которые соединяли южные и северные части горных склонов. Не успевали ледники растаять по предгорью перевала Каракол, как наступала осень.

Таким образом, с каждым годом нетающий лёд образовывал многослойную толщу. По льду легче ходить, чем по каменистым склонам, поэтому большую часть времени мы передвигались по льду. Перевалив за горный хребет, пристально осмотрели долину неприступной горы, будто охотник, крадущийся к киику.

Вдруг комиссар сказал: «Если не ошибаюсь, на солнечной стороне той скалы должна быть пещера». Мы к его словам отнеслись с недоверием. Снег, отражая свет солнца, до боли слепил наши глаза. В мыслях стоял ночной кошмар с джез-тумшуком. Неизвестное всегда пугало нас. В это время сверху посыпался песок. «Подметили что ли?!» – с такой мыслью мы резко остановились и бесшумно залегли, ровняясь с землей, как хищный барс, выслеживающий свою добычу.

Неожиданно между острых скал появилась дикая коза с двумя козлятами. Она шла впереди, касаясь только верхушки трав. Козлята, играя, быстро и ловко перепрыгивали с камня на камень, бодая друг друга, ластились к матери. Вдруг под прикрытием нависающей скалы появился тот самый жез-тумшук, который снился нам каждую ночь. Мгновенно и крепко схватив за задние ноги спокойно играющего козлёнка, он ударил его о камень. Второму, не дав опомниться, переломил хребет. В то же мгновение мать-коза, защищая своих детей, бесстрашно напала прямо на жез-тумшука. От крепкого удара жез-тумшук свалился вниз, но тотчас вскочил на ноги. В это время внезапно появилась самка джез-тумшука. Вмиг бросилась на помощь своему самцу и сбросила мать-козу сверху вниз. Задушила, схватив за горло. Самец джез-тумшук, закинув большую козу за плечо, карабкался по склону гор, а самка следовала за ним, волоча двух убитых козлят.

Таким образом, дикая охота джез-тумшука закончилась благополучно. Хотя мы были её невольными свидетелями, всё же не могли повлиять на ход событий - вмешаться или выстрелить. Это хорошо понимали комиссар и геолог: эхо винтовки может вызвать камнепад, и тогда вряд ли мы останемся в живых.

И тут сверху повалились камни. Если бы мы продолжали, заморожено глядеть на мохнатых существ, думая, заметили ли они нас или нет, то камни, конечно, обрушились бы на

нас. О причине образования небольшого камнепада нетрудно было догадаться: это дело рук джез-тумшука. Потому что всем известно, что в ясную безветренную погоду камни просто так сами по себе не катятся вниз. Как мы и догадывались, через некоторое время со склона горы опять с грохотом помчались вниз маленькие и большие камни. Белая пыль поднималась вверх. Но в это время мы были уже далеко, в безопасном месте, и наблюдали за происходящим издали.

Только ближе к полудню узнали, что лошади ушли совсем в другую сторону. Будто сквозь землю провалились - потеряться вот так просто немислимо. Мы сильно проголодались, губы пересохли, ноги устали от пешей ходьбы. Устроили привал у ручья, вода которого просачивалась из стен скалы, но тут же снова въедалась в щебень. Таштан ага достал из рюкзака мясо и своим ножом начал резать на мелкие куски. Когда на костре вскипел чайник, геолог, который бродил по берегу реки, не скрывая своей радости, торопливо приблизился к нам. В руках у него были разноцветные камешки размером с альчик.¹⁰

– Нашёл, наконец, нашёл! – кричал он, подпрыгивая от радости.

Мы с любопытством посмотрели на геолога и удивились:

– Что, всё-таки нашёл, что искал, да?

Он показал нам камешки в руках.

– Эх, как это мерзко! Таких камней полным-полно валяется вокруг нас, – закричал я и затопал ногами.

К сожалению, Саша не обратил на меня внимания. И, не объяснив, что эти камни содержат золото или алмазы, продолжал постукивать молотком. С азартом проверил своими приборами, то приближая их к глазам, то отдаляя. Комиссар поднял с земли такого же размера камень, пристально всматриваясь в него, понюхал, попробовал на зуб, но, похоже, утешительных результатов не получил.

– Разве это золото?! Таких камней здесь сколько угодно, – сказал он и, сплюнув сквозь зубы, бросил вниз.

Я не мог просто так выбросить находки Саши, и поэтому несколько отобранных желтых камней положил в карман.

С этого момента наши мнения стали расходиться. Геолог

¹⁰ Альчик – коленная косточка овцы или козы.

потребовал два дня, чтобы проверить полученные результаты. Таштан ага хотел быстрее добраться до таинственной пещеры. Мне хотелось, как можно скорее, убраться с этого проклятого места. Спорили-спорили, но до конца не dospорили. Что интересно - когда плотно пообедали, наши разногласия сами по себе разрешились. Геолог остался у берега реки, чтобы продолжить начатое дело. Мы молча приготовили верёвки и другое снаряжение. Через некоторое время начали подниматься в направлении высокой скалы. Скала издали выглядела скользкой, как зеркало; эту обманчивость мы обнаружили, когда достигли самой скалы. Там можно было увидеть очертания тропинок кииков. Мы и пошли по каменистой тропинке кииков.

Наш внешний облик оставлял желать лучшего. Лица почернели от разрежённого воздуха и высокогорной болезни. Зато со временем начали привыкать к джез-тумшукам, потому что волей-неволей мы их встречали по два раза на день. Мне они казались мирными существами: не трогаешь их – и они тебя не тронут. Если их застать врасплох, только тогда они, возможно, нападут на человека. Во время похода мы убедились в том, что они боятся огня и наших винтовок. Но между комиссаром и диким существом была некая непонятная связь. Эта связь выражалась какими-то незримыми волнами, которые служили их пониманию между собой. Я ни на минуту не сомневался в том, что комиссар когда-то и в какое-то время был здесь. Может быть, он в прошлой жизни вошёл в контакт с неземным, диким, но разумным существом. Об этом нетрудно было догадаться: чем выше мы поднимались, тем чаще глаза его начинали бегать в поиске чего-то или кого-то, как будто он шёл на встречу с желанной подругой.

– Немного осталось, вон тот большой утёс видишь, который похож на огромного беркута¹¹, рядом с густо растущей арчой? Видишь - значит, хорошо. Бог даст, через два привала доберёмся до того места, – сказал комиссар, воспрянув духом.

– Голова кружится, – стонал я.

– Ничего, пока ты не привык жить в горах, – успокаивал он. – Вниз не смотри - ещё больше будет кружиться голова. Джез тумшук – это дикий человек, который отдельно от нас

¹¹ Беркут – орёл.

живёт в горах. Когда я с тобой, не бойся его! Будь всегда рядом со мной, понял?

Время прошло незаметно, и нам удалось одолеть столько пути, сколько понадобилось. Внизу, под нами, ползла чёрная туча. Берег реки смутно виднелся вдали. «Если нечаянно соскользну, умру во цвете лет, и кости мои сгниют в чужом месте», – печалился я про себя, скрывая свои мысли от комиссара. Вдруг пошел снег.

– Возвращаться поздно. Если не постараемся идти быстрее, то снегом занесёт тропинку. Шекентайчик, иди быстрее! – торопил он меня, будто сам шёл на высокий пир.

– Лучше замёрзну и умру в горах, чем от рук джез тумшука, – выразил я свой гнев.

– Тихо, не замёрзнешь и не умрёшь, не говори ерунды. Похоже, мы вплотную подошли к пещере. Лучше будь смелым малым», – бормотал Таштан ага, приостановившись под прикрытием высокой арчи.

И без предупреждения стал выкрикивать «Ату» – ревел, как будто выкуривает волка из леса. Мне тоже сказал:

– Кричи и ты!

И я кричал, ничего не понимая. Вот так, пока не добрались до самой пещеры, во весь голос ревели.

Когда Таштан ага произвёл выстрел из маузера, эхо раскатилось в горах. Комиссар, толкая меня под локоть, сказал мне:

– Вот теперь хорошо видно. Нам повезло: сопутствовала удача. Если бы повисли на скале, что бы с нами произошло?

Честно говоря, сквозь морозящий снег я ничего не замечал, мной овладело чувство страха, я прижался к комиссару.

– Эх, я полагал, что ты храбрый малый, оказывается, ты плачешь? Не плачь, братишка! – подбадривал он.

– Ну, хватит, хватит! Перестань плакать, – говорил и пощипывал меня то за замерзшую руку, то за лицо.

Мы штурмовали пещеру, всё время идя вперёд. Иногда комиссар прорывался вверх и шёл крича.

Вот, наконец, стоим у парадного входа в пещеру – у стен скалы, окружённой со всех сторон густыми кустарниками и ёлками. Мне показалось – такое удобное местечко, в нём можно было укрыться от снега и дождя. Наступили сумерки.

Комиссар что-то пробормотал про себя и внимательно прислушался, будто опасаясь чего-то, держа наготове свой грозный маузер. Затем он перешагнул порог пещеры. Достал из-за пазухи спичку, зажёл факел. Я сразу заметил, что вход пещеры оказался узким. Воздух внутри пещеры был сухим, а площадь - просторной и удобной для человека, чтобы он мог свободно двигаться. Быстро собрали сухих хворостин, которые горели с сильным треском. Поели варёного мяса - заморили червячка. Подкрепившись и разомлев от тепла и усталости, я начал подрёмывать. Немного погодя совсем не было сил поднять отяжелевшие ресницы. Очень хотелось полежать боком на земле. Таштан ага, словно ждал этого момента, ловко поднял меня, поместив на мягкую постель. Я в полусне думал: «Откуда здесь мягкая постель? Нет, меня поместили на сырую, холодную землю. От усталости камень кажется мне пухом». Наверное, слишком утомился, лёг, растянув руки и ноги, испытывая приятную истому. Наслаждался, так как будто я лежу в пуховой постели. Мне хотелось говорить с Таштан агой о таинственном существе жез тумшук, сидя у костра всю ночь. К сожалению, не все слова были произнесены, не все разговоры закончены. Только он в гордом одиночестве молча сидел, смотрел на огонь и словно чего-то ожидал. Вдруг - во сне или наяву - кто-то издал звук и будто окликнул комиссара. Комиссар резко повернулся и бросил быстрый взгляд в темноту. Весело мерцающие глаза Таштан аги смотрели в сторону неизвестного существа, которое завораживающе звало к себе из горной бездны.

– Нет, не надо, прочь! Прочь с моих глаз, пугаешь ребёнка. Ради бога, уходи, уходи, говорю! – вскрикнул он оживлённо.

И я кричал:

– Таштан ага, не слушайте, не идите. Они вас убьют, оставайтесь со мной!

Но сам не слышал своего звонкого голоса, потому что находился в полусонном состоянии, однако всем своим существом воспринимал следующее:

В пещере кто-то с кем-то перешёптывался на непонятном языке. Каким-то образом краем уха я слышал звуки нежно рычащего голоса, напевы дикой самки джез-тумшук. Два го-

лоса были слышны то отсюда, то оттуда. Приснилось, будто самка-женщина, находясь в объятиях мужчины и сильно возбуждаясь, благоденствовала, все её тело благодарно трепетало. Хотя самка казалась дикой, от нежного обращения подрагивающего сверху мужчины она получала полное удовольствие...

Сколько времени прошло, не знаю, вдруг пронзительный крик, оглашая горы и скалы, заставил вздрогнуть человека и джез-тумшука. Они засуетились. Комиссар вскочил с места и в волнении хлопнул себя по ляжкам.

– Иди, тебя зовёт. Иди, моя дикая Великанша, иди! – сказал и нежно проводил её взглядом.

Но она не хотела расставаться с милым маленьким существом. Скрепя сердцем, самка жез-тумшук упрямылась, не желая уходить. Голосу завывающего главного самца не придавала значения, а умное существо воспринимала как повелителя. Своим поведением она хотела показать, что еще не угасала сладостная страсть дикой снежной женщины – джез тумшук - к разумному существу, хотя с момента их первой встречи прошли многие годы. Этому удивилось умное существо по имени Человек. Она помнила его все эти годы, и человек не забывал. Встречаясь от случая к случаю, оба помнили друг друга и строго хранили свою тайну глубоко в сердце, чтобы обновлять свои любовные отношения, несмотря на трудности встречи. Это их судьба, судьба двух миропониманий, судьба двух разных существ.

В пещере стоял неприятный запах – запах дикой женщины. Комиссар, наверное, к такому запаху не привык, и поэтому, обнажив тело, с удовольствием умылся холодной водой из ручейка. Всё происходило на моих глазах, но находился я в полусне. И поэтому не мог разобраться: сон это или явь?..

Рассвело. Когда я открыл глаза, погасший костёр дымил, под пеплом тлели угли. Проснулся на медвежьей подстилке, а ночью мне казалось, что я спал на голом камне. «Откуда появилась здесь медвежья подстилка?» – почесал затылок. Казалось, я ничего не помнил, но ощущал себя очень странно. Таштан ага крепко спал, раскинув руки и ноги в стороны. В пещере стало светло, потому что сверху и сбоку в щели прокрались лучи солнца. Посреди площадки лежали

кости диких коз, сложенные большой кучей. А на почётном месте пещеры лежало человеческое тело, превращённое в мумию. Возле него находились всяческие предметы: винтовка, длинный кинжал с золотой рукояткой, патроны, спичка, отчеканенный золотом большой ремень и курджун¹² с драгоценностями, наполненный до отказа. Я пристально рассмотрел все детали интерьера и подумал: «Это тот самый неуловимый басмач, который разбойничал в горах».

Правду говоря, я опасался идти вглубь пещеры. В моем воображении пещера казалась многоходовой, бездонной и просторной. Немного пройдя вперёд, я споткнулся о всякого рода железные предметы. И тут же на глаза мне попались еще две медвежьи подстилки и кумган¹³ со сломанной головкой. Я был бодр и умылся холодной водой, которая протекала рядом с пещеры. Солнце поднялось уже довольно высоко. Комиссар проснулся в весёлом настроении.

– Ого, привет, маленький богатырь! Почему так рано встал, мог бы дальше спать. Ну, как пещера - понравилась? – спросил он.

– Таштан ага, я только что встал, – схитрил я. – Лучше ознакомьте с пещерой?!

Комиссар вскочил с места.

– Вот тебе раз, я, выходит, проспал, не видел рассвета. Ну ладно, времени мало - надо уходить, а то показал бы. Саша точно начнет за нас беспокоиться. Еще время будет показать. Лучше скажи-ка, как ты спал!? Всю ночь бредил, сильно устал, да? Или снились нехорошие сны? – интересовался он.

Я угрюмо молчал. Говори не говори – всё равно не смог бы доказать реальность ночного кошмара.

Когда мы вышли из пещеры, в горах стояла ясная погода. Оставшееся мясо разделили, чёрствый хлеб размочили в воде и ели. После еды так хотелось закричать на весь мир: «Взгляните, какая удивительная красота! Я потомок древнего кыргыза, который жил здесь и впредь будет жить на этой сказочной земле. Родившись кыргызом, живешь среди горных рек и небесных гор, с появлением на свет кричишь «нга-

¹² Курджун – перемётная сума, саква.

¹³ Кумган – медный кувшин с ручкой и носиком, служил для кипячения воды и для умывания.

нга», но до конца своей жизни преодолеваешь трудности, в которых, ничего вокруг не видя, ничего не слыша, ничего не зная, растрачиваешь свою бесценную жизнь. Какая жалость, какое сожаление! Скажите же, наконец, есть ли такой человек, который понимает красоту природы? Если есть, тогда где он? Пусть приходит и оповещает весь мир о том, что существует на свете такой народ, народ кыргызов, который живёт в земном раю. Не говорю о неисчерпаемых богатствах, которые есть в нашем краю. А может быть, еще не родился тот человек, который всё это понимает и благословляет? Эх, как жаль!»

Я прекрасно понял, как он мучился всё это время, и я мучился, зная, что об этом не расскажешь, не поделишься. У меня тоже есть своя ноша, которая соответствует моему возрасту. И поэтому на мое беспокойство и требование он не ответил злословием. Он не понимал, что я тоже беспокоюсь. Нет, не понимал. Потому что у нас были разные категории понимания, разные пути к пониманию. Каждый был занят своими мыслями. И поэтому мы молча встали и начали спускаться с горы.

Во время спуска мы еще больше измучились, чем вчера, когда карабкались вверх. Моё колено, сильно ушибленное вчера, сковывала боль. Когда пещера исчезла из виду, с головокругительной высоты утёса раздался пронзительный визг джез-тумшук.

– Да, моя бедняжка, пусть это будет моим прощанием. Счастливо оставаться, Великанша! – сказал комиссар и, тяжело вздохнув, нажал на курок маузера.

Раздалось несколько выстрелов. Шум «Гуу-у-уу-у, гуу-у-уу-у» поднялся по ущелью и рванулся в небо. Оттуда послышался звук «Аа-уу-у-уаа-а», который словно спускался с неба и впитывался камнями ущелья. В конце концов, комиссар перестал играть своим оружием. Опустил руки. Я подумал: «Если он заплачет, как младенец, что я буду делать?». Нет, он не заплакал. Слёз не показывал. Но по-своему переживал, по-своему прощался. Понять это было нетрудно. Когда почувствовал ощутимую боль, пожалел комиссара, поняв, что его сердцу дороги дикие животные, обитавшие в высоких горах.

«Вот-вот он заговорит и разгонит свою тоску», - думал я о

прошедшей встрече. Мне очень хотелось, чтобы он завел разговор об этом. Вот тогда я задал бы ему много вопросов.

– Таштан ага, – запинаясь я, но не мог выговорить вопрос.

В конце концов, он решился. Он не хотел обидеть маленького человечка. Самому захотелось рассказать о своих тайнах, которые хранились в глубине души. Или просто хотел успокоить свою душу – точно этого нельзя было понять. Я шёл впереди. И он подал знак, чтобы я остановился.

– Шекентайчик, какие мысли в твоём сердце, мне неизвестно. Иди сюда, садись здесь. Немного отдохнём, перекусим. Теперь нам некуда спешить. Задание выполнено. Славу богу, неуловимый басмач выявлен. Он больше никому не причинит страданий. Потому что именно его мумию ты видел своими глазами. Сейчас мне хочется рассказать об одном удивительном событии. Это очень редкая и необыкновенная история. Удобно устраивайся и внимательно слушай, – начал комиссар свой увлекательный рассказ.

* * *

– Когда началась гражданская война, я был молодым способным бойцом. Как-то меня отправили на курсы по подготовке младших командиров в город Олуя-Ата. Там проучился я год и вернулся возмужавшим младшим командиром. Это было время, когда отряды басмачей с каждым годом увеличивались. По возвращении меня назначили командиром взвода кавалеристов. И тут же послали воевать против корбаши Джанибека. Он активно действовал во всех районах юга. Мы его повсюду преследовали. Старались загнать отряд басмачей в горы; чтобы бандиты не пересекли границу Китая, пытались всячески воспрепятствовать. Закрыли границу. Всё-таки основная группа басмачей ушла за границу, а малую часть мы заманили в горы. Они все время отступали вглубь. Но я и подумать не мог, что басмачи дойдут до этого края и осядут здесь. Вон там, где большой выступ похож на беркута, началась стрельба. Мы их вплотную прижали к той скале, и они спешно отступали в сторону пещеры. Шаг за шагом мы шли за ними. Никто не обращал внимания на убитых и раненых

- упорно преследовали басмачей. Силы наши сравнялись, и оборонялись они изо всех сил: стреляли, сваливали камни. Если бы они и дальше так продолжали, то одолели бы нас. По этой причине нам нужна была надёжная защита. Тогда мы и обнаружили эту пещеру.

Вдруг, как гром среди ясного неба, из пещеры вышло чудовище – волосатый джез-тумшук – и побило басмачей камнями. При виде страшного великана у басмачей сердце ушло в пятки, а нам это событие очень помогло. Басмачи засуетились, оказавшись между молотом и наковальней. Благодаря этому обстоятельству мы заставили их сдаться и быстро повязали. Пленных, начали спускать, ведя одного за другим. Как раз в это время сзади выстрелил в меня один из спасшихся басмачей. Пуля попала в правое бедро и прошла насквозь, оставив маленькое отверстие. Теряя сознание, схватился за больное место, но, не пройдя и шести шагов, я упал и потерял сознание. Сколько времени прошло – не знаю. Когда очнулся, кто-то, опустив голову, облизывал мою рану. Окончательно придя в себя, я огляделся вокруг и понял, что лежу в пещере на медвежьей подстилке. Каким образом я здесь очутился, кто меня сюда притащил, было неизвестно. Только одно запомнилось: меня ранил один из басмачей.

Прошло немного времени, и я полностью убедился в том, что лохматый джез-тумшук – дикий человек, облизывая мою рану, излечил и поставил меня на ноги. Безмерно удивился добросердечию дикого существа, но слегка побаивался его. Если бы он хотел меня убить, давно убил бы. К сожалению, он этого не сделал, наоборот, спас меня от смерти и баловал, как младенца. В первый день, конечно, было очень страшно. Я не мог смотреть прямо в его сторону. Зажмурился, лежал неподвижно. На третий день освоился. Как-то отметил, что этот джез-тумшук, к огромному удивлению, оказался женщиной. И показалось, огромное существо потеряло своих сородичей, с которыми привыкло жить, или они временно отсутствовали. Мясо, которое добывала джез-тумшук, я жарил на углях, делал шашлык. Когда разжигал костёр, джез-тумшук панически пугалась. Она то выбегала из пещеры, то забегала в неё. В конце концов, снежная женщина начала привыкать к огню. Но никак не могла привыкнуть к жареному мясу, все время

отдавала предпочтение сырому. Рана моя не ухудшилась и нога не опухла - наоборот, быстро покрывалась струпьями. Вот так я начал поправляться.

Отряд красноармейцев без дела не сидел. Оказывается, они меня больше недели искали, сильно утомились. В моем состоянии с крутого склона горы человек не добрался бы до равнины и за неделю. Хотя она была диким существом, Великанша меня поняла. Как младенца, носила в объятиях, потом, взвалив на себя, за день спустила на побережье реки. По следу было видно, что отряд давно передвинулся в другое место. Надежда умирает последней – я надеялся на то, что мои товарищи за мной вернутся.

Дикое существо с добрым нравом заботилось обо мне. Великанша собирала фрукты и ягоды, снабжала меня молодым, сочным мясом киика. В дождливую холодную погоду согревала в своих объятиях, не давала замёрзнуть. С каждым днём мы становились всё ближе друг другу. Если бы джез-тумшук была самцом, то не привлекла бы к себе моего внимания, как это делала Великанша. Самец бы сломал мне хребет одним ударом. Но снежное существо оказалось женщиной, которая притягивала своей дикой женственностью. Вот тогда я хорошо понял, что у них тоже развиты чувства. Как я и предполагал, отряд возвратился на прежнее место и нашёл меня. Мы радовались встрече и удивлялись: хорошо, что пуля прошла насквозь, не задев кости. Бойцы из веток ивы сплели носилки, на которых меня понесли домой.

Мы шли по берегу реки, а джез-тумшук – по горному хребту. В вечернее время до нас доносился её печальный зов. И каждый раз я чувствовал себя неловко. Мне было жаль её. В отряде объяснили, что печальный зов джез-тумшук – «это плач шайтана». Они и не догадывались, что этот «шайтан» помог командиру выжить в горных условиях. Благодаря доброму «шайтану» он остался в родном отряде кавалеристов. Таким образом, ни на минуту не отставая, и не перегоняя, дикая женщина тайно выслеживала красноармейский отряд, начиная от пещеры и до Суук-Тор, того местечка, в котором медведь напал на Сашу. Отряд скрылся из виду на перевале Апак, и Великанша печально разрыдалась, царапая камни, осталась лежать на земле.

Того дня я никогда не забуду. Ты очевидец, с божьей помощью пришлось еще раз встретиться. Если суждено где-то побывать один раз, то второй раз непременно случится. Хочешь теперь послушать о геологе Саше? Он молодец, идёт по правильному пути. То что искал, он нашёл, но от нас как мог скрывал. Я понимаю его, потому что богатство не всегда приносит счастье. Как говорится: «Кто его любит, тот честь погубит». Точно сказано. Тогда у нас был трофей – полный курджун золота и золотых изделий, отобранных у басмачей. Красноармейцы, обезумевшие от богатства, чуть не перестрелялись друг с другом. Я вовремя вмешался и успокоил горячих джигитов. Что было бы, если бы не помирил их, - это одному богу известно. Если бы они из-за драгоценностей наносили друг другу ножевые раны или стрелялись, сгинули бы все с белого света. Потому что толпа людей не может поровну разделить богатство, всегда найдутся те, кто недоволен разделом. И эти недовольные привели бы отряд к гибели. Это простому человеку понятно. Богатство, может быть, принесло бы счастье одному хитрому жулику, и та история закончилась бы печально.

Нам не повезло с золотом. Бедные батраки-красноармейцы в один миг хотели разбогатеть и жить сытно, но я распорядился по-другому. Я соскочил с носилок и наполненный до краев золотом курджун выбросил в бурную реку Кара-Кульджа. Этим неожиданным для всех поступком я спас своих подчиненных от бесчестия. Некоторые сказали «правильно сделал», некоторые открыто возражали, кто-то потерял дар речи. Но я с самого начала завладел ситуацией, пришлось стрелять в воздух, кричать, пугать своих бойцов нравственным кодексом.

Если кто-то интересуется золотом или большим кладом, то в этих краях - сколько захочешь, столько и находишь. В ущельях и логовах, в пещерах и долинах полным-полно сокровищ. Шекентайчик, вот поэтому я тебе многого не показывал и не рассказывал о многом. Хотя ты и не видел своими глазами несметные сокровища, ты можешь считать себя полноправным хозяином жизни, который знает дорогу к богатству, дорогу к кладу. Но на этих сокровищах много человеческой крови, поэтому будь всегда хладнокровным и умным. Ты еще

ребёнок, не доросший жеребёнок, не будь корыстолюбцем, а то раньше срока расстанешься с жизнью. Попугай пером, соловей голосом, а человек поведением красен. Свалятся на голову трудности - укажи дорогу, сколько хочешь, столько бери, пользуйся моментом, заботься о людях, о родной земле. Никогда не ищи лёгкой жизни, с плохими намерениями не старайся что-либо делать, сил своих напрасно не теряй. Всею своё время, кому что суждено - то и найдёт, кому что положено - получит. У каждого своё счастье, однажды - хочешь или не хочешь - бог даст всё. Твоё счастье оказалось больше горы, с тобой я был откровенным. В этом мире мы гости. Рано или поздно все уйдём из этого мира. Поэтому как-нибудь сохрани нашу тайну до конца своей жизни, никому не выдавай. Потому что это наша тайна! Время настанет – сам расскажешь своему продолжателю, – закончил свой рассказ комиссар Таштан.

– Хотя я комиссару и не давал клятвы, своё слово сдержал: строго хранил тайну. После возвращения из экспедиции мы с комиссаром много раз встречались на разных мероприятиях. Правду говорят, что у хороших людей жизнь коротка. Примерно год спустя он невинно пострадал. Его обвинили в хищении государственных ценностей в крупных размерах. Как вы догадываетесь, постарался кто-то из тех, у кого за пазухой остался камень. Это был самый короткий суд в моей жизни. На судебном заседании с губ прокурора слетела фраза: «Вопрос о большом курджуне с золотом». Больше ничего. Таштан ага рассказывал обо всём правдиво. За то, казалось бы, забытое событие он получил 15 лет заключения в колонии строгого режима с конфискацией личного имущества. После суда его увезли на чёрной машине в сторону города. Потом сотрудники НКВД распространили слух о том, что заключенный Таштан сбежал из тюрьмы. Приехали военные со строгими лицами и строго спрашивали у односельчан, не видел ли его кто в последнее время. К сожалению, никто не видел комиссара, никто не слышал о нём, никто не обнаружил его труп. И никто не знал, где находится дух умершего.

После исчезновения Таштана аги я чувствовал себя одиноким. Со временем к одиночеству привык. Жил и радовался. Ничем не отличался от других, придерживался правила

Таштана: «Не считался хорошим среди плохих, стал плохим среди хороших».

Сейчас мне за 70 лет, от жизни взял всё, достаточно пожил. Служил в армии, учился на лесника. Работал, любил свою профессию. С божьей помощью вам суждено было встретиться со мной. Славу богу, неоднократно беседовали по душам. Я в своей жизни со многими людьми встречался, разговаривал, дружил, жил рядом. Имел родственников, друзей, семью, детей, но им не было суждено выслушать мою исповедь. Это потому, что сам не захотел, а ещё потому, что не наступило время. Что подделаешь, такая судьба! Именно она нас свела, и поэтому я считаю вас достойными собеседниками. Как любил говорить Таштан: «Чем знать имена тысячи людей, лучше знай тайну одного человека». Есть секрет в секрете. Человек, который скрывает бесценный секрет, вправе распоряжаться им по своему усмотрению. Я сделал жест доброй воли и изложил свой секрет, а не выдал.

Шекен тяжело вздыхая, задумался.

– Так уж и быть, как заговорили о хороших людях, поэтому давайте-ка я прочту для них молитву.

Старик Шекен читал Коран, и мы молча слушали его.

* * *

Как раньше обещали, мы с братом приехали на джайлоо Сары-Бээ, в лесной кордон старика Шекена. До позднего вечера косили траву. В вечерней прохладе зажгли огонь, поставили казан на очаг.

– Ребята, вы хорошо поработали, наверное, устали. Располагайтесь у огня удобнее. Пока мясо варится, расскажу вам продолжение той истории, – оживился старик Шекен.

Мы одобрительно кивнули головами.

– В жизни чего только не бывает. Есть же в народе пословица: «Конь трижды пройдёт по тому месту, на которое не хотел ступать». Так и вышло. После экспедиции я не находил себе места, всё время куда-то хотелось отправиться, увидеть другой мир. Как назло, всё время снился комиссар Таштан. Во сне он с привычным своим весёлым нравом прискачет и зовёт меня в дальние страны. Без того целый день скучал

в чайхане, через окошко рассматривал великолепные белые горы. Они звали меня к себе. Почуял всем телом, что в чайхане больше не задержусь. С каждым днём меня всё сильнее тянуло в горы. Очень уж хотелось букет приятно пахнущих горных цветов подложить под свою голову, укрыться сенью белых облаков и увидеть тысячи поблёскивающих звёзд на небе. В конце концов, природа взяла верх. Однажды я махнул на все рукой и отправился в аил. В аиле многие годы работал помощником у брата-табунщика. Множество горных трав, диких животных и птиц, лесов и рек родной земли полюбил, и с каждым годом воспринимал всё ближе к сердцу. Именно в горах много раз мне снился Таштан ага. В связи с этим, собрав немного денег, позвал односельчан, зарезал барашка, прочитал Коран в память о духе комиссара Таштана.

Жизнь была прекрасна. Я построил трёхкомнатный саманный дом. Женился на любимой девушке. Невеста моя работала в магазине продавщицей, а я - лесником. Недостатка в хлебе не было. Жили, радовались, мечтали иметь много детей. Жена оказалась хорошей хозяйкой, заботилась обо мне, я о ней. Красивая была, все на нас смотрели с восхищением. Мы мечтали: если первенец будет сын, то назовём его в честь комиссара Таштаном. Увы, не всегда задуманное осуществимо - жизнь иногда поступает жестоко. По несчастью, невеста моя допустила в магазине растрату на сумму 20 тысяч рублей.

Я никогда не интересовался подсчётом денег - с одной стороны, ведь это не моё дело. И, когда это случилось, удивился: «Как растрата?». Эта была очень большая сумма. Тогда такую сумму денег простой человек за десять лет не заработал бы, хоть бейся головой о землю. Мы сильно переживали. Остались без еды, без сна. Родственники кое-как помогли: кто овец, кто козу дал. Мелкий скот продавал на скотном базаре. Вырученные деньги из рук в руки отдавал ревизору Акимбаю. Жене с каждым днём становилось хуже и хуже, скоро она заметно похудела. Каждый день люди из сельпо напоминали: «Если за два месяца не восстановишь растрату, то и движимое и недвижимое имущество перейдёт в собственность государства. Жену арестуем, посадим её в тюрьму на десять лет». Особенно неприятными были встречи с толстым ревизором сельпо по имени Акимбай – от него хотелось бежать,

как от дикой лошади на ровном месте. Побаивался я грозного вида ревизора: видно было, что замышляет он что-то недоброе и хочет посадить мою жену в тюрьму.

В связи с этим мирился с выходками ревизора - часто приходилось оставлять его наедине с женой на долгое время. После моего ухода они садились друг напротив друга, вытянув в трубочку губы, щёлкали косточками, считали с утра до вечера. Ревизор Акимбай при виде меня всегда повторял фразу:

– Попал в учёт, значит, попал в огонь. Придётся спасать жену-красавицу, и поэтому неустанно занимаюсь высчитыванием и подсчитыванием, дорогой мой. Не путайся под ногами, не мешай!

Я, испытывая постоянный страх перед ревизором, не осмеливался вмешиваться в их дела.

То что собирали с женой, занимали у родственников, едва перевалило за 5 тысяч рублей. С приближением срока выплаты ревизор заставлял нас бегать то туда, то сюда. «Неужели посадит?» – думал я, окончательно потеряв надежду на благополучный исход дела.

Как-то вечером внезапно мелькнула мысль о пещере, о кладе комиссара Таштана. У меня в душе затеплилась надежда. К сожалению, смутно помнил те золотые украшения и золотые монеты. Но мысль о том, что эти золотые изделия спасут мою жену, тут же улучшала моё настроение. Предо мной встал вопрос: «Могу ли найти то место, где спрятан клад? Если найду, как буду отмывать незаконно добытое золото? Мне лишнего богатства не надо. Сколько нужно, столько и возьму, лишь бы возместило растрату», – успокаивал я себя. И втайне от всех готовился пойти в горы.

Итак, я в пути. Жене сказал, что хочу взять займы денег у родственников, которые живут в селе Ат-Баши. Заготовил провизии на неделю, оседлал своего гнедого иноходца. И тайком ночью выехал из дома, чтобы не вызвать подозрений у соседей. Долину Кара-Кульджа после того, как на красноармейцев напал снежный человек, люди называли «Долиной Шайтанов». И там несколько лет никто не осмеливался охотиться на диких кииков и архаров. Распространяли слухи, даже передавали из местного радиоузла новость: «В таком-то

году в Долине Шайтанов столько-то людей распрощались с жизнью». Насколько я знаю, там не было страшных мест, и люди просто так не срывались с горы. Как-то комиссар сказал: «В долине Кара-Кульджа каждый кусок камня приравнивается к золоту. Но у этого золота есть хозяин».

С тех пор прошло много времени, я стал взрослым, женился, имел домашний очаг. Вдруг вот тебе на, 20 тысяч рублей растраты свалилось на мою голову. «Хочешь - спасай, не хочешь - посадим в тюрьму», – звенели в ушах слова ревизора. Что мне оставалось делать? Ради спасения семейного очага отправился за кладом комиссара. Бог мне простит, дух комиссара простит. Время было спокойное, когда народ спустился с джайлоо в аил и готовился к зиме. Поэтому опустевшие горные утёсы, ложбины-ущелья, пастбища одиноко и гордо безмолвствовали.

На следующий день, когда время перевалило за полдень, доехал до урочища Суук-Тор. Разнуздal коня, он стал щипать траву. Да, когда-то здесь, на склоне, поросшем ревенем, обитал медведь, теперь на этом месте грязный овечий загон. Мелкий рогатый скот района выпасали не только здесь - добрались до ледника Муз-Тор. «Раньше здесь не только скотоводы, а и охотники редко бывали. При Союзе республика имела больше десяти миллионов голов овец, авторитет страны повсюду безмерно рос, но не радовал никого, никому не принёс пользы». С такими мыслями я погрузился в сон.

Ночью ветер довольно долго бушевал, к рассвету притих. По прохладному предрассветному ветерку я продолжил путь. Иноходец, время от времени пощипывая высокую траву, росшую вдоль дороги, шёл рысью. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я всю дорогу напевал народные мелодии. Когда человек отправляется в путь один, то он, оказывается, становится набожным. Как только приблизился к Долине Шайтанов, начал молиться про себя. Издалека заметный камень напоминал мне сидящего злого шайтана или джез-тумшук. «Пусть подвергавшийся всевозможным превратностям жизни дух комиссара Таштана от злого шайтана сохранит и благословит меня. Сколько потребуется золота, столько и возьму, и немедленно вернусь домой», – оправдывался я пред духом комиссара. Доехал до горного ущелья, я вымыл руки и голову,

помолился искренне с душой. Коня пустил кормиться и сам перекусил. Решил переночевать здесь и чтобы разжечь костер пошёл в лес за сухими ветками. Повесил на плечо ружьё, заметив: «Береженого бог бережет». Ещё дома у меня было предчувствие, что рано или поздно со мной случится какая-нибудь невероятная диковина. Поэтому не только испытывал волнение, но всю дорогу ехал, ожидая того, что превосходило мои мысли. Обойдя густо разросшиеся рябины, я увидел чудовищного снежного человека – джез-тумшук. Он был похож на огромного человека, покрытого волосами. От страха у меня сердце сжалось. Ноги сами по себе отяжелели, по туловищу пробежала дрожь. Я во все глаза смотрел на жез-тумшук. Он тоже не отрывал от меня глаз. Однако я не заметил в его лице угрозы, по его спокойному поведению было понятно, что он вообще не намеревался нападать на меня. Я с любопытством смотрел на него, а он, в свою очередь, на меня. Немного постояли и, наверное, достаточно пригляделись друг к другу, после чего я успокоился, и у меня зашевелились пальцы.

Тут я спохватился: «Пока он близко стоит, внимательно присмотрюсь». Неожиданно лицо джез-тумшука показалось мне знакомым. «Где я мог его видеть?» – подумал я почти с ликованием. Верьте - не верьте, он чем-то был похож на моего кумира, комиссара Таштана. Я слова вымолвить не мог, просто открыл рот от удивления. «Как он попал сюда? Немыслимо! Он ведь давно в тюрьме как «враг народа». Если бы он был жив, я знал бы, хотя бы получил от него письмо. Нам говорили, что он сбежал, потом пропал бесследно. А может, я вижу его дух, или мне это снится?»

Я во весь голос закричал:

– Таш-таа-ан ага!

К моему удивлению, дух Таштана ага моментально исчез из виду. Я лишился чувств и свалился с высоты. Потерял память. Не ощущал страха, не боялся злых духов...

Когда проснулся, солнце появилось на горизонте. Встав, пошёл к речке, умылся. Возвращаясь, увидел, что горящая головня палки дымила. Я никак не мог вспомнить, когда успел разжечь костёр, когда подложил под голову седло, но был приятно удивлён тем, что место вокруг костра было приотпано. «Может быть, конь лежал?» Много вопросов, ника-

ких ответов. Чайник поставил на огонь, оседлал иноходца Аккулу. Пока чайник вскипел, почистил ружьё. Сел и позавтракал. «На коне доберусь до предгорья, оттуда пойду своим ходом», – подумал я. Мой милый иноходец, без понуканий, шёл вверх по склону.

Не прошло и получаса, как я доехал до намеченного места, снял с коня седло и заарканил его. Размявшись немного, завернул лепёшку в платок и стал взбираться по знакомому мне хребту. Чем выше поднимался, тем больше ощущал: кто-то то спереди, то сзади пронизывал меня взглядом. Куда бы я ни пошёл, он не отставал, шёл за мной. По дороге два раза встречалось стадо диких кабанов, и оба раза мы чуть не столкнулись друг с другом. Жирные куропатки, фазаны и улары¹⁴ вспархивали и летели, опережая друг друга. Я решил не охотиться в этой долине не только на кииков и кульджа - архаров, но даже на птиц. Давным-давно отцы наших отцов, промышляя охотой, натолкнулись на эту долину. И великодушный Манас, священный старик Бакай долину называли Кара-Кульджа. В дословном переводе слово Кара-Кульджа означает «чёрные кульджи», архары. Здесь их было полным-полно. Поэтому я мечтал о предстоящей встрече: «Если бог позволит, достану золото, вернусь домой, обрадую жену, постреляв с другой горы диких козлов и птиц».

На привале я смотрел в бинокль, искал висящий выступ утёса, за которым протянулся непроходимый еловый лес. На склоне горы паслись киики. Вдруг сверху показался джез-тумшук, и сразу скрылся. Кажется, я его где-то видел, но где, когда видел, не могу вспомнить. Я его за кого-то принимал, но за кого, тоже не могу сказать. Оказывается, джез-тумшук шёл туда же, куда и я. Всё это время мы друг за другом следили. Как только я хотел приблизиться к нему, он скрывался бесследно, а я, погнавшись за ним, останавливался, обливаясь потом. Когда отдыхал – отдыхал и он, когда шёл – он двигался следом. Так увлёкся им, что даже не заметил, что иду по узкой тропинке. Но сердцем почувствовал, что до пещеры оставалось идти совсем немного.

К сожалению, так и не найдя висячего утёса, я выбился из сил. После обеда поневоле следовал по пятам за джез-

¹⁴ Улары – горные индейки.

тумшуком, рыскавшим по лесу. Когда вошёл в смешанный лес елей, берёз и орешин, почувствовал себя легко, как будто кто-то с меня снял усталость. Воздух был особенно чистым, пахло свежестью листвы. Джеб-тумшук, временами высываясь из-за какого-нибудь камня-валуна, смотрел, иду ли я за ним. Убедившись в том, что иду, продолжал путь.

Точно, сюда никогда не доходил ветер. Нарядившись в зелёные одежды еще весной, деревья так и стояли зелеными. Меня удивило, что здесь властвовало полное безмолвие. Это еще пустяки, даже жужжавшие мухи на глаза не попадались, не говоря о насекомых, бегавших по земле. Когда неожиданно натолкнулся на вход в пещеру, я вспомнил, что надо сначала проползти под ёлкой, потом прикрывшую вход ёлку поднять, только тогда попадёшь внутрь. Сказал «Бисмийилда!» и перешел черту пещеры. Окинув взглядом открывшееся пространство, я обнаружил две отдельные пещеры, каждую размером с большую юрту. В щели между камнями со всех сторон просачивался солнечный свет. Выслеживавшее меня дикое существо кануло в неизвестность. Но мне показалось, что оно находится на близком расстоянии. Мне показалось забавным, что, проходя через эти пещеры, я попал в основное прохладное место. Эта пещера, на мой взгляд, была просторнее, чем те две. И в ней царила мёртвая тишина. Увидев тело громадного снежного человека, прислонившегося к корням ели, я замер от неожиданности. Тело бедняжки, давно отвердев, превратилось в мумию. Рядом с ним лежал человек, вытянув ноги. Не было возможности подойти ближе, потому что тела со всех сторон были огорожены сухими ёлочками и берёзами. Для большей уверенности я протянул вперёд ружьё, хмуρο оглядел пространство.

Джеб-тумшук и человек лежали, взявшись за руки. Этот пример уз дружбы показался забавным. Когда увидел знакомый предмет на крепко связанных руках, то от страха слова вымолвить не мог. Страшно болела голова. Отчеканенную поверхность сделанного из чистого золота медальона, украшенного жемчугом и алмазом, я видел неоднократно на шее комиссара. Не только видел, но однажды держал в руках золотую цепочку с талисманом.

– Интересно, человек, который лежит рядом с жез-

тумшук – дух комиссара Таштана, да!? – произнёс вслух, и волосы дыбом встали, по телу побежали мурашки... Ошибиться не мог, не имел на это права. Это он, это дух моего кумира Таштан аги. О боже, какая жалость! Таш-таа-ан ага! – умоляюще крикнул я.

Слёзы по щекам потекли градом, в горле застрял комок – я тихо, тихо плакал. Мой печальный плач кто-то поддержал из глубины пещеры, издавая унылый писк. Мне показалось, будто плачут горные скалы, плачет пещера и жез-тумшук. Оставалось только посочувствовать им – опустив голову, я молился, посвятив коран духам умерших.

Чего только не было на большом плоском камне! На мой взгляд, сокровищ, которые лежали там, хватило бы на целый век. Серебряные кольца и браслеты, тысячи кувшинчиков и сундуков с золотыми монетами и украшениями, белый и чёрный жемчуг, коралловые ожерелья, большие и малых размеров алмазы, бриллианты, золотые старинные военные знаки отличия и статуэтки, всякого рода посуда – всё это было аккуратно сложено кучками и весило, наверное, тонну. Это только видимое глазу зрелище при входе в пещеру, если идти дальше, то там, наверное, таких сокровищ пруд пруди. Проникающие сверху солнечные лучи забавно слепили глаза. «Сам чуть от страха не умер, а еще думал о кладе. Это нехорошо», – рассуждал я и старательно отгонял от себя плохие мысли. В испуге дрожал так, что зуб на зуб не попадал. Но взглядом суетливо искал вокруг себя увиденные в детстве кости корбаши, полный курджун драгоценностей, с золотой рукояткой длинный кинжал и винтовку.

Потом пришёл в себя; по-моему, галереи пещер были связаны между собой, и ходы бесконечно тянулись в глубину горы. Теперь только оставалось достать что-то ценное. «Мне хватит небольшой кучки золотых монет, чтобы расплатиться с долгами», – подумал я и через отверстие протянул руку. Долго возился, теряя драгоценное время. Как-то слышал, что сокровищницы охраняют змеи. Чтобы не быть укушенным змеей, нашёл длинную палку и ею достал старинную золотую монету. На монете была непонятная надпись, но знаки её были чёткими. С интересом поглядел на монету и положил в карман. Как только сделал вторую попытку, в глазах потем-

нело, я на мгновение лишился чувств. На меня подействовал грозный вид дракона, охраняющего сокровищницу, или это пакости джез-тумшука? Когда пришёл в себя, смутно предположил, что меня кто-то тащит на себе. Я был в тяжелом состоянии, чтобы сопротивляться или произнести что-нибудь. Просто хотелось погрузиться в безмятежный сон.

Проснулся только на следующее утро на том самом месте, где оставил заарканенным своего гнедого коня. Место, где была заарканена лошадь, лишилось растительности, было голо, будто всю траву сбрили. При виде меня иноходец начал ржать. Я встал и тихо пошёл к речке, понуро пошатываясь, будто слегка опьяневший. Зачем, для чего я сюда приехал, как здесь очутился, никак не мог вспомнить, и поэтому растерялся. «Немного проветрюсь, может, что-нибудь вспомню», – пробормотал я и, оголив торс, умылся горной водой. Однако и это не помогло. Вот тогда в мою голову пришла единственная мысль: «Надо незамедлительно ехать отсюда, пока я цел и невредим». И торопливо собрав свои вещи, я сел на коня и помчался рысью в сторону запада.

* * *

Итак, несколько дней спустя я с отросшей бородой приехал домой. С тех пор как я пустился в горные хребты Суу-Баши, прошло полмесяца. Приехал вечером. Как только я слез с коня, меня схватили два здоровых милиционера, и тут же начали бить, куда попало. Из дому вышли всемогущий ревизор из сельпо Акимбай и моя жена.

– Ну, всё-таки приехал, да, лохматый джез-тумшук? Рука правительства длинна, она преступника везде найдёт. Никуда ты не можешь сбежать, не спасёшься! Деньги воровал ты, изнурённый джез-тумшук, арестуйте его и посадите в тюрьму, – властно крикнул он.

Жена ничего не могла сделать, только визгливо заплакала. Кто-то из родственников увел ее в дом.

Бес меня попутал – два милиционера, обыскивая мои карманы, нашли ту золотую монету, которую я нашёл в пещере. Я стонал и, тяжело вздыхая, думал: «Акимбай, ты возвёл на меня ложные обвинения, ты ставил силки, чтобы в них

запутать». Золото тогда мне и ломаного гроша не стоило, наоборот, принесло несчастье. Я попал в сети мошенника. Стал без вины виноватым преступником. В милиции меня держали три месяца и три месяца подряд мучили, задавая один и тот же вопрос:

– Золото, где взял, у кого взял!? Отвечай, сволочь! А то сгниёшь здесь, шпион капитализма!

Я хранил молчание как рыба, когда избивали, терял сознание. В конце концов, они поняли, что от меня толку мало и, обвиняя в чём только можно было, заставили всю вину принять на себя. Присудили одиннадцать лет тюрьмы. Из них я провёл там семь лет, и освободился.

Пока меня еще не определили в тюрьму, ревизор Акимбай спешно женился на моей жене. К моему освобождению у них уже было двое детей. Конечно, потом я понял, что жена-красавица с первого дня работы в магазине понравилась ревизору и попала в его сети. Разобравшись в деле досконально, я узнал, что моя жена ни копейки государственной не растратила. Кое-как собранные нами пять тысяч рублей Акимбай присвоил себе, а золотая монета досталась начальнику отдела милиции района. Я против жуликов ничего не мог сделать. С тех пор и до сегодняшнего времени судьба не свела нас с любимой женой. Говорили, там бродит, пока я туда лечу сломя голову, там её уже след простыл. Вот так, всякий раз она старалась избегать меня. Я просто хотел ей задать пару вопросов, но со временем и те вопросы постепенно забывались. Потому что женился второй раз и поехал жить в горы, на лесном кордоне. Акимбай недавно умер от укуса каракурта¹⁵. А я, вы сами видите, работаю до сих пор лесником. Не жалею свою работу, слава богу, живу среди лесов и рек, в окружении великолепных гор. Охраняю природу и этим приношу пользу своему народу.

Где бы я ни находился, где бы ни работал, часто размышлял, что и на нашей улице будет праздник. Мой сегодняшний праздник – это жез-тумшук: несмотря ни на что, он размножается и продолжает свой род в Долине Шайтанов. Однажды случилось так, что его род чуть не прекратился. Дорогие вы мои, нераскрытых тайн у меня предостаточно. Это моя вторая

¹⁵ Каракурт – ядовитый паук.

сокровенная тайна.

– А об этой тайне можно узнать? – поинтересовался я.

– Да и нет, но всё же, думаю, да... может быть, это тайна века. Я предполагаю, что под горой находится империя пещер – там сплошные многокилометровые ходы и туннели, которые забиты доверху сокровищами. Да, это поистине империя пещер, которых нигде в мире больше нет. Их охраняют разумные, но на первый взгляд дикие существа, подобные джез-тумшуку – снежному человеку. Насколько мне известно, долина Кара-Кульджа является центром Вселенной, и, что интересно, под одной из гор, может быть, находится тайна века – сокровищница великого завоевателя Чингисхана. На протяжении многих лет шел разговор о том, что в горах спрятано все богатство воинственных монголов. Верьте - не верьте, это дело каждого, но я полагаю, что сокровищница великого завоевателя находится именно там, где начинаются наши горы, горы Ала-Тоо. Чингисхан, по-моему, не стал бы прятать свои сокровища куда попало и доверять их кому попало. Я думаю, за многие века сокровищницу охраняли снежные люди, чья сила энергии приравнивалась к силе тысячи людей. Это неслыханный факт, правильно?

– Да, это так! – мы одобрительно кивали, будто его силу испытывали на себе.

– После тюрьмы вы решили поехать туда? – задал вопрос старому охотнику Сейдали, мой младший брат.

– Откуда, сынок, не было надобности. Если бог позволит, то в следующем году, безусловно, поедем. Это я вам обещаю. Лучше готовьтесь: пока у меня есть здоровье и желание, буду вам хорошим проводником, – закончил свой рассказ старый лесник.

Рассказ охотника вызвал в наших сердцах большое волнение, дорогую мечту. Каждый из нас хотел когда-нибудь раскрыть тайну Вселенной, тайну сокровищ Чингисхана, и оповестить об этом весь мир. С такими мыслями мы двинулись в направлении юрты, на джайлоо Мин-Жылкы, под сильным впечатлением увлекательного рассказа охотника Шекена. Но когда это случится, никто не знал.

КОГДА ДОГОРАЕТ ЗАКАТ

Природа вступила в полную силу и широкая степь, холмы и взгорья покрылись алыми и белыми цветами, буйным разнотравьем, весна в самом разгаре. Легкий ветерок обвевает лица, обдавая немислимыми ароматами, и грудь переполняют самые добрые чувства. Белый донник и мята, растущие вдоль арыков, источают такие тонкие запахи, что щекотно ноздрям. По сторонам дороги, ведущей в райцентр, высажены плодовые деревья, но еще не уплотнен грунт гравием. От вчерашнего дождя, вокруг прохладно.

По этой дороге идут два путника: младшенькая – эта девочка пятнадцати лет, словно только что раскрывшийся аленький цветочек, нежная, с мохнатыми ресницами и бровями, как у верблюжонка, с большими и черными глазами. Это внучка Жаркын. Рядом с ней высокий, хмурый старик с бледным лицом, молчаливый, с небольшой бородкой. Это дедушка Сулайман, он вдов. Подпрыгивая рядом с ним, как весенний ветерок, внучка что-то говорит деду, отвлекает его. А старый человек только отмахивается небрежно, и готов покорно идти за своим спутником хоть куда, куда бог велит. Но и это уже победа внучки.

Так как дедушка никак не соглашался, и когда уже совсем одолели его просьбами, согласился с тяжелым сердцем. Он проходил по этой дороге тысячу раз, и сердцем сейчас чувствовал, что идет по ней в последний раз. Настроение у него было не радостное как у внучки, а подавленное, мрачное, как в весеннюю распутицу. Временами он вытирал слезящиеся

глаза и почесывал свою седую голову. Дорога тянулась и тянулась, и не было ей конца.

Встречавшиеся путники здоровались со стариком с почтением и с подобающей скромностью.

В руках у деда и внучки были свои ноши: у деда – вышитый курджун, который ему сшила еще покойная жена, не жалея глаз своих, у внучки – кожаный дорожный мешок. Большое количество пеших людей на дороге объяснялось просто – автобус не приехал в кишлак, обычный случай, то он исправен, то неисправен. К этому в селе давно привыкли. Для старика и его внучки это было даже на руку. Шли они медленно по дальней дороге, и каждый думал свою неслышную думу, каждый был погружен в свои переживания и мысли.

Жаркын с волнением думала о том, как придут они на место, куда ехали; от этой мысли сердце ее билось гулко и часто, словно хотело выскочить из груди, а мечта была сладкой, как утренний сон и гнала вперед. Тогда она брала под руку еще плетущегося деда и тащила его некоторое время. Теперь надо сказать, куда они так упорно стремились. А шли старик с внучкой в дом престарелых, где жили брошенные старики, бездомные и одинокие, больные и немощные, в доме, огороженном с четырех сторон, на острове скорби. И оказался этот путь дальним и долгим.

Когда Сулайман и Жаркын дошли, наконец, до остановки на перепутье девяти дорог, им не пришлось долго ждать. Вскоре приехал автобус, они сели и незамедлительно тронулись в путь. Старик сел у окна, а внучку посадил рядом с собой. Желание девочки о скором прибытии на место, теперь, когда они пересаживались, с автобуса на автобус улетучилось, как весенний туман.

Сколько пути пройдено, а дом престарелых все также далек, до самого вечера, видимо, не добраться им. Он оказался дальше, чем они предполагали.

Уже перевалило за полдень. Время летит, а дороге конца не видно. Перекусив в придорожной столовой, они заняли места в большом гудящем автобусе. Теперь они мчались на восток большого города. С большим приближением к острову одиноких, Жаркын все больше погружалась в мысли и поглядывала на деда, который, разомлев на солнце, громко по-

храпывал. От резкого толчка автобуса старик не проснулся, а лишь прикрыл разинутый рот, сладко причмокнув, видимо, не скоро он проснется. Девочка, боясь пропустить остановку, часто-часто выглядывала в окошко, вытягивая шею. Кроме сидящих пассажиров в автобусе, были и двое-трое стоящих. Ближе к водителю сидела важная, полная, гладкая на лицо женщина и со значительным видом поглядывала на девочку, чье беспокойство привлекло ее внимание. Ей хотелось вызвать ее на разговор, но девочка, пряча свои глаза, от пристального взгляда женщины, жметя к деду, усердно поправляет его съехавший колпак, словом, всячески избегает ее и временами вздрагивает, когда ее клонит ко сну. Но полная женщина не склонна сдаваться, не сдержав своего любопытства, она обратилась к девочке с вопросом:

– Доченька, куда вы едете? - обращение было крайне вежливым.

– Да сюда, недалеко... – невнятно пробормотала девочка.

– Куда это сюда, милая?! – женщина удивленно пожалала плечами. – Нынешние дети, какие невежливые, толком не ответят даже. Милая моя, отвечай прямо, не криви душой.

Обиженная женщина стала обмахиваться в спертот от духоты автобусном салоне, а сидящие вокруг нее пассажиры, видя ее недовольство, оживились, с интересом ожидая развязки.

Девочка еще более потупилась и смутилась. Хмурая и недовольная она вяло ответила ей:

– Мы едем в дом престарелых, к бабушке...

Голос ее прозвучал хрипло, но твердо. Это страх лишил ее голос звонкости.

Женщина от возбуждения, что подтвердились ее худшие подозрения, приподнялась и резко ударила в ладоши:

– Ох, умереть не встать! Срам, какой! Сразу не надо было сказать об этом!? Я такое бесстыдство чувствую издавека...

– А еще не хотела говорить, важничала, значит, сначала сдали бабушку, а теперь настал черед дедушки? Так ведь, верно?

Женщина победоносно всех оглядела.

– Не-е-т, неверно, мы вышли из дома искать бабушку.

– Ой-ой-ой, что это значит, просто так вышли искать ба-

бушку, что ты несешь, негодница!

– Ой, люди, скажите же, кто ходит просто так в дом престарелых, кто?!

– Надо, значит идут, а что это вы так досаждаете и нападаете на молоденькую девочку? Не стыдно вам... – властно проговорил мужчина средних лет, высокий, в белой рубашке, с переднего сиденья, желая унять ее.

– Эй, братишка, тебе что? Уа, чтоб тебе, наверно, ты сын этого старика? Сел нарочно подальше от отца, чтобы никто не заподозрил! Да пасть тебе жертвой за отца! Сначала отвел мать, которая носила тебя девять месяцев под сердцем, не постеснявшись никого, а теперь ведешь отца, словно, домашнюю скотину? Что-о-о, они тебе телята, чтоб продев кольцо в нос, отвести и сдать их. А еще возмущается, если такой чистоплюй, дома их содержи, корми, сам-то отъевшийся.

Тем временем вмешался еще один пассажир с интересом наблюдавший их перепалку.

– Посмотрите только, как он жесток... Как говорится, беги от отца, как только он состарится.

Высокий мужчина покатал желваками, черные глаза его наполнились гневом, он хотел осадить разбушевавшихся соседей, огреть крепким словом, но махнул рукой.

– Эх, – сказал он, – не хочется даже тратить на них слов.

– Этот человек – мой дедушка. Мои родители живут в городе. Из-за занятости не смогли приехать... – Жаркын старалась объяснить им изо всех сил.

– А они, наверно, обещают все «вот приедем, уже едем», а сами развлекаются. Разве есть у них время задуматься о судьбе отца? Недосуг им за их кривляньями. Наверно, отбили срочную телеграмму, отвези старика и брось его там. Или это неправда? Ты уже сама взрослая девушка, могла бы за стариком присмотреть, да! – завизжала размалёванная, как шутиха рыжая молодка.

– Вы не поняли меня. Мы... мы... – у Жаркын перехватило горло. Пересохло горло от волнения, и язык не поворачивался.

– Что ты давишься, будто поперхнулась. Нарочно притворяешься. Даже если вы такие важные, зачем гоните старика из дома, ему умереть скоро. Или вам не нужны родители?

Раньше никто не видал такого бесстыдства. – Полная женщина не уставала браниться.

– Нет совести у нынешней молодежи.

– Издавна ведь предостерегали: состарится отец твой – не делай его рабом, состарится мать твоя – не делай ее рабыней, видимо, предчувствовали.

– Горемычный старик, хоть бы сказал что, едет как пришибленный неподвижно, словно, комуз¹⁶ с оборванными струнами...

Эти слова обжигали Жаркын, сердце сжималось, а в голове словно вытапливалось масло.

– Эй, люди, может хватит уже?! Постыдились бы...

Не успел высокий мужчина выговорить это, как автобус подпрыгнул на ухабе, и он чуть не опрокинулся навзничь, удержался лишь около Жаркын. Воспользовавшись этим, он поклонился и прошептал Жаркын на ухо:

– Доченька, готовьтесь! Разбуди дедушку, вы уже приехали. Ты не обижайся на них! Время все само расставит по местам. Сейчас, как только выйдете, идите вниз и увидите большие синие ворота. Это и есть дом престарелых, поняла?

Девочка согласно покивала головой и стала теревить деда:

– Дедушка, деда, вставайте, мы доехали.

– А, Жаркынай, уже доехали? – старый Сулайман протер слезящиеся глаза носовым платком, почесал бороденку. – О боже, не осрами раба твоего, – бормотал глуховатый дед, нагибаясь за расшитым своим курджуном.

– Что ни говорите, а уж что вышло, то вышло. Не печальтесь дедушка, крепитесь!

– В такое изобильное время, не сумеешь прокормить такого щедедушного старичка, что уж говорить о таком сыне. Бог ему судья...

– Эх, что делать, оскудели люди сердцем!

Слышал это дед Сулайман, или не расслышал, но раскланивался и всем улыбался. Автобус с громким шипеньем остановился, и дед с внучкой осторожно ступили на землю. Девочка была подавлена и только теперь успокоилась, лицо ее вновь расцвело. Хорошо, что дед задремал, неизвестно, что бы случилось, доводись ему услышать перепалку. Какая до-

¹⁶ Комуз – кыргызский национальный музыкальный инструмент.

сада, что из-за волнения она не смогла все толком объяснить. Ах, эта девичья застенчивость! Жаркын незаметно от деда смахнула слезы. Дед теперь повеселел, не то, что утром. Лицо его слегка подергивается от волнения. Вот, наконец, и дом престарелых. Нажав на звонок у высоких синих ворот, они стали ждать. Через долгий промежуток времени выглянул сгорбленный худой старик.

– Здравствуйте, уважаемый, это дом престарелых?

– Ты что дочка, смеешься над старым человеком? Разве не видишь вывески, или ты не умеешь читать?

Первым делом худощавый старичок с недовольным видом ткнул пальцем в стену ограды.

Жаркын взглянула на стену, и ничего не увидела, кроме деревянной доски с давно выгоревшей надписью. Да и та покрыта пылью, затянута густой паутиной. Недовольно оглядев их, бойкий старичок продолжал:

– Ты очень молода еще, надо было отправить кого-то постарше. Ну, ладно, и ты сгодишься. Узелок старика прихватила? Оставь его, напиши расписку на клочке бумаги, и можешь лететь домой.

Девочка еще раз смешалась. То бледнея, то краснея, ей захотелось высказать ворчуну, все что накопилось у нее в душе.

– Дедушка, я прошу прощения, если была груба. Мы приехали сюда по другому делу... Бабушка наша умерла уже давно... С тех пор дедушка наш в печали, не проходит его душевная горечь, не разговаривает совсем, все хмурится, стал плохо слышать. Мы бы хотели, при удобном стечении обстоятельств, найти ему спутницу жизни, и я бы обзавелась бабушкой. Специально издалека мы приехали, негоже нам вернуться у порога, найдите способ помочь нам, почтенный. Не откажите, дедушка!

Старик Сулайман, как бы в поддержку внучки, слегка поклонился, и оба с надеждой устремили взор на абаке. Он, не веря своим ушам, в растерянности почесал свой подбородок. Хорошие вести нечасто приходят, он все подхватил на лету. На веснушчатом его лице выступила радость, на губах заиграла улыбка. Видно было, что он сильно обрадовался.

– Милая моя доченька, головка твоя светлая, надо было

сразу начать с этого! А я пень старый совсем по-другому подумал о вас. Прости, доченька! Идите за мной, я сейчас.... Сейчас ... – растерянный старик вошел внутрь дома.

Дедушка Сулайман и его внучка Жаркын торжественно перешагнули через порог.

– Эй, старушки, в наш дом пришла благодать, добрая девочка принесла ее! Выходите все, большие и маленькие, красивые и некрасивые. Сегодня кому-то привалит счастье. Эй, байбичелер!¹⁷... Собирайтесь сюда! ...

Дедушка с внучкой удивлялись, как у такого худого старичка оказался такой зычный громкий голос. Сердца их забились от волнения, с улыбкой они огляделись вокруг. На широком дворе, где не было начала и конца, цвели чудесные цветы, пленяли взор и опьяняли ароматом. Время тянулось медленно. В прихожую начали собираться старики и старухи. Как только услышали, шли откуда-то люди: высокие и маленькие ростом, худые и полные, рыжие и смуглые, молоджавые и старые, здоровые и инвалиды, вообще собралось все население дома престарелых. Напротив шумящей толпы старик и внучка. Посередине тишина.

– Да не видать нам горя, да пусть будет всегда жива надежда на счастье! Пусть мирным будет наше время, будем здоровы и пожелаем друг другу добра! Аминь!

Старик Сулайман пробормотав молитву, воздел руки, и все вокруг как один выдохнули «Аминь!». Старик распорол свой вышитый курджун и стал вынимать оттуда и передавать внучке сладкие гостинцы – конфеты, печенье, боорсоки и тандырный¹⁸ токоч.¹⁹

– Жаркынай, на раздели всем поровну! Чтобы досталось каждому, никого не обдели. Это твоя заслуга, родная моя, обойди их, не робей! Получи благословление их, опора моя!...

Жаркын стала обходить собравшихся стариков и старух. Ее легкие движения, веселый нрав были по душе всем. Она подносила блюдо с хлебом:

– Берите, отведайте, сама пекла. Это мягкий, тандырный хлеб, – сказала она, и ее личико розовело от смущения.

¹⁷ Байбичелер – старухи.

¹⁸ Тандыр – глиняная печь для печения лепёшек.

¹⁹ Токоч – маленькая лепешка

От всей души угощала она обитателей дома, гостей этой жизни, хотела доставить им радость. Но никто из собравшихся стариков и старух не спешил съесть свой гостинец. Они хотели знать правду о том, о чем только что прокричал старик. Они ждали. Неожиданно в толпе раздался голос, это говорила старуха лет шестидесяти, среднего роста, полная, белолицая, с прямым точеным носиком и очень приятная. Все повернулись к ней.

– Ах, как хорошо! Давно не доводилось мне держать в руках тандырный хлеб, давно не чуюла я запах айла, запах домашнего хлеба! Да пасть мне жертвой за тебя доченька, и косички твои, и сама ты так мила, как хлебцы твои румяные. Кажется, я сама тебя родила, так и рвется мое сердце к тебе! Подойди, золотце мое, я тебя поцелую.

Старуха с предосторожностями, чтобы не уронить веретено с пряжей, притянула девочку в свои объятия, на глаза ее навернулись слезы.

– Ах, это горячее дыхание юности, этот запах полей, ты как цветок расцвела, – сказала старушка, и таяла от нежности.

– Бабушка, не плачьте. Лучше отведайте лепешку, – изгибалась Жаркын как красноталовая хворостинка.

– Спасибо, доченька, отведаю...

В это время старик, охранник синих ворот, мягко похлопал Жаркын по ладошке, и дал знак начинать. Она заволновалась, слегка прокашлялась, чтобы не поперхнуться, и обвела глазами присутствующих.

– Уважаемые почтенные отцы, любезные матери! Этот человек рядом со мной, мой дед. Его зовут Сулайман, ему семьдесят лет. Он мастер, делает седла. Наша бабушка умерла три года назад. С тех пор мы живем с дедом одни в большом семикомнатном доме. Слава богу, у нас есть корова и другая живность. Отец мой с матерью живут в городе, но они тоже с удовольствием согласны. И если даст бог, мы хотели ввести в дом для деда женщину, его ровесницу, она стала бы ему спутницей жизни, а мне бабушкой. И ничто уже не печалило бы нас в этой жизни. Про себя могу сказать, что я пеку хлеб, стираю, дою корову, готовлю еду, помогаю дедушке ходить за скотиной. Бабушке я не доставила бы никаких излишних

хлопот. В этом году я оканчиваю восьмой класс... Это все...

И слова этой девочки, и причина ее появления стали всем понятны до боли. Жаркын смотрела на женщин, а женщины на Жаркын умоляющими глазами. Опять воцарилась глубокая тишина. Кто-то незаметно стал поправлять съехавший платок, кто-то запахнул, протер слезящиеся глаза. Надежда окрыляет, и все эти старые женщины вдруг встрепенулись и замерли. Каждой хотелось стать избранницей, только она, не другие. словно все эти годы, проведенные здесь, были только ожиданием счастья. Белолицая полная женщина вздрогнула и уронила веретено с мотком пряжи. Старый Сулайман, не сводивший с нее глаз, как увидел ее, то ли почувствовал свое счастье, то ли решил испытать его, когда женщина, уронив веретено, пристально взглянула на него, сердце подпрыгнуло у него в груди, как у беркута, завидевшего лисицу. Это было с ним впервые за последние три года. Торопливо он подошел к ней, и подняв веретено, подал ей, крепко сжав ей пальцы. Пригласил ее на разговор, вежливо пропуская вперед. Вдруг, откуда не возьмись, между ними появился высокий худой старик, со следами оспин на лице. На вид ему было столько же лет, сколько старику Сулайману.

– Ой, да вы что?! – Он схватил грубо Сулаймана старика за локоть, и слегка оттолкнул. – Осторожнее, старик! – сказал он, негодуя, и сам посадил старушку, всячески ее поддерживая.

– Урюл, я бы сам тебе достал веретено?! – старик умоляюще глядел на нее.

– Эх, Эргеш, и что ты заревновал? Ведь мы уже отжили свое, постарели, оскудели, как говорится. – Кругом нас селения, поселки, и мы еще ходим по земле, как все люди, но этот наш дом престарелых стоит особняком, как одинокий остров. Нас разделяет ограда, да и название дома, сердце кровью обливается, когда смотрят на нас с жалостью, как на бездомных, бесприютных. Вот и вся разница... Живем мы здесь неплохо, но не останусь здесь, даже если будут райские условия. Уйду. Если хочешь знать, я соскучилась по айлу.

– А я?! Ты меня бросишь здесь? – обиделся старик как ребенок.

– Конечно, оставлю, а что мне тебя забирать? – старушка

Урлю говорила решительно и резко, чтоб не расплакался при народе Эргеш.

– Ты бедняга и я бедняга. Мы повстречались в этом доме...

– Если тебе хочется уехать в аил, то и у меня есть дом. Я сам тебя увезу.

– Ну, где этот твой дом?! Два года уже готовимся переехать, а толку нет.

– Ну, они же не соглашаются! – воскликнул старик Эргеш плаксиво, стремясь усыпить ее бдительность лживыми словами.

– Эргеш, тебе нет смысла обижаться на кого-то. Это и есть жизнь, в которой всегда чего-то не хватает. Иди ко мне дочка, я готова.

Старушка раскрыла объятия, зазвенев подвесками на косах.

– Бабушка!

Девочка прильнула к ее груди, вдыхая запахи. Как два любящих сердца, долго бывшие в разлуке, прижались они друг к другу. Через продолжительное время Урул-байбиче обратилась к присутствующим:

– Дорогие аксакалы и байбиче, много ли, мало ли, плохо ли, хорошо ли прожили мы вместе. Если была радость – радовались вместе, если была печаль – печалились вместе, но здесь не пришлось нам страдать. Дай бог нам и дальше сохранить наши уважительные отношения, если были какие-то обиды простим друг другу, будем чисты. Я думаю с такой дочкой, больше не придется мне горевать. Теплые носки и одежду, что я связала, передайте в детский дом. Если суждено будет, еще свидимся, будьте всегда здоровы, помните меня! ... Старушка вспомнила самое главное, и горький комок застрял у нее в горле. Она пожевала губами, слезы полились из глаз. Стоящие люди вокруг нее поняли, о чем она хочет сказать. Еще бы немного и она готова была разрыдаться. Хриплым голосом она проговорила: – ...Если придет мой сын,... расскажите что-нибудь.... Нет, хватит плакать. Давайте, родные, прощаться, – через силу она стала обнимать их.

Они долго прощались. Прощание было со слезами на глазах.

– Ур-юл, остановись! Забери меня, родная! Без тебя мне не жить!

Высокий худой старик плакал, как весенний дождь лились его слезы. Старушка Урюл растерялась, в замешательстве она смотрела то на ноги Жаркын, то на ноги Сулаймана. По всему ее телу побежали мурашки, ей хотелось провалиться сквозь землю. Сердце сильно билось в груди. От стеснения она вся сжалась, вытерла капельками выступивший пот на лбу. И кто знает, взаправду или понарошку она расслабленно обернулась. Тут Жаркын поспешно затараторила:

– Дедушка, а почему нельзя. Если вы и бабушка будете согласны, то давайте заберем и почтенного абаке. Во! Как заживем! Дедушка, давай его заберем?!

Девочка с надеждой и умилением смотрела на деда, надеясь, что он поддержит ее. Старушка, которая замерла и сжалась, ожила, быстро подняла голову и посмотрела на Сулаймана. Взгляд ее говорил «я твоя». Сулайман аксакал вспыхнул, и положил свою горячую ладонь не ее плечо, притянув к себе. Старуха смотрела на него с любовью, словно с юности жила с ним, не разлучаясь ни на миг.

Сулайман чувствовал теплоту и любовь Урюл, поэтому громко и весело окликнул внучку:

– Жаркынай, мы согласны! Зови, доченька, абаке своего!
– сказал с полным удовольствием.

Девочка счастливо улыбнулась, и вмиг умчалась.

– Абаа-кее-е! Абаа-кее-е!

Через некоторое время на широкой дороге шли четыре человека, попарно взявшись за руки. Они были далеко от дома престарелых...

Солнце садилось за горизонт, полыхая красным пламенем...

ОБРЫВ

Последний день весны.

Две молодухи оживленно переговаривались, прогоняя утреннее молоко через сепаратор.

– Ну надо же, как говорится «Плохого пса называют волкодавом», она оказывается, полюбила Карима, и теперь жить без него не может? Или действительно... – с намеками говорила чернобровая молодая женщина среднего роста.

На что она же с белолицей молодухой расхохотались во все горло.

– А что ты так озаботилась? Похоже, тебе самой он приглянулся, может ты с ним тайно встречаешься и теперь ревнуешь? Вот расскажу твоему мужу, тебе небо с овчинку покажется! В этот раз не посмотрю, что ты моя подруга, хи-хи-хи, – смеялась соседка, поддевая Гульбару.

– Этого алкаша, брось, пожалуйста?! Чем он может мне понравиться, тем, что заглядывает в каждый дом ради вонючего вина? Оставь его....

Гульбара посмотрела на нее исподлобья, не выдавая своего секрета.

– «Хоть и алкаш он, а был в свое время настоящий джигит, статный, красивый, эх! А плечи какие широкие, вдвоем бы с тобой уместились на них. А в работе каков, один управляет там, где требуется четверо. А когда обнимает тебя этими сильными руками, искры сыпятся из глаз. Только вздохнешь «О боже!» и смотришь умоляюще», – не ты ли это говорила? Что мне сказать о твоих проделках... Гюкюнтай!

– Да-а, и вправду. Ой, матушки! Что это я говорю. Типун тебе на язык, что ты придуряешься? А что они разве хорошо поступают? Каждый зовет его, покупает ему сигареты, водку-вино, напаивают его, чтобы только сделал работу. Посмотри, во что превратили они красавца парня, в пустельгу, высматривающую мышь! Теперь бродит он по улице и высматривает, как только потянет дымом из трубы, так и он тут как тут, жалкий и удрученный. Раньше вообще в рот не брал.

– О, подруга, не годится злиться на то, что тебе скажут! Что задела больное место? Что ни говори, он милее тебе, чем муж твой, в твоей постели, действительно милее! И потом, как ты изворачиваешься, защищаешь его, пылинки с него сдуваешь.

Белолицая молодуха искоса взглянула на подругу.

– А что?! Может, скажешь, они правы? Работает за четверых – хорошо, а пьет – плохо?! Или хочешь сказать «Сила осла чиста, а молоко погано?».

– Плохо, что он пьет. Кто будет уважать того, кто пьет.

– Вот это и используют те, кто нуждается, такие как мы с тобой, одинокие, сетующие. Беднягу напоят до смерти после окончания работы, и даже не проводят домой, так и засыпает в грязной жиже, просто сердце кровью обливается, какие бессердечные! Он тоже хочет человеческих отношений, ему тоже дорого доброе слово, он тоже хочет поделиться сокровенным.... Выспится в жиже, и бредет домой, несчастный ... Кто сможет остановить это, кто сможет остановить народ? Кому сможешь сказать: «Не используйте его!». А если возразят тебе и скажут, что не мои деньги расходуются? Что скажешь на это?

– И какой крепкий на редкость. Никогда ни гриппом не заболит, не простудится. Как не увидишь, весь чумазый, легко одетый шляется по улицам, – сказала подруга, поддразнивая.

– А что, тебе бы хотелось, чтобы он простудился и умер?! – спросила Гульбара со злостью.

– Нет, что ты, упаси боже. – Соседка опешила.

– Ты думаешь, если его всякий обманывает, то и поддерживать некому! Его бог поддерживает. Душа у него чистая, нет скверны в нем. Много не говорит. Подадут – выпьет, ска-

жешь – вмиг все сделает. Мы сами испортили Карима своим отношением.

– Помнишь, подруга, – соседка напомнила ей давнюю историю. – Тогда еще, в те годы, на стрижке овец, когда Карим занял первое место, никому его не уступив, и магнитофон, полученный в качестве приза, подарил тебе со словами: «В этой округе нет женщины, так вкусно готовящей, как Гульбара. И за то, что кормила она стригалей вкусными обедами, прибавляла к нашей силе силу, этой искусной поварихе, черноглазой молодке, разрешите мне вручить свой приз своими руками и словами благодарности!». Мы ведь все дружно захлопали, радовались за тебя и за него.

А потом, когда закончилось торжественное собрание, и начались состязания, Карим стоял, не поддаваясь уговорам руководящих лиц, ты вывела его на состязание одним взглядом своих искрометных глаз! И он ведь выдернул, как пушинку, хвастливого здорового силача из соседнего аила, за черту, в игре «Вытяни быка». Всему причиной – выпивка. Скажи ему, чтобы он не пил. Он послушается тебя. Бедняга, как увидит тебя, сразу присмирееет, как ягненок, завидевший свою мать. Он слушает тебя. Что значит тридцать лет, это еще светло-серый скакун. Он сможет исправиться. Видно, что он хороший человек от роду.

– Сколько раз говорила, не слушается. «В кровь и плоть мою вошло», – говорит. Не хватает у него воли преодолеть тягу к спиртному. Но еще постараюсь. – Гульбара вытащила из сепаратора металлическую тарелку, смахнула оставшиеся сливки, и облизнула палец.

– С раннего утра ты говоришь о Кариме, может, вчера твой муж не лег рядом с тобой? Ха-ха, ха-ха! Соседка стала хихикать, но через некоторое время испугалась гнева Гульбары и мгновенно утихла.

– Ох, типун на язык. Это все, что ты можешь сказать? Уходишь, давай уходи. Сегодняшний обрат оставь мне, я собираюсь замесить тесто.

Гульбара вышла вместе с соседкой во двор, и набросилась на мужа, который возился со своим трактором:

– Когда уже закончишь?! Как начнешь что-нибудь делать, конца этому делу не видно. Оставь сегодня все, выйдешь

со мной на работу в поле, на табак. Ни приличной зарплаты не приносишь домой.

– Ой, вот потеха! Это я не получаю зарплату! Да на счету у предприятия нет ни копейки, что я могу сделать? Хочешь, чтобы я повесился?!

– Никто не говорит тебе, чтобы ты повесился. Чуть что, так сразу может повеситься, может унести с быстрым течением, надоел уже. В доме не осталось ни щепотки муки. Найди и привези муки, на это... На!...

Гульбара поискала в карманах своей жилетки и вытащила деньги.

– Чем искать муку, сахар, лучше бы ты послала меня за вином, или за водкой, я бы на своем тракторе вмиг нашел, хоть под землей.

– Пропади ты пропадом! Не можешь ни дня прожить без водки. Ты знаешь, куда доведет тебя выпивка?

– Зачем знать? Ведь все пьют. И никто еще не умер от этого.

– Смерть приходит без предупреждения. В магазинах спиртного, что камней в урочище, полки переполнены – и это горе народное, это печаль земли, это разрушение нации...

– О боже, ты сегодня как мудрец, что спустился с неба. Водку пьют такие молодцы как я! – заносчиво стукнул себя в грудь Жумалы тракторист. – Слабаки водку не пьют, знай это!

– Ах, ты мой молодец! Если это действительно так, может, закончишь стройку летней кухни, поставишь окна, двери! Нет у тебя сарая для овец, куда сгонишь их в зимнюю стужу, в осенние дожди. Да что перечислять!

– Вот-вот, так я и знал, что будешь так говорить. Надоело, сыт я твоими придирками по горло! – Жумалы прекратил работать, не спеша, вытер руки. Стал охорашиваться, словно глядясь в зеркало, затем стал считать по пальцам, по очереди загибая их.

– Чтобы поставить окна и двери надо приготовить глину – это раз, замесить его – это два, перемешать с соломой – это три, и, наконец, поставить – это четыре. А построить сарай для овец – это еще больше работы. Не закончу сейчас, закончу в один из благословленных дней. Я тоже дурачка не

валяю, а работаю.

– Напрасно говорить тебе что-нибудь. Сколько раз слышу «Вот закончу, потом закончу», сколько лет прошло уже, а? – спросила жена, подбоченясь. Посмотришь на других мужей, и завидно становится. Чем ты хуже их?!

Муж рассвирепел и выбросил далеко от себя масляное полотенце, которым вытирал руки.

– Хватит скулить, иди отсюда! – разгневался Жумалы и завел трактор, но потом буркнул. – Когда в женщину вселяется бес, всегда так, мешает работе, да и только. Это я дурак, что слушаю тебя! Но с другой стороны, бедняжка моя, хорошо, что напомнила, лучше купи у Зупуш две бутылки самогона и пригласи Карима сделать работу. И не морочь мне голову!

Гульбара была вне себя от радости, но в то же время в ней вспыхнула жалость к Кариму, и она неожиданно накричала на мужа.

– Он что твой раб, что ли, чтобы позвать и заставить работать?! Нашел тоже дурачка!

– Э-эх, какая ты сварливая женщина! Ведь все приглашают его на строительные работы за бормотуху, и никто не осуждает. Или это враки?! Слава богу, что на наше счастье есть Карим. А иначе много хозяйственных дел остались бы незавершенными. Что разинула рот, заходи домой! Я позову Карима по дороге...

Когда муж захлопнул кабину трактора, и завел мотор, черный дым за клубился и окутал его.

* * *

Когда Гульбара, замесив тесто, вышла наружу, Карим протягивал руку к дверному крючку. Даже через одежду было видно, какого он могучего телосложения, какой он ширококостный. Лицо его было небрито, усы и борода оцетинились, под глазами припухлости. Не поймешь, о чем он думает, лишь иногда проводит языком по пересохшим губам. Видно, как мучает его жажда, как трещит его распухшая голова, взгляд его выражал немую мольбу. Гульбара открыла дверь и пригласила войти в дом, неловко ответив на его горя-

чее и слабое рукопожатие.

– Заходи, заходи, дорогой Какиш-жан, здоров ли ты? Может, перекусишь перед работой, или сразу же начнешь работать? Если сразу, то вот тебе кетмень, лопата...

Гульбара покраснелась, как гранат. Груды налились у нее, соски набухли, и глаза заблестели – ее охватило страстное нестерпимое желание. В смятении она не могла понять, что на уме у Карима. А он стоял с полуоткрытыми глазами, мучаясь икотой. Молодка широко открыла дверь, освобождая вход.

– Какиш, может подогреть воду, ты бы ополоснулся? О работе не беспокойся, не сегодня, так завтра закончишь. Ну, скажи хоть что-нибудь, - опять Гульбара стала приглашать его в дом.

Вместо ответа молодухе, Карим стоял и почесывал горло. «Гюкюнтай, знаю, что скажешь. Прости, если можешь своего непутёвого. Мне нездоровится. Нутро горит у меня. Голова трещит по швам. Хочу выпить, вынеси, если есть. Прошу, не умоляй меня! Не умоляй меня не пить! Без выпивки нет жизни для меня. Не поучай меня в этот раз. Нет надобности. Но знай, золотце моё, это в последний раз. Слово даю, правду говорю», – все это прочитала Гульбара в его глазах, как только пришел он. Она вошла внутрь дома и вынесла столь желанную для него выпивку. Карим, который еле стоял на ногах и грезил о бутылке, проворно вошел в комнату без окон и дверей и сел в углу. Крышку бутылки он сорвал зубами, захлебываясь стал пить прямо из горлышка, делая перерывы. Потом, когда выпитое разогрело его, он отошел и, засучив рукава, принялся за работу, замесил глину, стал ставить окна и дверь, это была для него привычная работа, быстро и скоро он управлялся со всем по порядку.

– Бог в помощь, батыр!

С таким приветствием вошла в комнату Гульбара, держа в одной руке горячие лепешки, в другой свежие сливки. На кухне было темновато после вставленных окон и двери.

– А Гюкюнтай, это ты? Да сбудется твое пожелание, заходи, проходи на почетное место, – ответил повеселевший Карим.

– Ну, вот, теперь это уже похоже на жильё. Если рабо-

тать с желанием можно, оказывается, быстро закончить. Какиш, может тебе перемешать кусочки лепешки со сливками? Ты, наверно, в детстве, часто едал мыкчыма²⁰?

– Наверно. Но я соскучился по мыкчыма, которое делаешь ты, Гюкюнтай!...

От Карима разит спиртным, а от молодухи тянет сладким ароматом духов, стройная, раздумянившаяся, она все бросает на Карима влюбленные взгляды. Гульбара кормила любимого, предлагая ему то лепешки со сливками, то чай, непрерывно наливая, свежий и горячий.

– Значит, сегодня ты пьешь в последний раз?

– Да.

– Правда?!

– Правда! – воскликнул Карим, кивая усердно головой.

– Ох, душа моя! Что за слова, обними меня... Молодуха упала в его объятия, несмотря на его одежду, всю измазанную глиной.

– Верблюжонок мой, звездочка моя! Как долго я ждал этого часа?! – страстно зашептал Карим.

Он, возбужденный и разгоряченный, сладкими речами молодухи, сжал ее в объятиях, стал ласкать ее упругие груди, обсыпать поцелуями ее лицо, нежно гладить между ног.

– Верблюжонок мой, как ты сладка?...

– Черноглазая молодка в блаженной истоме будто растворилась в объятиях Карима, и долго не отпускала его.

– Когда еще встретимся? – нежно спросила Гульбара, первая очнувшись и, почувствовав, как быстро пробежало время.

– На следующей неделе.

– В каком месте?

– На прежнем же месте, над обрывом... До встречи, черноглазая моя.

– До встречи, любимый...

Пылкий от любви и выпитого мужчина плёлся в сторону дома, неся в руках узелок, свернутый Гульбарой.

* * *

Дом Карима. Ночь. Жужжащая мошкара, все вокруг по-

²⁰ Мыкчыма – маленькие кусочки лепешки, перемешиваются со сливками в чашке.

грузилось во тьму. Из-за уличного света Карим не мог заснуть, все переворачивался, мучился, бредил, иногда вскрикивал во сне. Во сне, как обычно, явился ему дьявол-соблазнитель, виляя хвостом, вошел в комнату. Не спеша обошел кругом свою добычу, довольно долго осматривал его и вдруг вскочил на грудь, хвостом зацекотал ему нос. Карим проснулся. Черт соскочил с него.

КАРИМ. – Ух, душа моя! Я думал меня душит албарсты²¹, а это ты проклятый богом совратитель?! Ты когда-нибудь дашь мне покой, чудище! Мучаешь и угнетаешь.

ШАЙТАН. – Мы приветствуем одинокого и бесприютного человека, потерявшего свое человеческое достоинство.

КАРИМ. – Кто тут нуждается в твоём приветствии, кто изголодался по нему! Сгинь с глаз моих, прочь ненавистный! Отродье! Что ты делаешь здесь в неурочное время?

ШАЙТАН. – Тсс, тихо, раб божий, разбудишь соседей. Послушай меня. Тебе не убежать от меня никуда, я стал твоим спутником по жизни. Ты понимаешь это? Не понимаешь, я вижу это, уже долгое время ты мучаешься, ты одинок, некому утешить тебя. Ты работаешь днем и ночью. Но даже если будешь головой биться об стенку, тебе никто не скажет в этом тленном мире спасибо, непутевый.

КАРИМ. – Не твое дело, каждый увидит то, что предназначено ему судьбой на лбу.

ШАЙТАН. – Тебя по лбу ишак лягнул.

КАРИМ. – Кто бы ни лягнул, я сам знаю.

ШАЙТАН. – А если знаешь, то ты раб водки. А где водка, там и я, продену тебе в нос кольцо и поволоку (Он хватает бутылку и бежит. Карим в растерянности бежит за ним, и облизывает с пола пролившуюся жидкость).

КАРИМ. – Что все пролилось, все кончилось?...

ШАЙТАН. – Все пролилось, не осталось ни капли. Я же сказал тебе, что ты раб бутылки. Если выплесну в обрыв, в обрыв скатишься, в яму выплесну, в яму скатишься. Бедолага!

КАРИМ. – Не говори так. Не дай бог никому такого! Если захочу, брошу пить, так как я дал слово черноглазой молодке.

ШАЙТАН. – Эх, несчастное создание! Сколько раз ты да-

²¹ Албарсты – демоническое существо в образе женщины, которая душит спящих людей.

вал такие обещания. Бессчетное количество. Пустые обещания не сдвинут тебя с места.

КАРИМ. – Не твое дело. Сказал, не буду пить, значит, не буду (отворачивается).

ШАЙТАН. – Всё равно тебя люди напоят. Чтобы достигнуть своей цели, на какие уловки только они не пустятся. А ты не сможешь отказать, ты ведь добрый от рождения. Не можешь отказать ни просящим, ни принуждающим. И так я доконаю тебя.

КАРИМ. – Хватит, не хочу слушать твои гнусные речи. Лучше покажи мне свою личину, подойди поближе. (Карим засучивает рукава, будто готовится схватить шайтана. Но нечестивый, разгадав замыслы человека, пятится назад).

ШАЙТАН. – Ни за что не сяду рядом с тобой. Ты жесток, схватишь, судорогой сведет меня.

КАРИМ. – Да-а, добраться бы мне только до твоего длинного хвоста, накрутить на руку и тогда будь ты хоть ангелом смерти, вытряс бы из тебя твою душу. (Он замахивается на шайтана. Тот убегает. Карим гонится за ним, но догнать не может, задыхаясь от усталости падает на землю, а шайтан легко вспрыгивает ему на грудь и ловко обвивает его шею своим длинным хвостом.

ШАЙТАН. – Бестолковый ты человек, попался мне в руки?! Теперь никакие мольбы тебе не помогут, не выпутаешься. Ах ты мой доверчивый... (Шайтан душит его...).

КАРИМ. – Нечестивый, гнусный! Отпусти меня, задушишь, что я тебе сделал.

ШАЙТАН. – Еще спрашивает, что я сделал. Каждую ночь зовешь меня, не давая покоя, раскрываешь объятия, сажаешь меня на широкую грудь свою. Вот теперь я заберу твою душу, задушу тебя! Узнаешь почем фунт лиха. Ха...Хаа...Хаа.

КАРИМ. – Отпусти. О, проказа поганая, мерзавец!

ШАЙТАН. – Не проси, все равно не отпущу. Ух, как колется твоя щетина, давно, вижу, ты не брился.

КАРИМ. – Чтобы она тебя заколола. Только бы вырваться мне из тисков твоих, клянусь, тебе не поздоровится. Шкуру твою заживо сдеру, не будь я Каримом. (Вырывается).

ШАЙТАН. – Ах, несчастный, теперь не выпутаешься, бестолочь. Лучше расскажи-ка, как ты сумел понравиться

черноглазой молодке, с твоим-то видом плешивого козла, которого изгнали из стада.

КАРИМ. – Не смей даже говорить о черноглазой молодке, нечистый! Куда тебе до нее! Понял, чудище! Сейчас я тебе!..

(Двое дерутся. Но шайтан крепко держит его и отпускать не собирается. Смертельно уставший Карим сдается).

ШАЙТАН. – Аа...аа...аа (Зевает). Спать хочу. Устал я с тобой бороться всю ночь. Уже рассветает. Аа...аа...аа... (Шайтан склоняется на широкую грудь Карима и засыпает. В это время появляется привидение и приближается к ним).

ПРИВИДЕНИЕ. – Нечестивый, всегда успеваешь раньше меня. Слабых за глотку хватаешь, сильных боишься. Нет в тебе жалости. Мучаешь беднягу, изводишь, смотри лежит полуживой. (Он берет Карима за руку, гладит его по голове). Одинокий мой, бесприютный, в последние дни совсем извелся ты. Пьешь водку, развлекаешься с шайтаном. Подружишься с нечистым, рано завершится твой жизненный путь, но избавишься от страданий. Уйдешь в мир иной с открытыми глазами, но душа твоя найдет покой. О, слабый человек, изгони с груди своей шайтана, разрушителя жизни, изгони подальше. Он не доведет до добра. Открой глаза, приди в себя, пока не погасло пламя твоей жизни.

КАРИМ. (Протягивает руку к призраку. Шайтан кричит во сне). Подождите, не спешите. Я сейчас встану. Вы кто? Утреннее привидение? Что вы хотите от меня? Вы можете помочь мне? Вот так, каждый день, проклятый богом шайтан мучает меня, душит, сдавливает грудь мою. Не могу избавиться от него. Как увижу вас, легче становится мне, вы как лебедь, плывущий по морю. Подождите, я сейчас. (Карим в подштанниках, в полусонном состоянии идет за призраком).

ПРИВИДЕНИЕ. – Очнись, человек, приди в себя. Открой глаза! Еще не поздно. Прогони шайтана от себя. Борись за свою жизнь! Проживи достойно свою жизнь!

КАРИМ. – Нет, нет! Я пойду с вами. В этом бренном мире измучился я, заберите меня с собой, не оставляйте.

ПРИВИДЕНИЕ. – Успеешь попасть туда, приди в себя, человек! (Призрак исчезает).

КАРИМ. – Вы оставили меня, мой прекрасный лебедь, плывущий по морю!.. (Карим, не открывая глаз, идет нао-

щупь и возвращается к шайтану спать. Шайтан спросонья почесывает затылок, кладет голову на грудь Карима. Рассветает. Петухи поют. Два человека стучат в дверь. Карим встает).

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. – Спишь еще, батыр. (Ходит кругом). Быстрее одевайся. Садыр ставит крышу своего дома, пригласил нас на ашар²². Говорят, зовут – не отказывайся, не зовут – не показывайся. Ну, ты двигайся побыстрее, придем раньше других. (Карим в спешке начинает одеваться).

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. – А тетя Бурмакан заквасила, оказывается, две бочки вина. Вино будет литься рекой, сказала она. Ах, черт, ну и повеселимся сегодня! (Он от удовольствия причмокивает). Ох...! Ах... А какой нежный... не чувствуешь даже, когда глотаешь! (Глокает слюну).

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. – У тебя уже сейчас слюни текут. Не свались загодя, не начав работы, непутёвый.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. – Да, этот ашар многих свалит с ног, как бы не оказаться в навозной жиже! Ээ... давайте уже побыстрее.

КАРИМ. – Вот, уже все (он застегивает куртку и одевает колпак). Все, пойдем.

ТРОЕ. – Ну что, джигиты, двинули! (Весело выходят на улицу).

* * *

С самого рождения, с тех пор как стал осознавать себя Карим, протоптал он по краю обрыва тропиночку. А сколько раз он проходил по ней, не сосчитаешь. И все знали в аиле, от мала до велика, что тропинку эту, ведущую на самую вершину, протоптал за много лет Карим. Каждый день он шел по этой тропке – встречать рассвет, любоваться закатом. Так случилось, что за мелкими хлопотами упустил он свою любимую, не успел на ней вовремя жениться. В последнее время его любимым времяпровождением стала выпивка, в пустом доме мерещатся ему всякие страхи, стал он беспокойным. Из-за склонности к выпивке не заладилась его жизнь, с каждым днем все больше одолевали Карима мрачные мысли, поэто-

²² Ашар – коллективная работа, старинный обычай.

му все чаще, почесывая небритые усы и бороду, он приходил сюда.

Вот и сейчас он шел по краю обрыва, не боясь, что может свалиться вниз с кручи, прямо в грохочущее русло горной реки, то подпрыгивал, размахивая ногой над бездной, то обращивался в сторону кладбища и громко кричал, то ходил взад-вперед в нетерпении. Он ждал единственного любимого человека на свете. Когда, наконец, со стороны аила мелькнул красный платок молодухи, и она заспешила среди высоких трав в сторону гор, сердце его застучало в груди, и он бросился бежать ей навстречу. Молодая женщина, пугливо озираясь по сторонам, тоже бежала. Вокруг простирались заросли цветущих растений, растекались струями благоуханные ароматы, они стали молчаливыми очевидцами свидания двух сердец.

– Гульбара, звездочка моя!..

– Карим, сокол мой, любимый...

– Почему опоздала? Я боялся, что ты не придешь, у меня сердце чуть не разорвалось. Он притянул ее к себе и крепко обнял.

– Да, я вышла рано. Но вдруг вернулся мой никчемный муженек. Хорошо еще, что телок наш пропал, отвязался. Вот под предлогом его поисков, я и поспешила к тебе, соколик мой! Ой, что это со мной, вот поешь горячие самсы. Только что из тандыра. Теплые? Ешь. В прошлый раз я приготовила еду и передала тебе, а тебя дома не было. Скоро все станут судачить об этом, опозорюсь я.

– Спасибо, милая Гюкюнтай, я благодарен тебе за все, что делаешь для меня в этой жизни. Я теперь понял тебя. А те, что заставляют меня работать, как ишака, им нужна только моя сила. Они меня споили. Теперь я завяжу с выпивкой, окончательно. Если я работаю на них, я хороший, если не работаю, даже не поздороваются. Куда катятся люди? Где справедливость? Где человечность? А совесть?!.. Бессовестные, бесчестные, льстецы и подхалимы, сколько их расплодилось, что камней в ущелье! Вчера приехала милиция, меня хотели отправить на принудительное лечение. Да, я пью. Но ни с кем не скандалю, пью, что заработаю, даже муху не обижу. Конечно, это нехорошо, что пью, но ведь за бутылку водки я работаю целый день, не поднимая головы. Как вы не можете

понять. Я молчу, и все сели мне на шею. Так, наверное, я умру в один из дней...

– Не говори так, милый. Ты справишься. Ты хороший человек. Хочешь, уйду вместе с тобой, пойду за тобой, куда поведешь. Или нам уехать к моей родне, на Иссык-Куль. Ты сегодня что-то много говоришь. Посмотри на эти цветущие поля! Кому захочется умирать в такой чудесный весенний день. Посмотри, как все прекрасно вокруг!

Вдвоем они долго бегали среди белых цветов мальвы. Среди высоких, выросших в человеческий рост цветов алтеи, они сплелись в страстных объятиях.

– Как прекрасны наши степи! Цветы прогоняют человеческую тоску, ты научись разговаривать с ними. – Карим обнял Гульбару за плечи, и с восхищением стал любоваться степью. – Теперь цветы будут встречать нас с радостью. Фиолетовые цветы будут играть на свирели, полевые белые цветы – на комузе, мальвы будут играть на трубе, овсюг – на трубе, а румяно-красные тюльпаны будут бить в барабан. Маки, поклонившись, возьмут свои красные платья в руки и кружась на ветру, то нежно, то весело будут танцевать. Я сравниваю их всегда с красивыми кыргызскими девушками. Знаешь, а бархатные шайтан-цветы, нарумянившись, смешаются с красными маками, танцующими кыргызский танец, и будут смешить нас. Овсюг, трепещущий на ветру, и тысячи других трав будут перешептываться и рукоплескать. Река, текущая по дну ущелья, то вздыбится, как верблюд горбатый, то будет пениться и кружиться вихрем, как парень с девушкой, что гоняются друг за дружкой. Шаловливый ветер с горы Акбогоз налетит и подует, и заволнуется степь, как море, переливаясь красно-синими цветами. А я как царь птиц буду дирижировать всем этим на краю обрыва, буду танцевать, смешить, радоваться. Меня будут сопровождать бархатные шайтан-цветы, дружно аплодируя, а маки – красивые девушки будут кружить вокруг меня, радуя, а я буду петь, и иногда плакать, как белая верблюдица, и повелевать всем этим великолепием.

Карим перестал говорить, и стал смотреть на закат. Солнце, багровое, катилось за горизонт...

– Цветок мой, посмотри, когда-нибудь и мы так закатимся, да?...

– Прекрати, будь добр. Кыргызы говорят, «Тот, кто много говорит, умрет». Перестань болтать!

– Ничего не скажешь, это правда, - подтвердил Карим.

– О чем ты, батюшки мои! Помереть мне, если я что-нибудь поняла. Давай уедем из этого айла.

– Куда?

– К озеру, к моим родственникам.

– Нет, Гюкюн, я не могу оправдать твоего доверия. Что скажут обо мне люди! Привела какого-то безродного бродягу, брошенного на пепелище.

– Пусть говорят, что хотят. Мне все равно. Лишь бы ты был со мной. Если ты согласен, мы можем уже завтра отправиться в путь. О, священный Иссык-Куль, как бы он не принял нас. Даже если будем просто плавать как рыбки в озере, все равно какая-то жизнь состоится, добудем средства к существованию. Ты изначально хороший человек. Исправишься. Я верю тебе как Богу. Сотрется твое прозвище «Алкаш». Станешь прежним статным молодцем. Ты на все руки мастер. Поборись теперь за себя. И тогда наша жизнь будет райской.

– Гюкюн, ты веришь, что я брошу пить, что стану человеком?

– Соколик мой, верю так же, как в солнце, которое каждый день восходит и заходит.

– Эх, Гюкюн! Тогда у нас будет своя корова, да? Ты каждый день будешь доить ее, кипятить мне молоко. Вот тогда бы я бросил свою вредную привычку.

– Бросишь, обязательно бросишь. У нас будет и дом, и корова.

– Отлично! И вправду: «Доброе слово лечит душу». Я чувствую, что уже начал меняться, чувства мои ожили.

– У нас будет много таких теплых чувств. Чем больше будет налаживаться жизнь, тем больше будешь радоваться. Но самое главное... То ли застенявшись, то ли от радости она запнулась.

– Скажи, что главное?

– Я тебе рожу красивого, здорового, как ты сам, ребенка.

– Ребенок?! Мальчик, девочка?! Какое чудо! Вот ты говорила, что на этом свете нас только двое, а теперь будет трое. Втроем мы обязательно победим.

Карим опустился на колени и стал целовать руки и живот молодой женщины. Приложив ухо к животу, стал слушать дыхание ребенка. Почувствовал он, как двигается ребенок или нет, но сердце его громко стучало в груди и наполнялось радостью. На некоторое время между ними установилась тишина, они молча глядели в глаза друг другу.

– Да, непреложная истина. Да благословит нас господь, завтра же отбудем на новое место жительства. Но, Гюкюнтай, от кого ребенок? – смущенно спросил Карим, теребя ее руки.

– Ох, любовь моя, верь мне, не сомневайся! От тебя, конечно, от тебя! Смотри, как чувствовала, что все удачно сложится. Вот увидишь, все будет хорошо.

– Дай-то бог! Скорее бы наступил этот день.

– Наступит, милый, не спеши, неспешный одолеет горный хребет. Завтра будем готовиться, а послезавтра отправимся в путь. Что скажешь? – улыбалась Гульбара, глядя на Карима, прекрасная, как полная луна, затем взглянула на солнце.

– Пусть будет по-твоему, - Карим блаженствовал.

– Теперь пора возвращаться, Какиш! Солнце клонится к закату.

– Да, да, до встречи!

– До встречи!

Они крепко обнялись, и надолго замерли, не в силах расстаться. Карим долго махал ей вслед, красивой черноглазой молодке.

* * *

Подготовка к отъезду велась тайно, но бурно. В аиле никто даже не предполагал, что эти двое готовятся к побегу. Карим прибрался в доме, почистил двор, помылся – причесался. Купил замок. Закончив все дела, решил сходить к обрыву, попрощаться. Когда он вяло плелся по улице, ему неожиданно повстречался односельчанин Калмамат.

– Ассалом алейкум, абаке, - поздоровался Карим.

– Удачной дороги тебе, Карим. Куда наострился? – спросил он улыбаясь.

Карим растерялся и не нашел что ответить, лишь молча

махнул рукой в сторону обрыва.

– Хорошо, что ты повстречался мне, Карим. Я уже собирался послать за тобой. Удачная встреча! Ты знаешь, с зимы уже джене²³ твоя покою мне не дает, построй мне тандыр, да построй, замучила меня. Карим не мог отказать этому торговцу, которого в аиле все слушались, он вяло сказал:

– Схожу туда в горы, потом вернусь.

– О, боже, потом говорит, если не поставлю ей тандыр сегодня, она меня в дом не пустит. Да, а завтра мы ждем гостей. Наверное, она хочет испечь хлеб в тандыре. Пойдем...

– Потом пойду, аксакал.

– Да чтоб тебя, - видя сопротивление Карима, односельчанин его разозлился. - Что ты заладил, как баба, «потом пойду», «потом пойду». Что нельзя помочь старшему тебя человеку, что грязь к рукам прилипнет? Или ты хочешь меня опозорить? Один раз попросил – не хочешь, второй раз попросил – не хочешь, ну-ка ступай, иди впереди меня!

Карим не посмел возразить аильному аксакалу и засемянил впереди него.

– Хорошо, аксакал, я пойду, вот иду впереди вас.

Когда они вошли в дом, на топчане во дворе сидели несколько человек и пили водку, громко разговаривая. Карим сразу же принялся за работу, засучив рукава, и не обращая ни на кого внимания. Он очень спешил, пот шел с него градом.

Когда Калмамат враскачку, лениво, подошел к нему с друзьями, увидел, что работа спорится и подходит к концу, обрадовался.

– О, Каки, так ты уже закончил. На, выпей сто грамм, подбодрись, пропотеешь, и работа будет спориться!

– Спасибо, не пью. Не утруждайте себя.

– Нет, это не дело, не обижай аксакала, выпей, - сказал рыжий мужчина с большим животом. Другой, красноглазый, присоединился к нему.

– Да, чтоб тебе околеть, что ты упрямисься, если аксакал предлагает тебе выпить, выпей, даже если это яд, даже если тебе грозит смерть.

Вдвоем они стали принуждать Карима выпить.

²³ Джене – жена старшего брата.

– Ну-ка, ну-ка, дайте мне слово, – сказал Калмамат, выкатив zenки, те двое сразу притихли.

– Что случилось с тобой, Карим? Ты же пил ведрами, ты пил лежа в навозной жиже, ты пил за другими недопитое, какая муха тебя укусила?

– Аксакал, я вам очень благодарен. Работа сделана. Дайте мне возможность тихо уйти. Не принуждайте...

– Ах ты, молокосос, вот я тебя взгрею! В этом айле никто не заставляет меня говорить дважды. Сказал тебе пей, пей! Эй, парень, в эти тяжелые времена бутылка водки, выставленная на угощение, что твой барашек, зарезанный для гостей. Что ты кокетничаешь, как девица? Ты знаешь, кто я? Я самый удачливый и умный торговец айла! Ну-ка, осуши стакан.

Уставший от приставаний Карим выпил водку.

– Давно бы так, а то ломаешься как баба, стервец! – сказал пузатый мужчина.

– Ну не говори, а то хотел обидеть аксакала. Что б тебе, пей теперь! Оказывается, ты пьешь, – сказал раздраженно красноглазый.

– Да еще как пьет, прямо из бутылки. Ну-ка, покажи народу, – сказал айльный торговец, протянув захмелевшему Кариму бутылку. Он не стал сопротивляться. “Чему быть, того не миновать», – подумал он, и взхлеб выпил все, окружающие одобительно поддерживали его.

– Вот теперь можешь пойти куда пожелаешь. Дело закончено. Выведите его за ворота, пока он не свалился тут, – распорядился хозяин.

Мужики выволокли его вмиг за ворота. Освободившись от Калмамата, Карим напрямик направился в горную долину с речкой.

Был он вял, в висках стучало, глаза лезли из орбит. Сейчас он ненавидел всех. И больше всего себя, за то, что не сдержал обещания, за свое безволие. Лишь к вечеру, когда уже вернулся скот с выпаса, когда поредели ряды, ищущих пропавшую скотину, добрался он до намеченного места. Жужжала мошकारа, стрекотали кузнечики, в лунной ночи он остался один на краю обрыва, испытывая сильное беспокойство, в крайней степени удручения. Еле передвигал он отяжелевшие

ноги, со лба лился обильный пот.

Окрестность быстро темнела, мрачно взглянул он в сторону кладбища. Несмотря на вечернюю прохладу, в голове непрерывно стучало. Перед глазами возникали странные видения, его тошнило, горло перехватывало, как будто что-то давило его прямо посередине спины. - «Опять началось?» - подумал он и огляделся вокруг себя... увидев старого знакомого, злобно осклабился. - И сюда добрался чудище, шайтан, шакал проклятый. От тебя нигде не скроешься. Сгинь прочь с глаз моих! - сказал Карим, собрав последние силы, он пнул в сторону айла.

Ему захотелось уйти, чтобы не морочить себе голову. Вдруг сзади послышался голос:

- Постой, Карим, не уходи, не бросай нас! Как долго ты мучаешься, совсем извелся, бедняга. Иди к нам, у нас спокойно, душа твоя успокоится, - сказала привидение.

От страха Карим облился потом, крупные капли его закатывались за пазуху. Озираясь по сторонам, он таращил глаза. Травы тревожно шелестели.

- Что выпучил глаза?! Иди, тебя же зовут, - сказал шайтан, неожиданно выскочив перед ним.

- Вижу без тебя, чудище поганое, не встречай. Сейчас я тебя? - Карим сорвал с головы колпак и запустил в шайтана. Тот мгновенно исчез, взмахнув хвостом.

- Простите, вы кто? Куда зовете вы меня каждый день. Измучился я, не соображу, кого слушать мне.

- Услада для души здесь, следуй за мной, - сказала привидение, появившись прямо перед ним.

- Давно бы так, иди, быстрее передвигай ноги! - стал подгонять его шайтан.

- Тебе то что, бесстыдник, сам знаю.

Карим замахнулся на старого знакомого. Он, виляя хвостом, возникал то в одном, то в другом месте, смеясь до слез, ахал и охал от удовольствия.

- Подождите, куда вы спешите? Давайте вместе, рядом пойдем, - жалобно попросил он и подался вперед. В одно мгновение Карим оказался на самом краю обрыва, но он не осознавал этого. Далеко внизу шумела река, небо притягивало его.

- Ой-ой, опять остановился, да иди ты побыстрее! Иди,

ведь ты настрадался на этом свете, а на том, душа твоя успокоится, сколько раз тебе говорить. Вот так, подгоняя, сколько людей я спас. Правда, ханжа?!

Нечистый, размахивая хвостом, хвастливо взглянул на привидение.

– В словах его нет лжи, это правда. В этом мире много чудиц, которые сбивают с прямого пути. Они правят такими как вы. Они совращают, искушают, без всякой подготовки овладевают вами. А ты не обижайся. Шайтан соблазнил тебя, привел ко мне, и мы встретились. Знаешь, а я ведь тебя раньше обходил стороной, жалея. А теперь смотрю – совсем извелся ты, исстрадался. Среди множества людей ты одинок. Поэтому я призываю тебя к себе, – сказала привидение, одетое в белое с головы до ног.

– Да, я одинок, но хочу сказать, что есть у меня хороший человек, семейный. Для меня – это подарок судьбы, уважаемый и почитаемый. Есть у меня цветы, которые разгоняют мою печаль, тоску. Есть у меня своя дорога в жизни, полная страданий и утрат.

– Да, да, мы есть у него! – прошелестели цветы на краю обрыва.

– Да, да, мы есть! – откликнулось эхо из бездны.

– Вот, слышишь ты? – спросил человек, потерявший себя в жизни.

– Слышу, но ты почему-то испугался эха. Не пугайся, я покажу тебе дорогу. Не смотри вперед, иди, иди, мой сильный...

Холодно улыбаясь, привидение пролетело по воздуху и оказалось впереди. Карим спешно шагнул за ним, будто боялся отстать.

– Сейчас, сейчас... А...аа...аа...а? – раздался его отчаянный крик, Карим упал с грохотом на дно пропасти.

Багровое солнце закатилось, цветущая степь заколыхалась на ветру, тяжело вздохнула, она прощалась с любимым человеком.

На следующий день нашли бездыханное тело Карима. Он лежал ничком с открытыми глазами. Шляпа его повисла на мальве, растущей у самого края обрыва. Предавая тело Карима земле, многие говорили: «Хороший был человек. Да будет ему земля пухом!».

ПРЕСТУПЛЕНИЕ РАВНО НАКАЗАНИЮ

В районном отделении милиции капитан дежурной части вел беседу со стариком.

– Гражданин Лопухов, вы с прошлого года были оштрафованы более двадцати раз. Жалобных писем на вас вот столько накопилось, с ваш рост. В пьяном виде своим соседям не даете покоя. Хоть ночью, хоть днём, ругаетесь нецензурными словами. Без конца хулиганите! Скажите же, наконец, когда успокоитесь!?

Старик, прищурился, иронично взглянул на капитана. Ему захотелось по старой привычке вышучивать милиционеров. Потому что у него всё время чесался язык.

– Когда умру!..

– Гражданин Лопух... х...ов, перестаньте издеваться! Стыдитесь на старости лет.

– Я? Кого? Стыдиться жены, детей – они у меня есть? Стыдиться самого себя, да!? Простите, начальник, я давно лишился своей семьи, остался один как перст. Никому я ничем не обязан. Пью на свои деньги, если хотите знать, товарищ, извините, гражданин начальник, – ответил он, мрачно нахмурившись.

Капитан дежурной части, выпучив глаза, раздражённо бросил взгляд на невысокого худощавого, сероглазого, льстивого старика с проседью в бороде, который на своем веку пережил много скандалов. Конечно, капитан сильно обозлился, но сорвал свою злобу на карандаше, сломав его пополам, когда взвешивал свои эмоции.

– Хотя бы семью Дуниных не беспокойте, не угрожайте им!

– Угрожал, что я сделал?! Если они не хотят жить со мной в одном доме, то переселите их в другое место, дурных интеллигентов...

– Подумайте, прежде чем говорить. Если потребуется, мы вас переселим!

– Переселите!? – старик разгневался. – Старого человека, пенсионера не имеете право переселять.

– Если не имеем права переселять старика-пенсионера, то перестаньте пить, не устраивайте переполох среди людей. Пусть это будет последним предупреждением. Товарищ старшина, отдайте вещи гражданину Лопухову и проводите его на улицу, – капитан дал знак, что разговор окончен.

Старик бормотал про себя:

– Моя милиция меня бережет.

– Еще о чем болтаете?

– Говорю, до свидания, – хитро улыбнулся Лопухов.

– Больше не пейте спиртных напитков! – капитан грозно помахал пальцем.

– Этого я не могу обещать, это не зависит от меня. Может, зависит от этого, – щелкнув пальцами по своему горлу, он снял шапку и поклонился. – Счастливо оставаться, будьте здоровы!

– Этот старик нам надоел. Сколько раз можно штрафовать, десять, двадцать!? Арестовывали, держали под стражей сутками, чтобы отрезвить его. Ничто не действует. Эх, старик, старик, – причитал вслед капитан.

Лопухов, идя по дороге, ругал всех, кто его ненавидел: соседей, которые жаловались на него в милицию. Пощупал карманы. Оглянулся по сторонам. Вытащил из кармана мелочь. Глаза его радостно забегали, потому что денег хватало на выпивку. Сгорбившись, он резко повернулся в сторону пивного бара, который находился на противоположной стороне улицы. Большой автомобиль с грузом резко затормозил, чуть не сбив старика. Раздражённый водитель обругал его отборной бранью. Но он не обратил на это внимания. Прямо пошел к толстой буфетчице и дал ей деньги, взял в руки два стакана с вином и один за другим выпил. Немного вспотел, заказал еще

два стакана. Наслаждаясь, опять взял в руки стакан. Мелкими кусками разжёвывал копчёную рыбу – разыгрался аппетит. Вино поднимало настроение. Старик большими глотками выпивал то вино из гранёного стакана, то пиво из большой кружки. Повторил заказ. Ему с каждым повторением становилось всё лучше. Спиртные напитки разливались по всему телу, возбуждая вспыльчивый характер старика. Теперь он себя ощущал героем, ничего не замечая, задевал всех замечаниями. Люди выволокли из пивного бара пьяного старика. Даже после этого он не успокоился.

– Я говорю, отпустите меня. Отпустите! Я трезвый, как младенец. Вот поглядите, как я хожу. Хожу прямо, не падаю, не ругаюсь.

Старик в жалком состоянии шатался из стороны в сторону, язык его едва ворочался. Покачиваясь, он шел по коридору. Ноги его заплетались, будто нес он тяжёлый груз. Не сделав и десяти шагов, он упал лицом вниз. С жалким упорством царапал землю, то падал, то снова поднимался. Пуская слюну, широко раскрыл рот.

– Если мне не верите, то я спою вам. Послушайте, люди добрые!

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег крутой.*

Вдруг навстречу ему вышла старуха с маленькой собачкой и остановилась.

– Ух, какая, красивая собачка, хочешь? – старик ощупал карманы, как будто чем-то хотел угостить собачку. Но, ничего не найдя, протянул руку. – Ах, какая собачка, ну, получай! Старик неожиданно рукой ударил собачку по морде. Собачка, почувствовав боль, заскулила и убежала в сторону дома. Старуха сильно испугалась и громко крикнула:

– Ах, проклятый, караул! Люди, идите сюда! Проклятый старик убил мою собаку. На помощь, на помощь!

Пьяный старик не ожидал такого поворота, злобно закричал на старуху.

– Ах, хитрая старуха! Хочешь разводить собачек, сначала изучи их повадки. Оказывается, твоя собака слишком злая. Ну-ка, посмотри на мою руку – чуть не укусила.

– Ах, дряхлый старик, не говори ерунды! Ты же ударил её кулаком. Будь проклят! Собачка моя - милая! Она никого не трогала и не трогает.

– Эй, уродливая старуха, оказывается, ты злее своей собачки. Ну, погоди!

Старик протянул руку с растопыренными пальцами, как будто хотел задушить старуху. Старая женщина от испуга широко раскрыла глаза, закричала во весь голос:

– Ах, он, оказывается, пьяный. Убивают, убивают!

Старик Лопухов с силой толкнул старуху, и она свалилась с ног.

– Убивают, убивают! Милиция! На помощь! На помощь!

– Не кричи, зловонная собачка! Умираешь – туда и тебе дорога. Тьфу! – старик плюнул в лицо старухи. – Лучше бы меня покормила, чем свою жирную собачку.

Пьяный огляделся вокруг, едва передвигая ноги, спрыгнул с бордюра и свалился вниз.

– Милиция, зовите милицию! Меня убивают! – без конца кричала старуха.

* * *

Дунин готовился ко второй смене.

– Сашенька, как ты думаешь, старика Лопухова в отделении милиции будут держать долго, или он может появиться снова со своими криками-выкриками? – спросила жена, тревожась.

– Наташа, не бойся, милая! Вроде привыкла к пьянству старика. Потерпи год-два, настанет день, когда простишься с коммунальной квартирой. Вот тогда кухня будет отдельная. Проклятый старик тогда и там наверно будет сниться тебе.

– Саша, милый, до того дня дожить надо. Только я одна, что ли? Над всеми жильцами коммунального дома издевается, ругает, когда захочет, то топором, то ножом пугает детей, стариков и старух. Когда он здесь, нам покоя нет. Унижает наше человеческое достоинство, он даже бога не боится. Но

мы его боимся, слыша его голос, прячем детей, не можем попасть на кухню. Для него все это зрелище - даже не укус комара. В который раз издевается, сколько неприятностей принёс нам. Мало он пугал нас, при удобном случае любого встречного человека догонял и избивал до полусмерти.

– Наташа, милая, что от меня требуешь? Куда только мы ни жаловались: и в милицию, и в прокуратуру, и в администрацию района. Убедительно просили, чтобы они принимали соответствующие меры, но никаких мер не принято. «Хулиганит, бьёт, ломает, ругается, не даёт покоя», – на такого типа заявления милиция в последнее время уже никак не реагирует. По-моему, им он тоже надоел. Знаешь, на прошлой неделе какой ответ пришёл?

– Когда бабушку Аграфену искалечил?

– Да, пришёл вот такой ответ: «Пострадавшая предъявляет необоснованный иск против гражданина Лопухова, якобы он избивал её. Следствием установлено, что А. Казанова получила незначительную травму, не влияющую на здоровье человека. В связи с этим суд отказывается возбуждать уголовное дело против гражданина К. Лопухова. Заявление рассмотреть по месту проживания».

– Если он всех терроризирует, кто будет рассматривать наше заявление? И суд в третий раз отказывается привлекать его к ответственности. Неужели они ждут какого-то тяжёлого преступления, которое рано или поздно случится!? Нельзя давать волю старику, который извёл народ.

Женщина не знала, что делать. Просто ходила по кухне, взад и вперед. Она в своей жизни мухи не обидела. И сейчас горевала по-своему. Муж не знал, что сказать, чесал затылок. Думал. В конце концов, заговорил.

– Так и будет. Когда старик всех нас топором разрубит, тогда, может быть, спокойно заживём. До этого...

Жена не вытерпела. Она вспыхнула гневом.

– До этого мы ждём преступления, когда он убьёт кого-то? Правоохранители тоже ждут с нетерпением. Может быть, тогда Лопухова поймают и посадят в тюрьму?

– Наташенька, милая, не думай о нём, пожалуйста.

Дунин взял руки жены и ласково провёл ими по своему лицу.

– Сашенька, если хочешь знать, то за себя не боюсь. Беспокоюсь за детей, за дочку и сына. Они же страдают, в конце концов.

– С тех пор ровно семь дней прошло, как милиционеры увезли проклятого старика. Может, он оттуда успокоенным вернётся? Давай лучше поговорим о воскресном дне, потому что завтра отдыхаем. Пойдем на прогулку в парк. Покатаемся на горках, покачаемся на качелях, будем есть мороженое. Да, дети?

– Ура, на прогулку пойдём! Мороженое будем есть, – дети подняли весёлый шум.

– Конечно, мои милые, разве бывает прогулка без мороженого и весёлых игр? Пойдём, да, мать?

Мать молча покачала головой и умоляюще посмотрела на своих детей. Сын прибежал из коридора, чтобы рассказать нечто важное.

– Папа, ты можешь сегодня на работу не идти? Мы дяди Киры очень боимся.

– Тима, ты уже взрослый. В следующем году в школу пойдёшь. Взрослый парень разве боится? Не так ли, мать?

Но мать не ответила. Молча стояла.

– Потому что дядя Кира плохой, – продолжал сын свой рассказ. – Раньше он нас отравил газом. Поэтому его и мама боится.

– Ты не бойся, тогда и мама не будет бояться.

– Я тоже боюсь, – сказала маленькая дочка.

– Люсенька, если будешь бояться, то на прогулку не пойдём.

– Я пойду со своей куклой. Дядя Кира тоже идёт, да?

– Он не пойдёт. Ты идёшь со своей куклой, дочка моя.

– Да, тогда пойду. Мама, ты тоже идёшь, да?

Мама и на этот раз угрюмо молчала и продолжала смотреть на своих детей. Наконец сказала:

– Милые вы мои, обязательно пойдём. Отца больше не держите. Пусть идёт на работу. А я буду готовить вам ужин, вы согласны, миленькие?

– Мы согласны! – сказали дети хором.

Папа с мамой вышли на улицу. Перед домом прогуливалась бабушка Аграфена.

– Саша, от кровожадного старика нет вестей? – спросила с тревожным взглядом.

– Бабушка, пока никаких вестей. Прогуливайтесь, сколько душе угодно.

– Я тоже думаю так. Когда он здесь, у нас покоя нет. Правильно!? – сказала она.

Супруги одобрительно покачали головой.

– Ну, милая, иди домой. Смотри за детьми, а то они пугаются, – сказал Дудин своей жене. Наташа поцеловала в щёку своего мужа, и они расстались.

* * *

Жена Дунина поднялась очень быстро на второй этаж. Миловидная молодая женщина, не впервые ощущала тревогу, войдя в квартиру, крепко обняла своих детей. Подумала о своей дружной семье и улыбнулась. Мягкая поступь и быстрые движения молодой женщины наполнили комнату весельем. Немного погодя с посудой в руках вышла на кухню. Увидела запертую на ключ квартиру старика. Сердце на миг замерло. Затем мелко нарезав лук, начала жарить мясо. Руки работали, но в мыслях стоял силуэт старика. Налила в кастрюлю воды, попробовала на соль, вытерла руки полотенцем. Только хотела вернуться в комнату, как с улицы донёсся громкий крик.

– Идёт, старик идёт!

Из рук женщины слетело полотенце, по телу пробежали мурашки. Засуетилась, ничего не видя вокруг. «Правда, что старика выпустили? В конце концов, выпустили мерзавца-старика. А старик, как раненый медведь, с криками-выкриками направлялся в дом. «Если он ревёт, значит, в милиции не припугнули его. Теперь нам житья не будет, что поделаешь, к несчастью, мы живём в одной коммуналке», – думала она.

Люди на вечерней прогулке переполошились, как будто волк напал на овечий загон. Послышались шумные голоса детей. Старик Лопухов ругал, разносил всех на все лады. Окно разбил, и поэтому некоторые позакрывали занавески. Машущий топором то влево, то вправо старик всех испугал. Топор

казался страшным орудием, которое всех подряд убивает на месте. Переполох людей, крики старых, шум детей возбудили всех. А он продвигался к дому, полный отваги. Глаза покраснели, как у волка, изо рта срывались бранные слова. Лицо старика было исполосовано кровью, а выглядел он, как ангел смерти.

– Эй, эй, мать вашу, сегодня кто будет пускать пулю в лоб, все испугались, да? Пугайтесь, пугайтесь, пусть землю вашу затопит вода! Мне тоже дайте право жить. Я тоже, – пару раз стукнул себя кулаком в грудь, – сын своей Отчизны! Пусть вас проглотит земля, старые пеньки. Сегодня всех зарежу, поубиваю! Задавитесь вы все!

Своим топором он разрубил молодые саженцы вдоль дорожки, разгромил скамейку, детскую коляску, которая стояла у входа. Бабушка Аграфена незаметно хотела убежать от хулигана-старика, но он увидел её. Пьяный быстрыми шагами добежал до неё.

– Ну да, неуклюжая обезьяна, прогуливаешься без моего ведома. Как ты можешь дышать? Ведь это ты сдала меня в милицию. Будь ты проклята, зловонная свинья!

– Ты на меня ни с того, ни с него не набрасывайся. Ты что, с ума сошёл? Одумайся! Старуха не растерялась, хотела дать отпор старику, но не получилось. Дрожала. Руки тряслись. Она предполагала бежать.

– Ну, еще лаешь, да, старая собака? Тогда получай!

Он толкнул её назад, ударил ногой в живот – старуха согнулась и всем телом рухнула на землю. Пыхтела, боязливо пряча голову от увесистого кулака.

– Кира, пощади! Не убивай, извини старую дурочку.

– Мало тебе!

Он сел на свернувшуюся клубком женщину и схватил её за волосы. Сильно бил руками по чему попало, изливая свой гнев.

– Где проститутка Дунина!? Говори! Мать вашу, если надо будет, то всех живьём проглочу. Ты, обезьяна, не смыслишь этого!

Старуха ничего не могла говорить. Старик Кира, оставив в покое неподвижную старуху, пошёл искать жену Дунина. По дороге встретил молодую женщину с сумкой. Она только

что вышла из автобуса и беспечно шла домой. Пьяный старик швырнул бутылку в её сторону. Бутылка разбилась вдребезги. Женщина оказалась бойкой и, быстро опомнившись, скрылась в подъезде. Старик, машущий топором, погнался за ней, но скоро потерял её из виду. Он, не останавливаясь, поднялся на второй этаж. Тяжело дыша, ворвался в кухню, одним ударом расколотил кастрюльку, которая стояла на плите. Затем топором постучался в квартиру Дуниных.

– Открывай, кобыла! Открывай, говорю, сплетница! Руку, которая против меня написала жалобу, затолкаю в твой рот. Открывай!

Топор с грохотом ударился в дверь. В один миг весёлая Наташа стала угрюмой. В мрачном настроении дверь не открывала. Она хорошо поняла, что счастье рушится, надвигается беда. Беда-то находилась рядом, с той стороны двери. Как решето, раздроблена дверь, похоже, не выдержит натиска старика-хулигана. Несмотря на это, она не поддалась страху. Вдруг из другой комнаты послышался плач дочери. Вокруг пахло гарью. Женщина умоляла:

– Прошу вас, оставьте нас в покое. Дети пугаются. Если не прекратите, то позову милицию.

– Ах, милицию позовешь?! Посмотрим, как ты будешь звать их. Отворяй дверь, кобыла! Эй, развратница, попробуй-ка теперь, если ты храбрая, спасись бегством от меня.

Наконец, топор сделал свое дело. Когда старик сильно дёрнул за ручку, дверь распахнулась. Ругаясь, разбушевавшийся буйный сосед злобно бросился в комнату. В самом углу женщина искала защиты. Сглатывая слюну, хулиган вращал дикими глазами, как будто добыча сама шла к нему в руки, и заносчиво улыбался.

– Ну, старая кобыла, всё-таки встретились!? Я, понимаешь ли, в этом обществе лишним оказался, да!? Вы чистенькие, а я заквашенный старик что ли!? Ух, ты...

Лопухов приставил топор к горлу женщины. Его красные глаза бегали то влево, то вправо, быстрой смерти не желали. Он хотел, чтобы соседка на четвереньках ползала, умоляюще просила прощения. Но этого не произошло. Когда, схватив её за грудки, он сильно дёрнул, порвалось платье. Страстно смотрел он на белую грудь женщины. Вытекающую слюну

быстро и возбуждённо проглотил.

– Где дети!? Отвечай, проголодался, буду выпивать кровь твоих детей. Мать вашу, почему молчишь, распевай! Или я мешаю вам жить? Не так ли, говори!

Соседка Наташа не отвечала, молчала. Двумя руками кое-как укрывала грудь. Бросила взгляд на другую комнату, там находились её дети. Если хулиган узнает о детях, то им конец, и поэтому она очень перепугалась. Но набралась смелости.

– Что у тебя, язык отнялся, да?! – накидывался старик.

– Милый сосед, вы живите, и другим тоже дайте возможность жить.

– Ах, нечистая баба, хочешь еще нотацию читать, как птица, прилетевшая из рая...

Мстител-старик своим топором хотел ударить её по голове и одним ударом проститься с неудобной соседкой. Но как раз в это время из другой комнаты вышли её дочь и сын. Старик, резко повернувшись, грубо махая топором, грузно шатаясь, потопал в сторону детей. У матери забегали глаза. Но в то же время её материнское чувство придало ей необыкновенную храбрость. Вздохнув, она подалась грудью вперёд и набросилась на обидчика, подобно свирепому волку. Схватила старика за шиворот и так крепко толкнула, что тот полетел кувырком и ударился об стену. Из рук хулигана вылетел топор. Мать решительно сделав два шага вперед, добралась до перепугавшихся детей. Дочку подхватила, сына взяла за руку и направилась к выходу. Но старик встал на ноги и преградил путь. Из-за пазухи вынул кустарный нож. Два-три раза успел махнуть ножом. Он, как раненый зверь, рассвирепел и готов был живьём проглотить женщину-соседку. Наташа, опустив дочку на пол, прикрывала детей.

– Я желаю вашей крови. Мне житья нет, и вам тоже не дам права на жизнь!

Старик-хулиган накинулся открыто. Теперь защищались троём. Женщина, устремившись вперед, споткнулась о топор. Не раздумывая, живо подняла его с земли.

– Не подходи, подлый старик! Не подходи! – отчаянно кричала женщина.

Как раз в это время непослушный старикан уже начал

махать своим ножом. Он так рубанул им наискось, что срезал подол платья. Наташа вынуждена была защищаться. Ситуация быстро менялась, они боролись. Хулиган – за себя, женщина защищала свою семью. Кровожадный старик, воспользовавшись преимуществом, нож направил прямо в сердце женщины. Но она интуитивно подняла вверх топор, и он опустился на голову. Старик, покачнувшись, хотел сделать шаг вперед, но испуганная Наташа еще раз ударила его обухом по тому же месту. Из рук старика выпал нож. Кровь хлынула из его головы и забрызгала лицо женщины. Старик упал лицом вниз. Кровь расплывалась по полу. Женщина сильно растерялась и не знала, что делать. У неё ноги отнялись, не представляла, какое несчастье свалилось на её голову. Не могла разобраться: сделала плохо или хорошо. Просто про себя бормотала: «Я защищалась. Уберегла семью от кровожадного старика». Она с трудом разжала пальцы, топор грохнулся на пол. Лицо женщины побледнело как полотно, дочку она взяла в охапку, сына повела за собой. Осторожно обошла страшного старика. Помыслы о счастье и желания женщины рухнули в одно мгновенье, слова, который год бурлили в мыслях, сами по себе выскочили из самого сердца.

– Рано или поздно должно было случиться, вот и случилось. Сама пойду, куда надо...

Увидев спускавшуюся по лестнице женщину с детьми, народ разделился во мнениях. Мать двоих детей растерянно покачивала головой. Один из соседей, высунув голову из-за двери, испугался.

– О, боже, она, оказывается, убила старика!

Все смотрели в сторону соседки Наташи, выражая кто ненависть, кто жалость, трудно было разобрать. Дочка капризничала, сын шёл молча. Народ сопереживал и печалился, следуя за женщиной. Сзади слышались жалобные голоса.

– Наташа, милая, куда ты идёшь? Хотя бы оставь детей, – сказала обеспокоившаяся старуха.

– Эй, кто-нибудь, известите мужа, – выкрикнули из толпы.

– Я извещу, не беспокойтесь! – ответил кто-то.

– Ну, правильно, только быстро, милый!

– Наташа, ты ни капельки не виновата. Мы же знаем ху-

лигана-старика, от которого никому покоя не было. И другие скажут...

– Смерть сама привела его сюда. Ты убила не человека, а кровожадного злодея! Защищалась и защищала семью.

В гуле голосов сложно было различать какие-то фразы. Люди остановились на улице, у телефонной будки. Впереди всех идущая Наташа зашла в телефонную будку. Народ шумел, выстраиваясь рядом и изумляясь, думал, мол, «диво такое». Женщина не обратила внимания на людей, не сказала «Что вы стоите и глаза пялите!» Ей было все равно. Вот тогда народ понял, чего хочет Наташа, и стал ждать, вздыхая. Вокруг безмолвствовала тишина. Слышалось чириканье воробей. Женщина набрала номер 102.

– Алло, это милиция?! Я звоню с улицы Коммунальной, 13...

– Ну, понял, опять старик Лопухов буянит, да?! Если буянит, то привяжите его к дереву. Пусть до утра отрезвеет, вот тогда припомнит, и будет знать силу народа, - хихикая, ответил капитан из дежурной части.

– Нет, совсем не так. Лопухова... убили...

– Как, каким образом!? Кто убил!?

– Я... топором...

– Кто!?

– ?..

– Алло, кто убил, повторите, пожалуйста!

– Я, Наташа Дунина. Заберите меня!

СКВОРЕЦ

Последние дни мая. Окрестность расцвела алыми цветами, раскинулась как дивный ковер. Все вокруг покрылось буйной растительностью, и зеленая мурава радует глаз. Подует прохладный ветерок с белоснежных вершин, заволнуются густые высокие травы, и со взгорий тянет запахом полыни и ковыли. Далеко внизу, где течет бурная река Тар, стремительно неся свои воды, зеленеют высокие ветвистые деревья - там прикорнул небольшой аил, столь милый моему сердцу. С раннего утра я гулял там и восхищенный взор мой остановился на небольшой рощице пирамидальных тополей. Они росли чуть выше нашего дома. Рядом шелестели высокие чинары, пронизанные лучами солнца, и сердце билось сильнее от восторга и хотелось запеть.

Уже много лет здесь гнездились чёрные скворцы, полюбились им эти высокие чинары, сколько птенцов взрастили они с железными крыльями и выпустили ввысь! С самого раннего утра мы привыкли наслаждаться трелью скворцов. Они долго услаждали слух мелодичными звуками, завораживая нас, потом, враз взмахнув, крыльями улетали. Это были для нас лучшие дни! С ранней весны мы чинили скворечники, чистили, поправляли их деревянные домики, оберегали их от посторонних птиц и людей. И не только оберегали, но даже не позволяли себе хмуриться в их сторону.

Вот они, летают вместе с неокрепшими своими птенцами, подхватывая их при малейшем дуновении ветерка, изливая на них свою материнскую нежность. Под звон любимых мелодичных трелей я радуясь вывел своего братика Марата поиграться. Младший брат мой по обыкновению стал шалить. Еле успокоив озорника Марата, я сел поодаль от него. Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг послушалось пронзительное чириканье птички, я стремглав кинулся туда.

Под чинарой лежал, трепыхаясь, скворец, из клюва сочилась кровавая пена. Быстро наклонившись, я взял его в руки. Тельце его дрожало, глаза быстро мигали, словно хотел он насмотреться на белый свет, вдруг клюв его широко раскрылся, и ноги его вытянулись вперед. Сердце его сильно забилося и, вздрогнув всем тельцем, он уронил голову. Увидев, что он

умер, я почувствовал слабость во всем теле. Я тихо повернулся и посмотрел на сильно побледневшего Марата.

– Брат, брат! Я не хотел этого! Правду говорю, правду! Он, волнуясь, придвинулся к птичке в моей руке, жалея ее.

– Эх, глупец! Эти твои шалости... смотри у меня?!

Я угрожающе двинулся к нему и со злостью вырвал у него из рук рогатку. Он испугано взглянул на меня заплаканными глазами.

Тем временем со скрипом открылась дверь летней кухни и вышла мама с чашкой в руках. «Что опять натворил этот озорник?» – думала мама тревожно, и подошла к нам, так как знала Марата, как свои пять пальцев.

Я спрятал руку за спину, стал пятиться назад. Рука моя дергалась, вспотела. Мама, почувствовав неладное сердцем, тихо спросила:

– Что случилось?!

Опустив глаза, я показал тельце скворца. Мать испугалась и вскрикнула, уронила чашку с водой из рук:

– Накажи вас Бог! Кто будет отвечать за этот грех?

Она глубоко вздохнула, безмолвно что-то шептали ее губы, волосы растрепались под платком, и обиженно подетски сморщилось лицо. Потом притянула меня к себе, положила руки мне на плечи и прикрыла заблестевшие глаза, тотчас из глаз побежали по щеке две слезинки. У меня сердце сжалось от боли за маму, я понимал, что эта маленькая тварь для нее сейчас самое святое и дорогое.

– Мама, вы плачете? Вправду плачете?

Я придвинулся к ней, чтобы вытереть слезы, но мама тихо оттолкнула мою руку.

– Эх, сынок, ты ничего не понимаешь. Что будет теперь с ее малыши птенцами? Горе им! Как нужен ребенок матери, так и мать нужна детям.

Я молчал. Мама вытерла слезы кончиком платка. В это время послышался шорох со стороны двора, я прислушался. Мама и Марат, насторожившись, тоже приподняли головы. Птенцы неумолчно пищали, раскачиваясь на верхушке дерева, надрывая сердце, а тут еще подошел старший брат, стуча об землю деревянной ногой тук-тук, брат, которого мы так долго ждали с афганской войны, я весь вспыхнул, все тело у

меня загудело. Мать сдержанно объяснила ему суть дела, а я показал скворца. Брат покраснел от негодования и с горячностью выпалил:

– Нет! Не-ет! Такого не должно быть. Им тоже хочется жить, им тоже дорог белый свет, разве не творение божье они?!

Больше он ничего не сказал. Обхватив голову руками, задрожал и весь затрясся. Мне было тяжело смотреть на состояние матери и старшего брата. Перед глазами стояла только одна картина: оледеневшие ноги скворца, побледневший клюв. Вот, кажется, сейчас он взмоет в небо, улетит в синеву! Но моя большая ладонь для него как силок, не может он выбраться, нет сил. Мертвое тельце скворца на моей ладони причиняло мне боль, и держало все тело в напряжении. Мне захотелось просить прощения у птенцов, которые беспрестанно пищали на верхушке дерева.

– Не печальтесь, милые птички! Мы всегда будем с вами. Придут дни и месяцы, когда будете парить в небе!

И с этого дня мы с Маратом каждый день поили их, кормили зерном, не отходили от них ни на шаг, с нетерпением ждали, когда наступят для них счастливые дни, и будут они безмятежно парить в небе и заливаться счастливой трелью.

Наконец наступил этот долгожданный день! Мама сказала: - Сегодня мы выпустим в небо наших птенцов! Мы были несказанно рады – я и Марат. Наши старания были не напрасны! Особенно младший брат Марат отличился, он с особенным усердием выхаживал птенцов, и пообещал никогда больше не стрелять в пернатых из рогатки.

– Теперь летите ввысь, наслаждайтесь вволю! Вы наши неразлучные друзья, да будет удачной ваша дорога. Летите! Летите! – так напутствовали мы каждого птенца, отправляя в полет.

Мама обняла нас и, радуясь, смотрела на скворцов, что облетали наш дом. Мы тоже любовались их виражами в небе, и были счастливы.

ЗАЙЧОНОК АЙДАРА

Остроконечные пики гор, покрытые ледниками, сверкают, изумляя всех своей редкостной красотой. Со склона горы бежит родник с кристально чистой водой, пенится по камням и ложбинам. Как прекрасно джайлоо летом! Высоко стоят густые зеленые травы, и ковыль и полынь источают терпкий аромат. Цветы переливаются всеми цветами радуги и издали уже долетают удивительные запахи. Белая юрта Абдилаза-ата, и отара белых овец, рассыпавшаяся по разнотравью, прибавляют к красоте джайлоо свой неповторимый колорит.

Абдилаз-ата на прошлой неделе, на выпасе поймал маленького зайчонка. Зайчонок был длинноухий, уши чуть подернутые, голубизной свисали вдоль тельца, сосунок был очень мил и беззащитен. Маленький зайчонок стал для маленького Айдара неожиданной радостью, он принял его как бесценный подарок. Теперь со дня на день хлопоты Айдара все увеличивались, с утра до вечера он возился с зайчком, пестовал его и лелеял, не спуская с рук.

Конечно, ведь скоро начнется учебный год, и Айдар пойдет в школу в первый раз. Да! И с кем вы думаете, он пойдет? Конечно, со своим любимым зайчком. Ребята столпятся около него от удивления, открыв рты. И разве плохо, если живой уголок школы пополнится еще одним живым существом? Айдар представлял себе, как он серьезно и важно, совсем как взрослый человек, будет говорить:

– Ребята, потише, не испугайте зайчонка!

Ах, если бы этот день поскорее настал!

С самых первых дней зайчонок свыкся с людьми, а от Айдара не отходил ни на шаг. Очень сдружились они меж собою – зайчонок и Айдар. Не прошло и недели, как с соседнего села, преодолев два перевала, пришли мальчишки, ровесники Айдара, посмотреть на зайчонка: – Ой..., посмотрите какой чудесный у него зайчик! А уши какие обвислые, а умен как, ни на шаг не отходит от Айдара, – так восхищались они, вперевой.

Айдара распирало от радости. Вскоре зайчонок подрос и стал именоваться «зайчком Айдара».

В один из дней Абдилаз-ата отбыл за кормами на базу. А Суксур-эне погнала ранним утром отару на пастбище. Айдар спал крепким сном, хотя краешек солнца уже показался на горизонте. Тем временем раздались звуки «тук-тук», «топ-топ», он мгновенно проснулся и вскочил. Оказывается, это его зайчонок бежал по деревянному корыту, что лежало под навесом, взад и вперед.

Поиграв с зайчком, Айдар вернулся и лег спать дальше. Не успел он вновь задремать и погрузиться в сладкий утренний сон, как снаружи донеслись громкие звуки и треск. Пришлось встать, он протер глаза и поднял голову. От страха его трясло, он не понимал, что случилось.

– Ай – даа – ар!.. кричала его бабушка, оглашая эхом горы.

Айдар, собравшись с духом, приоткрыл полог юрты и выглянул наружу.

Какие-то двое промчались друг за другом. Он испугался, один был его зайчком, а второй, от страха он не мог выговорить ни слова.

Второй была огромная бродячая собака. Она гонялась за его зайчком, чтобы съесть его. Сердце подпрыгнуло в груди Айдара, он погнался вслед за собакой, схватив в руку палку. Собака огромными прыжками добежала до кустов караганика и скрылась в них. Зайчонок в страхе мчался в горную ложбину. Мальчик не догнал ее. Прыгая и виляя из стороны в сторону, зайчик вскоре скрылся из виду. Он искал его до самого обеда. Ходил вдоль и поперек по логу. Кричал и звал, плакал навзрыд, но зайчонка и след простыл.

До самой ночи он прождал зайку. «Может сам вернется?» – думал он, но зайчонок не вернулся. Тревога охватила его, печаль его была глубока, но сдерживался он, боясь уронить свою честь.

«Что же случилось, испугался я что ли, или не понял, когда он утром разбудил меня? И я бы непременно разнял их» – думал он горестно, недовольный собой.

«В этот день Айдар и во сне звал своего зайчонка» – поведали его дедушка и бабушка.

Тем временем прошло три дня, маленький Айдар погнал с дедом отару на луга. Прохладный ветерок ласково обвевал

их лица. Кони храпели, ягнята бляели, окрестность была полна жизни!

Абдилаз-ата, лежа на боку, рассматривал в бинокль дальние горы, и это еще более усиливало красоту общей картины, еще более придавало ей очарования.

Айдар, снедаемый желанием отыскать своего зайчонка, попросил деда: «Дедушка, дайте бинокль, мне посмотреть надо».

Дедушка снял с шеи бинокль и протянул внуку: «Возьми, дорогой, возьми!».

Он тоже озабочен. А как же, ведь внук его опечален, страдает из-за зайчонка. Взяв в руки бинокль, Айдар стал внимательно осматривать окрестности.

Вот, вон там, около высоких кустов горлеца кто-то вроде подпрыгнул и убежал. Осторожно наводя бинокль, и крепко держа его в руках, он направил коня вверх. Вот, теперь он виден как на ладони. Мальчик увидел своего зайчонка, который жевал траву рядом. Как обрадовался Айдар!

– Дедушка, я нашел, нашел, – вскричал он, радуясь. – Мой маленький зайчонок, мой милый! – и пустил вскачь коня по склону горы.

ОЧИСТИ МЕСТО, ОТКУДА ТЫ ОТКОЧЕВАЛ

На дороге, ведущей к джайлоо Акташ, есть родник с холодной ключевой водой. Рядом с ним растет высокая белая береза, подпирая вершиной своей небеса. Люди, проезжающие туда-сюда, обязательно остановятся, сделать привал. Напьются родниковой воды, отдохнут от жары в тени раскидистой березы. Береза, уходящая в синюю высь ветвями, радуется взору, нежные шелковистые листочки струятся вниз до самой земли, как косички у юной красавицы. Тонкие веточки дрожат при малейшем дуновении ветерка, словно повторяя мелодию. Белоствольная береза привлекает взор своей жемчужной матовостью, шелестящая листва источает аромат как первые весенние цветы. Придешь к нему с печалью в сердце – печаль развеется, придешь, изнемогая от жажды – жажду утолишь.

Прозрачный родник, журчащий у корней березы - ее кровь, ее пища. Один журчит, другой шелестит – и этот перепев рождает нескончаемую песнь жизни, одухотворяя красоту природы. Многие зарятся на них, еще больше тех, кто мутит чистую воду родника, разрушает его.

Вот, идут еще двое. Повернули сюда. На девочке красное платье, переливается огнем. На мальчике белый колпак как белая вершина горы. Прервав свой бурный разговор, они внезапно остановились. Это Эрбол и Бермет, внучата старика Адашкана, они проводят лето на джайлоо с дедушкой и бабушкой.

– Как думаешь, Эрбол? Мы очень любим говорить о красоте родной земли, хвастаемся часто. Но палец о палец не ударим, чтобы сохранить красоту родной земли! Наоборот, разрушаем и засоряем природу. Посмотри, чего только нет вокруг! Осколки разбитых бутылок, обглоданные кости, мусор...

– Но кто все это набросал? – Эрбол вопросительно взглянул на Бермет.

– Конечно, не мы с тобой. Это все взрослые люди. Это их дикие следы. Увидишь это безобразие, и сердце кровью обливается.

– Все правильно, Бермет. Ты все правильно говоришь. Но не переживай так сильно. Ведь природа нужна не только нам двоим, нет. Она нужна всем. «Не дорого то золото, что в руках». Так и сейчас. Не ведаем, что творим, а любим, говорить, земля разоряется, время портится. Себя не виним, а других осуждаем.

– Ты тоже стал переживать. Слова-то, какие горькие.

– Невозможно не горевать. Будь добра, пойми, что этот человек напился здесь чистой воды, полежал в тени, ублажил себя и ушел?! Нет. Может, он отдыхал час два-три. Но, не было в нем совести, не было в нем стыда, оставил он после себя грязный след, оставил кучу мусора, словно, нет у земли хозяина. Подумай, это хорошо или плохо?

– Все верно! В давние времена кочевники, прежде чем откочевать очищали от грязи и всякого хлама свое кочевье. Потом это стало традицией, обычаем. Мы должны это правило хранить в памяти как средство лучшего образа жизни. А отступим от него не видать нам светлого будущего.

– А они что, думают о лучших традициях жизни? Им главное хорошо отдохнуть, а остальное их не трогает.

– Бермет, ты думаешь, что только взрослые нарушают традиции? От этого и мы не остались в стороне.

Эрбол показал в сторону лагеря, где раздавались звонкие звуки горна.

– Куда пойдет первый караван, туда движется и второй...

– Нет, Бермет, давай не будем препираться. Нас уже зовут на обед. Взрослых все равно не победить. Если кто-нибудь сейчас заявится и скажет: «Что, это земля вам досталась в наследство от отца?» – нам нечего будет сказать. – Лучше давай-ка сами уберем весь мусор и закопаем, очистим родничок...

– Хорошо, давай уберем все вокруг, очистим и порадуем родник и березку. Да, Эрбол? Бермет обрадовалась и засучила рукава.

– Конечно, обрадуем обязательно! Сейчас увидишь, как все преобразится вмиг.

Эрбол и Бермет, засучив рукава, приступили к уборке. Вскоре родник вновь заискрился прозрачной водой, и зашелестела листвой березка. Очищенная от всякого сора благоденственная земля задышала свободно, засияла чистотой, зажурчал родничок, зашуршала листвой береза, склоняя свои ветви до земли. И оба они, благодарные, провожали мальчика и девочку, идущих к лагерю, долго смотря им вслед.

ЗООПАРК

Бабушка Марал недолго проработала в зоопарке. Уволилась по собственному желанию. И внучка Майрам поддержала ее решение от всей души, так как каждый день после школьных уроков она помогала ей. Носила корм животным и зерно птицам зоопарка, поила их, словом любовно и заботливо помогала бабушке. Бывали дни, когда от усталости не могла двинуть руками и ногами, так набегаются за день. Но никогда не жаловалась на усталость. Она была рада, что помогает бабушке. И чем больше времени она проводила с животными, тем ближе они становились ей. Любовь и симпатия к животным породили дружбу между ними. Но с некоторых пор она возвращалась с зоопарка грустная и печальная. Огорчали ее разговоры посетителей зоопарка со своими детьми.

– Ох! Вы ели когда-нибудь мясо куропатки и фазана? Конечно, нет! Это очень вкусно, особенно, когда зажаришь, просто язык проглотишь! Оф, даже слюнки потекли! Даст бог, на следующей неделе выберемся в ущелье, постреляем их и «бабах, ба-бах», вот это будет отдых! – так хвастались они громко-гласно.

– Эх, жизнь! Вы не пробовали еще шашлыка из горного барана и косули. Вот бы сейчас попробовать. Язык можно прокусить нечаянно. Может съездить на охоту за архарами и косулями, подстрелить одного из них? Это было бы чудесно! – так проявляли свою ненасытность другие.

– Ладно, как-нибудь в один из дней будете поджаривать печенку на костре, – смеялись они.

Слушая эти разговоры, Майрам низко опускала голову от стыда, досадовала. А дети, слыша эти разговоры, устремляются вперед и глаза их блестят, словно, прямо сейчас готовы сварить кайберенов и зажарить их печень на костре. Им хочется побыстрее отведать их вкус:

– Папа, мама, когда поедим на охоту? Когда будем готовить шашлыки? – изводят они своих родителей.

И тогда бабушка с внучкой не подпускают их к клеткам с животными, сердито выговаривая:

– Птенец берет в жизнь то, что увидит в гнезде. Бессовестные! Вы хоть понимаете, о чем говорите? Вы совершенно бездушные, не стоите того, чтобы вам показывать кайберенов. Лучше бы подумали о будущем своих детей?!

– Смотри, какая злая карга! А что эта пигалица, внучка ее встречает, как банный лист, – парируют посетители. И жалуются на них.

Наконец, бабушка была вынуждена написать заявление об увольнении по собственному желанию.

С тех пор как бабушка Марал перестала ходить в зоопарк, маленькая Майрам не находит себе места в доме. Злитесь, вспоминает чудесных птиц в зоопарке, диких животных, и вдруг решила сходить в зоопарк тайком от бабушки. Сколько не отговаривала себя, ноги сами понесли ее. В зоопарке вместо бабушки работал худой, жилистый человек, похожий на клячу, всю жизнь, тянувшую арбу, вот он и не пустил ее в зоопарк. От обиды Майрам громко заплакала. Горячие слезы ее прожигали железную ограду. Красное платье все вымокло. На-

конец, выплакавшись, она решила уйти, но тут увидела этого человека. Сумасбродный старик с кем-то оживленно говорил, причмокивая губами от удовольствия, когда причмокивал его собеседник. Потом провел по горлу вытянутым указательным пальцем, затем показал жестами, как готовит шашлык на огне и ест, чавкая от удовольствия. Майрам во все глаза, смотревшая на старика, опять стала громко рыдать, сердце ее сжалось от боли за животных, которых лишили воли, посадив в клетки. Она ненавидела тех, кто это сделал, осуждала их.

– Если это и есть радость, не приду сюда больше, – шептала она себе и пошла домой. Дом ее был далеко отсюда...

СОВЕСТЬ СВОЮ ПОТЕРЯЛИ

Дети пробежали по улице, не заметив старика, сидевшего на завалинке. Проскакали на своих «аргамаках», прищипывая их и покрывая все вокруг густыми клубами пыли.

– Эй, баатыры²⁴, куда скачете, торопитесь? Придержите коней, вы совесть свою уронили, – сказал старик громко и сердито.

– Деда, где, что мы уронили?! – стали оглядываться мальчишки.

– Вот, здесь, – помахал им рукой старик, – возвращайтесь.

Только теперь поняли дети иронию старика, и, натянув удила своих «коней»-прутиков, поздоровались:

– Ассалом алейкум, абаке!²⁵ – и пристыжено почесали свои затылки.

– Воалейкум салам.

Дед пожал им маленькие ручонки. – Вот возьмите свою совесть назад. «Платье снову, а честь смолоду» говорят, так и вы берегите честь смолоду. Уважайте старших, родные мои. А теперь можете идти.

Дети вмиг побежали дальше.

²⁴ Баатыр – ласковое обращение к детям.

²⁵ Аба, абаке – брат, обращение к старшим.

Содержание

Добрый палач	3
Повесть	
Снежная женщина комиссара	66
Повесть	
Рассказы	
Когда догорает закат	101
Обрыв	112
Преступление равно наказанию	131
Скворец	143
Зайчонок Айдара	146
Очисти место, откуда ты откочевал	148
Зоопарк	150
Совесть свою потеряли	152

Художественное издание

Жапарали Осмонкулов

Добрый палач

Повести и рассказы

Авторизованный перевод

Бишкек – 2013 г.

Редактор – Сардарбек кызы Нурайым
Художник - Рысбек Исаков
Вёрстка Кубанычбека Кабилова

Терүүгө 10.12.2012 берилди.
Басууга 25.12.2012 берилди. Форматы 84x108 $\frac{1}{16}$
Көлөмү 9,5 б.т. Нускасы 1000.

«Гүлчынар» басмасынан басылды.
Бишкек ш., Т.Фрунзе 91/1
Тел.: 41-77-67